ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Ганна Ильберг

КЛАРА ЦЕТКИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности революционерки, неутомимого борца за дело революции Кларе Цеткин. Еще в молодости Клара, не разделявшая политических убеждений своей семьи и педагогов, посвятила себя делу социал-демократической партии. Тяжелая трудовая жизнь в эмиграции не сломила Клару. Семье Цеткиных помогали соратники по борьбе, друзья.

Подробная биография Клары Цеткин должна была бы составить несколько томов; написать ее — значило бы написать историю не только немецкого, но и международного рабочего движения.

Предлагаемая читателю книга представляет собой только скромную попытку рассказать в очень сжатой форме о самых существенных чертах жизни великой немецкой социалистки.

- Ганна Ильберг
  -
  - ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ
  - ДЕТСТВО
  - ГОДЫ УЧЕНИЯ
  - ЧТО ДЕЛАТЬ?
  - ВСТРЕЧА С ОСИПОМ ЦЕТКИНЫМ
  - НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ
  - ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА
  - РАЗЛУКА С ОСИПОМ
  - ПОМОЩНИЦА «КРАСНОГО ПОЧТМЕЙСТЕРА»
  - «ШКОЛА ГОРЬКОЙ НУЖДЫ»
  - РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПАРИЖ
  - ВПЕРВЫЕ НА ТРИБУНЕ
  - СМЕРТЬ ОСИПА
  - ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ
  - ЦЕЛЬ ЖИЗНИ
  - НА ПОСТУ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА
  - ПУТИ И ЦЕЛИ
  - БОЕВАЯ СОРАТНИЦА
  - АГИТАТОР
  - ДЕТСКИЙ ТРУД И КУСТАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ
  - ПОБОРНИЦА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
  - ОБРАЗОВАНИЕ ДОЛЖНО ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ!
  - ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ
  - ВЕЛИКИЕ СОБЫТИЯ
  - «ОГНЕННЫЕ ЗНАМЕНИЯ»

- «ПРЫЖОК «ПАНТЕРЫ»
- ВОЙНА ВОЙНЕ!
- КАТАСТРОФА
- СОПРОТИВЛЕНИЕ
- «ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД!»
- «Я ХОЧУ СРАЖАТЬСЯ НА ТОЙ СТОРОНЕ, ГДЕ ЖИЗНЬ…»
- МНОГОЕ НАДО НАЧИНАТЬ СНАЧАЛА
- ПО ЗАДАНИЮ КОМИНТЕРНА
- ПЕРЕД ВЫСШИМ СУДОМ
- НА ОСВОБОЖДЕННОМ КАВКАЗЕ
- ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ
- ПРОТИВ КОРИЧНЕВОЙ ОПАСНОСТИ
- БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ
- ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
- ПОХОРОНЫ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ [51]

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

Ганна Ильберг
КЛАРА ЦЕТКИН

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Подробная биография Клары Цеткин должна была бы составить несколько томов; написать ее — значило бы написать историю не только немецкого, но и международного рабочего движения.

Предлагаемая читателю книга представляет собой только скромную попытку рассказать в очень сжатой форме о самых существенных чертах жизни великой немецкой социалистки.

Если этой работе удастся внушить женщинам и трудящейся молодежи чувство восхищения и глубокого «уважения к поистине замечательной жизни, отданной служению угнетенным и эксплуатируемым, к нашей Кларе Цеткин — тогда цель ее больше чем выполнена.

Ганна Ильберг

ДЕТСТВО

В Саксонии, в холмистой местности, неподалеку от Рудных гор, лежит деревня Видерау. Она тянется среди лесов по обе стороны речушки Видербах вплоть до чарующей своими ландшафтами Хемницкой долины.

В Видерау, кроме нескольких зажиточных крестьян и еще сохранявших независимость ремесленников, жили только бедные вязальщики чулок и кустари. Здесь 5 июля 1857 года в семье сельского учителя Готфрида Эйснера появилась на свет Клара. Просторный дом, в котором она родилась, стоял на некотором возвышении рядом с деревенской церковью, где отец Клары выполнял обязанности органиста. Выходец из крестьян, Готфрид Эйснер хотя и был строгим протестантом, но никогда не делал из религиозных убеждений мертвой догмы. Мать Клары происходила из уважаемой в Лейпциге прогрессивно настроенной буржуазной семьи. Ее отец, французский дворянин, принимал участие в итальянском походе революционной армии Наполеона. Когда же Бонапарт увенчал себя императорской короной, дед Клары тут же подал в отставку; ведь он присягал на верность республике, а не монарху!

Мать Клары получила прекрасное образование и отличалась живым и деятельным умом. Ее искренне волновали все современные проблемы литературы и искусства. Она была убежденной сторонницей эмансипации женщин. Отец Клары тоже считал, что женщинам должно быть предоставлено равноправие. Оба они, и отец и мать, всегда интересовались политикой. В кругу семьи, где, кроме Клары, были еще ее брат и сестра, часто разгорались дискуссии о самых разнообразных проблемах. Особенно страстно повсюду отстаивала свои взгляды всегда находчивая и жизнерадостная мать Клары. Она открыто осуждала бессердечность пастора и не боялась высказать ему прямо в лицо свое мнение: он стал толстым и дородным именно за счет того, что даже беднейших членов общины, на лицах которых голод и лишения оставили неизгладимые следы, принуждал к уплате различных церковных поборов!

У бедняков не было иного выхода, как искать помощи «господина учителя». Он одалживал или дарил им деньги для уплаты налогов, хотя сам располагал весьма скромными средствами.

Эта неизменная готовность помочь сделала отца Клары уважаемым человеком среди жителей деревни. Местные бедняки

относились не только с почтением, но и с большой симпатией к учителю Эйснеру и его жене. В доме, где росла Клара, царили прогрессивные взгляды и подлинная любовь к людям. Здесь еще помнили лозунг Великой французской революции — «Свобода, равенство и братство».

Уже в сельской школе Клара выделялась среди других детей быстрой сообразительностью и ясным умом. Ее отец не ограничивался только уроками и постоянно готовил к поступлению в гимназию или в коммерческое училище — нескольких одаренных ребят. Очень скоро и своей маленькой дочери он позволил принимать участие в этих занятиях. В семье давно уже было решено: Клара должна стать учительницей.

Смышленая девочка шутя справлялась со своими уроками. У нее было много свободного времени, чтобы носиться по лугам и лесам. Клара участвовала в самых отчаянных играх и не боялась забираться на самые высокие деревья! Она никогда не увиливала в сторону, даже когда дело доходило до драк с деревенскими мальчишками, товарищами ее детских игр.

Во время потасовок она всегда была в самой гуще сражения.

Едва только Клара научилась читать, как страсть к книгам овладела ею. Она читала ночи напролет, словно одержимая. Родители начали опасаться за ее здоровье. Когда наступало время ложиться спать, они забирали у дочери лампу, чтобы заставить ее прекратить чтение. Клара считала это суровым наказанием. Но она была очень находчива. Зимой в своей маленькой комнате она садилась на низенькую скамеечку перед открытой дверцей печки. Отблески пламени, падающие на страницы книги, отлично заменяли керосиновую лампу.

Даже родители Клары были изумлены, когда убедились, что девятилетняя девочка уже прочла «Илиаду» и основные произведения Гёте и Шиллера. В одиннадцать, лет она знала многие творения Шекспира, Байрона и Диккенса. Клара особенно любила читать вслух стихи. Многие из них она сразу запоминала, а другие с удовольствием выучивала наизусть. Уже в детские годы без особых усилий она заложила фундамент того прекрасного знания мировой литературы, которое так часто вызывало удивление.

Больше всего Кларе нравились две книги, найденные на мансарде: история освободительной борьбы швейцарцев и история Французской революции. Даже страшные рисунки, которыми они были иллюстрированы, не уменьшали интереса Клары к этим книгам. Она жила, страдала и боролась вместе со швейцарцами, с оружием в руках изгоняющими со своей родины наместников императора и прочих деспотов. Так же страстно она

любила и героев Французской революции. Щеки ее пылали, когда в мечтах она была вместе с ними на баррикадах и боролась за лучшую жизнь для обездоленных и угнетенных.

Сердце девочки, казалось, готово было разорваться от переполняющей его пылкой любви к героям. Деревенские ребята, товарищи Клары по играм, тоже должны узнать о них! Как стремительный поток, захватил ребят рассказ Клары. Она зажгла их своим искрящимся воодушевлением — теперь у них есть новая игра! Сражались ли они, как швейцарцы, отстаивающие свою независимость, играли ли «в революцию» — всегда впереди всех была маленькая дочь учителя. В те времена она, вероятно, сотни раз умирала смертью Арнольда Винкельрида[1]! Об этих играх Клара вспоминает с любовью и тогда, когда годы уже убелили сединой ее голову.

После таких «сражений» Клара возвращалась домой вся запачканная, часто в разорванной одежде и с кровавыми ссадинами. Ее пылающее личико сияло от счастья. Она не знала усталости. Даже после самых утомительных игр ее тянуло к книжным полкам. Там однажды она нашла историю христиан, которые поднялись на борьбу с папством и были уничтожены. В образах, созданных великими поэтами, в героях швейцарской освободительной борьбы и Французской революции, в восставших против папства христианах Клара видела людей с сильными характерами, людей, которые готовы умереть за свои убеждения. У Клары родилась и окрепла уверенность, что каждый человек, мужчина или женщина, должен бороться за правое дело, даже если ради этого надо пожертвовать жизнью.

Вначале родители Клары предоставляли маленькой озорнице полную свободу, но потом, заботясь о развитии ее способностей, они осторожно и почти незаметно начали ограничивать ее шалости и игры. Отец преподавал ей музыку. Талантливому органисту доставляло большую радость учить дочь игре на органе. Клара часто сидела в маленькой церкви у старого инструмента и разучивала прелюдии и хоралы или погружалась в мощные звуки, извлекаемые отцом из органа. Девочка, заботливо наставляемая родителями, училась в музыке, как и в великих творениях поэзии, различать звучание воинственного гуманизма.

Клара жила не только в мире книг, ученья и забав. Даже волны музыки лишь на мгновения переносили ее в страну грез. При всей своей склонности к мечтаниям и фантазированию она отличалась острой наблюдательностью, чувством справедливости и ясным умом. Но многого, что происходило в окружающем ее мире, она не могла понять.

Почему в деревне небольшое число зажиточных крестьян, их

жены и дети хорошо питаются и хорошо одеты? Чванливо и важно расхаживают они по улице и при каждом удобном случае хлопают себя по своим туго набитым карманам. А лучшие друзья Клары, дети скромных и трудолюбивых вязальщиков чулок, худы до ужаса. Клара часто вспоминала стишок, услышанный от мальчика со впалыми щеками, который пришел с хребта Рудных гор:

Лишь только свет появился в окошке,
Как на столе уже миска с картошкой.
Картошка в обед, и на ужин — картошка.
Хотя бы хлеба совсем немножко —
С утра до ночи одна картошка!

Почему должны жить на одной картошке кустари, которые вместе со своими женами и детьми работают с раннего утра до поздней ночи? Почему только изредка могут они купить селедку и лишь по большим праздникам маленький кусок мяса? Богатые крестьяне работают куда меньше, чем бедняки, а по вечерам и в воскресенье часто захаживают в трактир. Они едят мясо и пьют молоко, когда им нравится, носят крепкие башмаки и костюмы из хороших тканей. А сами кустари и их семьи одеты в страшные лохмотья, где заплата лежит на заплате. Почему в мире существует такая огромная разница между бедными и богатыми? Даже родители не могли вразумительно ответить на настойчивые вопросы ребенка. Особенно возмущали Клару объяснения бессердечного пастора, что бедняки наследуют царство небесное. От напряженных раздумий о причинах царящей в мире несправедливости на гладком лбу девочки часто появлялась суровая складка. Клара понимала только одно: «Тут что-то не так!» Отзвуки исторических событий изредка докатывались до маленького Видерау. Но шел 1870 год! О начале франко-прусской войны заговорили даже кустари в своих убогих, душных лачугах. Они боялись сопутствующих войне крайней нужды и смерти и перешептывались по поводу слуха, который дошел даже до них: Бисмарк хитрой дипломатической игрой принудил Францию к объявлению войны[2]. Да, социал-демократы Август Бебель и Вильгельм Либкнехт[3] были настоящими людьми! Они имели мужество в северогерманском рейхстаге[4] открыто осудить войну, зная, что расплачиваться за нее придется простому народу. Бедняки гордились Бебелем и Либкнехтом.

В родном доме Клары из-за больших семейных забот интерес к Политике отступил на задний план. Скоро Кларе исполнится четырнадцать лет, да и брат с сестрой уже подросли. Мать неоднократно пыталась убедить отца переехать с семьей в

Лейпциг, чтобы дать детям возможность дальше учиться. Отцу очень тяжело было принять решение. Много лет тому назад отклонил он почетное предложение стать органистом при известном на весь свет органе Баха в Лейпциге, заявив: «В Видерау я более нужен, чем в Лейпциге. Деревня не найдет мне полноценной замены». После долгой внутренней борьбы он в конце 1871 года согласился переехать в Лейпциг. Он не хотел, чтобы по его вине дети не получили хорошего образования.

С переездом семьи Эйснер в большой торговый город, расположенный в средней Германии, закончилось детство Клары. Остались далеко в прошлом дни привольных блужданий по лесам и беззаботных игр с деревенскими ребятами! Теперь надо было под руководством отца серьезно заниматься, чтобы заполнить пробелы в своих знаниях: через два года Кларе пред-.стояло сдавать вступительные экзамены в учительскую семинарию. Девочка, привыкшая к сельской жизни, вначале чувствовала себя совсем плохо среди каменных коробок Лейпцига. С тоской вспоминала она горы, леса и луга Видерау. Но вскоре ей начала нравиться пульсирующая жизнь крупного торгового города. Театр полностью примирил Клару с Лейпцигом. Фауст и Эгмонт, Гамлет и Отелло, Дон-Карлос и Вйльгельм Телль произвели на нее неизгладимое впечатление. Переживания и страдания героев, столь близких ее сердцу, глубоко и долго ее волновали.

Среди занятий, посещений театров и радостных часов, проведенных в кругу сверстников, все ближе подходил срок вступительных испытаний. Клара занималась прилежно и терпеливо. И не только потому, — что это доставляло ей радость, — она не могла обмануть надежд, которые возлагали на нее родители. Как они должны будут во всем сокращать свои расходы, для того чтобы дать ей возможность учиться в хорошей учительской семинарии!

Мать Клары, несмотря на свои заботы и многочисленные обязанности по дому, все же выгадывала время для посещения собраний Всеобщего союза немецких женщин. Там она встретила одну из основательниц этого союза — Августу Шмидт, руководившую очень известной в Лейпциге учительской семинарией. Эта умная, отзывчивая и либерально настроенная женщина внушила матери Клары такое доверие, что она после недолгих колебаний поделилась с ней своими заботами. Августа Шмидт тотчас же высказала готовность бесплатно обучать в своей семинарии одаренную девушку.

Теперь мать Клары, а с ней вместе и вся семья вздохнули с облегчением. Клара окажется достойной так великодушно предоставленного ей бесплатного места в семинарии! В этом мать

не сомневалась ни одной минуты.

ГОДЫ УЧЕНИЯ

В 1874 году Клара выдержала вступительные экзамены в семинарию выдающегося педагога Августы. Шмидт, которая требовала от своих учениц более чем средних познаний во всех областях науки. Клара оправдала все надежды учительницы: у нее оказались блестящие способности к иностранным языкам, ее сочинения говорили об оригинальном и логичном мышлении, она обладала легким стилем и удивительно образной манерой выражать свои мысли. Отличная память помогала ей легко усваивать обширный учебный материал.

Соученицы очень любили Клару за постоянную готовность оказать помощь, за разящее остроумие и особенно за то, что, несмотря на свои способности, она никогда не была заносчивой. Но были и девушки, которые старались ее избегать, — это те, кого Клара избрала мишенью для своих насмешек за их презрительное отношение к окружающим, за их чванство и чересчур высокое самомнение. Они терпеть не могли Клару, эту обучающуюся бесплатно ученицу, в поведении которой не было даже и тени заискивающей предупредительности или подобострастия.

Клара всегда по собственному желанию учила больше, чем было задано. Но она не сидела все время в комнате и не заделалась «синим чулком». Она любила посмеяться и пошутить, но вместе с тем она проводила долгие часы в серьезных размышлениях о причинах, которые лежат в основе явно несправедливого распределения жизненных благ. Всегда и везде — на улицах, на площадях, в театре — Клара внимательно присматривалась к лицам и одежде людей. Насколько резче, чем в маленьком Видерау, проявлялись в большом торговом городе контрасты между бедностью и богатством!

На скверах в сопровождении своих гувернанток гуляли холеные, здоровые, нарядные дети. Какой-нибудь бедный мальчик, бегающий по всему городу ради нескольких грошей, остановится на минутку и смотрит с завистью и удивлением на эти важные, как павлины, создания. Потом он торопится дальше — разносит газеты, таскает тяжелые свертки, выполняет разнообразные поручения, чтобы вечером отдать матери несколько пфеннигов на селедку или на кусочек колбасы.

В театре Клара очень критически разглядывала богатых женщин в элегантных платьях и дорогих мехах. От этих существ с гладкими, улыбающимися, часто такими тупыми лицами исходили опьяняющие благоухания. На их выхоленных в

праздности пальцах сверкали великолепные драгоценности, на деньги от продажи которых многочисленная семья какого-нибудь ткача могла бы жить целые годы. Задумчиво отворачивалась молодая, скромно одетая семинаристка от картин пресыщенного всем богатства.

Может быть, в мире удалось бы уничтожить голод и нужду, если бы можно было запретить богачам расточительство? Клара ломала над этим голову и искала ответа в книгах. Но занятия в семинарии так и не помогли ей прийти к определенному выводу. Тогда она попросила учительницу разъяснить ей эти сложные проблемы. С улыбкой на устах Августа Шмидт назвала Клару «мечтательницей, желающей улучшить мир», и, отшучиваясь, избежала ответа на вопрос. Клара была очень разочарована таким отношением учительницы. Разве люди, куда более значительные, чем она, молоденькая семинаристка, не мечтают о том, чтобы в мире был установлен более справедливый порядок? Она часто вспоминала стихотворение Генриха Гейне:

> А хлеба хватит нам на всех —
> Устроим пир на славу!
> Есть розы и мирты, любовь, красота
> И сладкий горошек в приправу[5].

Клара любила полные оптимизма стихи Гейне. Но он лишь мечтал о прекрасном будущем, а Клара искала путь, который бы обеспечил беднякам лучшую жизнь. Однажды ей попались на глаза социал-демократические газеты и брошюры. Социал-демократы добивались того же, чего и она; поэтому Клара была сердцем с ними! Но эта литература тоже не дала ей ясного ответа на вопрос о причинах нужды и не показала выхода из бедственного положения.

В 1878 году Клара так блестяще сдала государственные экзамены, что и родители и Августа Шмидт считали будущее девушки обеспеченным. Они были уверены, что в дальнейшем Клара добьется больших успехов и признания на педагогическом, поприще. Ее увлечение социализмом они считали мимолетным капризом,

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Клара не разделяла мнения родителей и Августы Шмидт, что блестящее окончание семинарии — залог обеспеченного будущего. Она твердо решила отдать полученные знания делу рабочих и бедняков-крестьян.

Но как осуществить это намерение? Сразу после экзаменов Клара поделилась с подругой, русской девушкой Варварой, своими планами на будущее. Клара призналась, что хочет разобраться в социальных и политических вопросах. Она была убеждена, что после того, как расширит свои познания, ей станет ясно, где ее силы будут наиболее нужны страдающему человечеству.

Варвара тоже не могла сама ей ничего посоветовать, но она ввела Клару в круг русских эмигрантов и студентов, которые, по ее словам, «лучше разбираются в этих вопросах и могут их разъяснить». Они много занимались политическими и социальными проблемами, читали революционных поэтов, а по вечерам нередко пели грустные песни своей родины.

Русские студенты и эмигранты, собравшиеся в Лейпциге, не имели ни своей партии, ни определенной политической программы. Клара понимала, что высказываемые ими мысли, какими бы смелыми они ни были, не могут стать твердым основанием для ее будущей деятельности. Речей говорилось очень много, но толку от них было мало. Клара так и не нашла в них ответа на мучившие ее вопросы.

Однажды вечером вместе с русскими друзьями Клара пошла на открытое собрание социал-демократической партии, которую повсюду клеймили как «партию цареубийц». Какие-то опустившиеся субъекты совершили одно за другим два покушения на императора, и Железный канцлер[6] старался взвалить вину за это на социал-демократов.

На этом собрании Клара впервые встретила рабочих-социалистов, которые с верой в собственные силы требовали улучшения условий жизни. Они говорили, что Бисмарк испытывает страх перед социал-демократической партией и с давних пор мечтает о полном ее искоренении. Седовласый рабочий тихо сказал Кларе: «Бисмарк — законченный пройдоха… Он готов даже Вильгельма отправить к чертям на жаркое, лишь бы нас задушить». Клара посмотрела на старика с некоторым удивлением — дома и в семинарии привыкли видеть в канцлере национального героя.

С тех пор Клара старалась не пропускать ни одного собрания. Она узнала, как прислужники Бисмарка преследуют активных рабочих-социалистов и как по самым ничтожным поводам приговаривают их к длительному лишению свободы. Но рабочие даже по возвращении из тюрьмы неустрашимо возобновляют борьбу и нередко ставят на карту свою жизнь. Героизм этих простых людей и частые беседы с ними пробудили в Кларе желание серьезно изучить цели партии. Поэтому Клара стала посещать не только собрания, но и лекции Вильгельма Либкнехта в «Союзе просвещения рабочих».

Очень скоро молодая учительница поняла, как стать полезной пролетариату в его борьбе за лучшую жизнь. Это произойдет только в том случае, если она сама встанет в боевую шеренгу организованных рабочих и приобретет политические знания. В то время когда социал-демократы подвергались преследованиям, надругательствам и клевете, когда их клеймили как «красный сброд» и «цареубийц», когда в харчевнях им нередко отказывали в пище и питье, Клара смело вступила в партию.

Этот шаг Клары вызвал у родителей ужас. При всей своей политической терпимости они чувствовали себя теснейшим образом связанными с буржуазией. Ведь Август Бебель, вождь социал-демократов, в мае 1871 года превозносил подвиги парижских коммунаров, захвативших на короткое время государственную власть в свои руки! Родители Клары не хотели мириться с тем, что их дочь принадлежит партии, сотрясающей устои государства. Чтобы Клара не ходила на собрания, они стали раньше времени запирать дверь. Она могла попасть в квартиру только через окно, которое предусмотрительно оставляла открытым. Размолвки с отцом и матерью и необходимость скрытничать тяжело ее угнетали. А теперь еще и Августа Шмидт стала грозить, что «между ними будет все кончено», если она не порвет с «преступным сбродом».

Категорическое требование любимой и уважаемой учительницы подвергло тяжелому испытанию убеждения Клары. Она очень многим была обязана Августе Шмидт: и бесплатным обучением и дружеской, полной любви поддержкой. Она не только восхищалась обширными познаниями и педагогическим талантом учительницы, но и уважала ее за социальные взгляды, которые та всегда готова была подкрепить делом. Клара прекрасно знала, что ее родители чувствовали себя в большом долгу перед Августой Шмидт. Она понимала, что должна выбрать путь, который определит всю ее дальнейшую жизнь.

Политические убеждения Клары еще не имели под собой твердой почвы: дорогу к рабочему классу указало ей чувство. Она

не знала учения о научном социализме, и ее связь с партией была еще слаба. Тем мучительней искала она решения.

По одну сторону была вся прошлая жизнь; Августа Шмидт, к которой Клара испытывала величайшую благодарность, нежно любимые родители Клары и брат с сестрой, их друзья из буржуазного круга, вероятно даже ее профессия, к которой она привязалась всей душой. А по другую сторону она видела миллионы страдающих от голода и холода детей, толпы изможденных, обнищавших и замученных женщин, массы рабочих. Все они, несмотря на величайшее трудолюбие, обречены на существование, полное лишений. Где ее, Клары, место в жизни? После долгих дней тяжелой внутренней борьбы, после многих пролитых втихомолку слез молодая учительница пришла к выводу, что ее жизнь должна принадлежать беднякам и угнетенным. Она будет помогать им в их справедливой борьбе.

Убежденность в правильности избранного пути придала Кларе силы. Теперь она могла явиться во всеоружии на решительное объяснение с Августой Шмидт. Но все же во время последнего разговора с любимой учительницей Клара оказалась не в состоянии удержаться от слез, когда заявила: «Я не могу поступать вопреки своим убеждениям…»

Порвав с Августой Шмидт, Клара была вынуждена уйти из дому. Перед молодой учительницей открылась свободная дорога, дорога в суровую и трудную жизнь, отданную борьбе против эксплуатации человека человеком.

ВСТРЕЧА С ОСИПОМ ЦЕТКИНЫМ

Клара смело порвала все нити, связывавшие ее с буржуазией. Теперь она была свободна, но и одинока. Ее преследовали сплетни и клевета. Почему вдруг девушка, закончив образование, покинула родительский дом? Шушуканье продолжалось без конца. Клару это мало трогало. Но первое время после ухода из дому ей было очень тяжело; часто приходилось бороться с тоской по родным. Как все-таки трудно быть в жизни одинокой!

Но разве она одинока? Разве нет у нее великой цели, которую она перед собой поставила, — бороться за счастливое будущее трудящихся, бороться за революцию? Разве нет у нее русских друзей? Нет, она не должна оглядываться назад. Это было бы слабостью!

Все реже и реже оглядывалась Клара назад. Бесстрашно и упрямо участвовала она в борьбе и не оставляла без внимания никакого, даже самого маленького дела. Будничной политической работе отдавала она свои силы. Клара была так воодушевлена, что не жалела своего пылкого красноречия, стремясь каждого встречающегося ей человека сделать сторонником социализма.

Когда в октябре 1878 года германский рейхстаг принял давно уже подготовленный Бисмарком «исключительный закон против социалистов»[7], Клара от возмущения едва не потеряла самообладания. Партия, профсоюзы и все их газеты в один миг оказались запрещенными! Первая мысль Клары была — призвать рабочих к оружию. Друзья разъяснили ей все безумие такого намерения. И она с тяжелым сердцем ограничилась скромным поручением собирать средства для жертв «исключительного закона», которых с каждым днем становилось все больше и больше.

Вскоре в Берлине было введено «малое осадное положение». Этот акт террора повлек за собой высылку многих социалистов и причинил неисчислимые бедствия. Целые семьи очутились в самой горькой нужде.

Бисмарк хотел подрывать силы «красных» до тех пор, пока их партия, которая легально только еще в рейхстаге и могла продолжать борьбу, не ослабнет и не станет «послушной государству».

Клара неутомимо ходила из дома в дом, бегала вверх и вниз по лестницам и гордилась каждой маркой, которую ей удавалось собрать для жертв позорного закона. О своих успехах она с радостью рассказывала русским друзьям. В их среде однажды

вечером она встретила русского эмигранта, который до полудня занимался изучением социально-политических наук, а вторую половину дня работал у столяра. Он рассказал Кларе, что думает у себя на родине некоторое время зарабатывать хлеб столярным ремеслом и одновременно политически просвещать своих товарищей. Этот серьезный, еще молодой человек не принадлежал к числу тех русских эмигрантов, которых революционные мечтания заставляли терять почву под ногами. В разговоре он упомянул, что красивые речи так же не могут изменить мир, как и бомбы террористов. Мир будет изменен только борьбой политически организованного рабочего класса. Поэтому он и вступил, сказал молодой человек внимательно слушающей Кларе, в германскую социал-демократическую партию. Русского эмигранта звали Осипом Цеткиным. Клара хорошо запомнила это имя.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Разве не ясно, что каждый, кто хочет добиться успеха в какой-нибудь профессии, должен долго и прилежно учиться? Поэтому-то Осип и учился у старого лейпцигского мастера Мозерманна. Он строгал, фальцевал, клеил и протравливал дерево — одним словом, делал все то, из чего состоит столярное ремесло. Но основной профессией Осипа была профессия революционера. Профессиональный революционер должен не только быть совершенно бескорыстным, настойчивым и умелым, бдительным и бесстрашным, но и должен основательно владеть своей тяжелой профессией, если хочет успешно работать. В противоположность многим землякам-эмигрантам Осип в тщательном изучении сочинений Маркса и Энгельса, основоположников научного социализма, видел живой «рабочий инструмент» — руководство к действию. Каждую свободную минуту посвящал он изучению этих произведений.

Для Клары, которая еще только делала на ощупь свои первые робкие шаги на арене классовой борьбы, встреча с Осипом Цеткиным имела особенное значение. Он принес ей сочинения Маркса и Энгельса. Впервые Клара взяла в руки эти работы и принялась с необычайным пылом их изучать. Но даже Кларе, обладавшей острым умом и прекрасной способностью к усвоению, сначала приходилось положить много трудов, чтобы проникнуть в эту новую для нее область науки. Отдельные фразы и страницы она перечитывала по нескольку раз и не успокаивалась до тех пор, пока не была уверена, что поняла прочитанное.

Вскоре Клара увидела, что ее старания не пропали даром. В трудах Карла Маркса она нашла, наконец, ответ на вопрос, который волновал ее с детства. Великим событием стал для нее час, когда в своей маленькой комнате, за столом, заваленным книгами, она поняла, почему миллионы рабочих влачат со своими семьями жалкое существование, а ничтожнейшая часть человечества купается в роскоши. Везде, по всему свету прилежные руки рабочих создают великие ценности. Но владельцы рудников и металлургических заводов, земли, машин и инструментов не оплачивают рабочим этих ценностей. Они дают рабочим такую заработную плату, которой хватает лишь на то, чтобы не умереть с голоду, ровно столько, сколько необходимо, чтобы сохранить их рабочую силу. Хозяева средств производства могут жить расточительно, потому что они эксплуатируют рабочих.

Клара в раздумье подняла голову от книг. Румянец пылал на ее щеках. Как она благодарна Осипу Цеткину за эти сочинения, где каждая фраза важна, каждая мысль научно обоснована!

Карл Маркс указывает рабочим, которые совместными усилиями добывают уголь и куют железо, строят машины и дома, ткут ткани и шьют одежду, выход из их бедственного положения. Все создаваемые ими ценности присваивают себе немногие владельцы средств производства, владельцы металлургических предприятий и шахт, литейных заводов и фабрик. Они живут припеваючи за счет эксплуатации пролетариата. Поэтому цель рабочих состоит в том, чтобы освободиться от угнетателей и взять средства производства в свои собственные руки.

Сочинения Маркса и Энгельса убедили молодую учительницу, что она находится на правильном пути. Клара поставила перед собой задачу, ради которой стоит бороться и, если нужно, умереть. Она мечтает о великой цели, о лучшем и более красивом мире, где больше не будет эксплуататоров, где трудовой люд не будет страдать от голода и холода, — о мире, где молодежь сможет учиться в соответствии со своими талантами и стремлениями. Она мечтает о мире, в котором рабочие будут получать отпуска и путешествовать, читать книги, посещать театры и концерты, о мире, в котором рабочие станут образованными людьми. Ради осуществления этого она будет бороться, не зная усталости.

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

После разрыва с родными Клара осталась без средств к существованию. За свою партийную работу она не получала ни гроша. Социал-демократическая партия, находящаяся в подполье, не могла оплачивать деятельность своих даже самых самоотверженных членов. У Клары в кармане был единственный капитал — свидетельство о блестящем окончании известной семинарии Августы Шмидт. Это удостоверение открывало перед ней двери буржуазных домов, славившихся либеральным духом. Клара решила поступить воспитательницей в семью одного богатого фабриканта. Ей было очень трудно примириться с положением зависимости, на которое обрекала ее эта работа. Состоятельные буржуа видели в гувернантке только «более квалифицированную прислугу» и оставляли ей так же мало свободных минут, как и другим слугам. Кларе приходилось изощрять все свое остроумие и находчивость, чтобы выкроить время для партийной работы, для общения с русскими друзьями и особенно для дискуссий с Осипом Цеткиным. Помощь и советы Осипа были в ее занятиях совершенно незаменимы.

Огромная любовь к преподаванию вознаграждала Клару за все ограничения личной свободы. Она видела свою педагогическую задачу не в том, чтобы просто набивать до предела знаниями головы доверенных ей питомиц. Она всегда связывала свои лекции с обычными интересами учениц, со знакомой им окружающей средой. Таким путем Кларе удавалось даже сухому учебному материалу придать яркость и занимательность. Ее уроки были всегда увлекательны и живы. Молодая воспитательница занималась преподаванием с радостью и огромным рвением. Она часто вспоминала гордую мысль Прометея, мужественно восставшего против древних богов: «Здесь я творю людей по своему подобью…»[8] Кое в чем представления Клары были неопределенны. Но все ее мировоззрение носило на себе печать горячей любви ко всем угнетенным и было отмечено духом возмущения против несправедливого общественного строя. Ростки этой активной любви к людям прививала она и своим ученицам. Девочки очень привязались к новой воспитательнице, которая одновременно была их подругой. После занятий Клара вместе с ними резвилась в саду за домом. Она радовалась каждой шутке, а к маленьким заботам обеих девочек относилась так же серьезно, как и они сами.

Педагогические успехи Клары вынуждали родителей ее

воспитанниц относиться к ней с признательностью и уважением. Никогда еще девочки не учились с таким усердием! Только вот политические взгляды этой воспитательницы были родителям совсем не по вкусу. Она ни в чем и никогда не отступала от своих убеждений. Арена борьбы была там, где находилась Клара. Часто даже самого главу семьи втягивала она в споры на политические темы. Сперва этот либеральный буржуа не принимал слишком всерьез социалистические речи удивительно начитанной и высокоодаренной девушки из «доброй буржуазной семьи». Но Клара сразу оказалась неподходящей, как только занялась «политическим просвещением» горничных, кухарки и садовника. Хозяин подчеркнутой холодностью в обхождении дал Кларе почувствовать, что в его доме «зажигательные революционные речи» совершенно неуместны. Прислуга тоже начала сторониться молодой воспитательницы. Клара знала причину такого странного отношения к себе: они, эти современные домашние рабы, привыкшие к унижениям, дрожали от страха перед увольнением и плохой отметкой в расчетной книжке. Поэтому-то они и избегали Клару.

В обстановке малодушия и рабской покорности, чванства и высокомерия Клара зарабатывала свой хлеб, но ее боевой дух оставался несломленным. Как-то в ее присутствии хозяин выгнал из дому бедняка, который пришел смиренно просить о помощи. Разгневанная жадностью и бессердечностью хозяина, она пригрозила, что не встанет на его защиту, когда в недалеком будущем восставший народ потащит его, чтобы повесить на фонаре.

Это высказывание сразу же положило конец терпению хозяина. Он потребовал, чтобы Клара немедленно покинула его дом. Она хладнокровно собрала свои вещи. Клара была твердо убеждена, что рабочие в день революции, которую она тогда считала очень близкой» воздадут фабриканту сполна за все его мерзости. Очень тяжело только далось ей прощание с ученицами. Обе девочки, возмущённые поведением отца, хотели вместе с Кларой уйти из родительского дома. Она заставила их образумиться. Но все-таки была тронута: ей удалось воспитать девочек «по своему подобию» и пробудить в них мятежный дух возмущения несправедливостью.

Клара очень гордилась этим.

РАЗЛУКА С ОСИПОМ

Даже самый лучший аттестат в кармане социал-демократа был сомнительным капиталом в Германии, когда в ней свирепствовал «исключительный закон против социалистов». Но это сознание не заставило Клару опустить руки, напротив, оно делало ее еще более воинственной и смелой. Да, она будет снова работать в домах буржуа и даже там, несмотря на все обиды и трудности, будет сеять семена социалистических идей!

Все время, пока она подыскивала себе место, Осип Цеткин вел себя как верный друг: всегда выкраивал свободные часы для Клары, оказывал ей всестороннюю помощь и заботился о ее политическом образовании. Из отдельных разговоров он смог заключить, что она уже считала себя социалисткой, даже революционеркой. Осип побоялся своими возражениями разрушить ее такую оптимистическую самооценку. Но он был настроен скептически. Слишком часто приходилось ему убеждаться в том, что люди, не происходящие из рабочего класса, лишь постепенно могут превратиться в суровых и стойких борцов за социализм.

Клара пошла на внешний разрыв не только со своей семьей, но и с буржуазией вообще. Осип очень высоко это ценил. Действительно, какое удивительное мужество, какая сила характера! Но порвала ли Клара внутренне с тем классом, к которому она прежде принадлежала? Ей прививали буржуазные взгляды, мозг ее наполняли образованием, отягощенным традициями. Не продолжает ли она до сих пор, вероятно часто бессознательно, мыслить понятиями своих родителей, своих соучениц из буржуазных семей или какой-нибудь Августы Шмидт? Любовь к людям и неподкупное чувство справедливости заставили молодую девушку встать на сторону эксплуатируемых, угнетенных и бесправных. Но твердо ли стоит Клара на позициях нового класса? Осип знал, что ей еще предстоят суровые испытания. Кларе нелегко будет уничтожить в собственном сознании остатки буржуазных взглядов. Прежде всего ей надо по возможности быстро обжиться в среде своих новых друзей.

Осип старался облегчить своему молодому, товарищу по партии этот тяжелый путь. Он познакомил Клару, которая теперь снова стала работать гувернанткой в буржуазной семье, с «мейстером» Мезерманном, столяром, обучающим его ремеслу. Это был сознательный и всеми уважаемый социалист. В его квартире по вечерам собирались рабочие для дискуссий на

политические темы. Вместе с этими рабочими Клара посещала нелегальные собрания. Там она узнала об упорной предвыборной борьбе социал-демократов. Даже дети боролись за победу Бебеля! Клара навсегда запомнила несколько безыскусно срифмованных строф, произнесенных на собрании молодой женой одного рабочего:

В ручонке кусочек угля,
И им на стене дворца
«Голосуйте за Бебеля!» выводит
Сильными штрихами бедное дитя.
Полицейский в ярость приходит
Из-за злодеянья дрожащей малютки.
— Кто ты, социалистов отродье?
— Меня зовут Лизхен, я больна и бедна, —
Отвечает ребенок без плача.
И дальше допрашивает жандарм:
— Кто твой отец? Род занятья? —
Строго смотрит малютка на великана:
— Узнай, кто создал эту беду.
Мой отец выслан!

Общение с рабочими и становившаяся все более тесной связь с партией делали Клару более твердой в ее изнурительной повседневной борьбе с ее хозяевами-буржуа. Тем не менее она иногда подумывала, не отказаться ли ей от своей профессии, которая почти не оставляла времени для партийной работы.

Важные события заставили Клару изменить свои планы. Бисмарк нанес новый удар: в 1881 году в Лейпциге было тоже введено так называемое «малое осадное положение». Лейпциг, эта подлинная цитадель рабочего движения, давно уже колол властям глаза.

Первая волна арестов сразу же захватила и Осипа Цеткина. Его бурная деятельность в рядах запрещенной партии, которая снова очнулась после страшного удара, давным-давно уже привлекла к нему внимание полиции. Его обвинили в организации нелегальной переброски партийной литературы в Польшу. Хотя срок его заключения и короток, но Осип социалист и иностранец! Это вдвойне послужило основанием, чтобы немедленно после освобождения выслать его из города и из страны.

Клара была очень опечалена. Сразу даже солнце стало казаться потускневшим. Как убога ее маленькая комната, как в ней невыносимо душно и тесно! Неутомимый учитель и верный

друг внезапно должен покинуть Лейпциг, покинуть Саксонию! Она никак не могла смириться с этой мыслью. Осипу тоже было тяжело думать о разлуке с Кларой. Он очень ценил ее. Какая ясная голова, какое восторженное сердце! Да, он любит эту девушку, воинственную, смелую и энергичную Клару с ее такими еще по-детски круглыми щечками.

Вечером того же дня, когда Осипа освободили из тюрьмы, Клара вместе с русскими друзьями провожает его до границы города. Осип очень взволнован. Молча идут молодые люди рядом. В темноте, далеко позади, слышатся голоса друзей. До границы остается всего несколько шагов. Они подают друг другу руки. Осип от волнения не находит слов. Запинаясь, он тихо и нерешительно спрашивает: «Ты не хочешь тоже приехать в Париж?.. Ко мне… в Париж?» Друзья приближаются. Сердце Клары отчаянно бьется. Она бы охотно последовала за Осипом. Но ответить так быстро она не может. За последние дни на нее и так навалилось слишком много переживаний: арест Осипа, приказ об его высылке, а теперь еще это предложение. Прощаясь, она его обнимает. Она будет ему писать, писать обо всем, о всех своих думах и чувствах. Напишет ему и о своем решении.

Осип обменивается с провожающими последними рукопожатиями и уходит. Обернувшись, он еще раз приветственно машет рукой. Только когда его фигура совершенно исчезает в темноте, Клара медленно идет назад. В мыслях своих она вместе с Осипом Цеткиным отправляется из империи «исключительного закона» в город легендарных борцов Коммуны, на родину героев ее детских игр. Путь Осипа ведет в жизнь, полную неизвестности. Она очень хорошо это понимает. Но Клара знает и то, что Осип вступил на этот путь мужественно и без колебании, потому что он верит в конечную цель — в революцию! С гордостью Клара тихо говорит самой себе: «Товарищ, друг…» — и мысленно добавляет: «Любимый…»

ПОМОЩНИЦА «КРАСНОГО ПОЧТМЕЙСТЕРА»

Отъезд Осипа во Францию оставил в жизни Клары ничем не заполнимую и причиняющую страдания пустоту. Она много думала о его политических наставлениях и беседах. Даже оживленная переписка не могла заменить личного общения и служила слабым утешением.

Когда Кларе тоже стал грозить арест, она покинула Германию. Она работала воспитательницей сначала в Австрии, потом в Италии. Хотя- Клара и очень любила Осипа — это было ей совершенно ясно, но она хотела еще некоторое время, перед тем как связать себя с ним, оставаться независимой. Осип одобрил это решение.

Опыт, накопленный Кларой во время ее работы за границей, был как две капли воды похож на опыт, полученный на родине. Ее австрийские и итальянские хозяева тоже испытывали панический страх перед коммунизмом, этим «призраком», который породила сама жизнь! Острые политические споры с родителями воспитанниц часто вынуждали Клару менять место работы.

И вот молодая учительница оказалась перед выбором нового поля деятельности. Варвара и многие русские друзья тех лет, когда Клара жила в Лейпциге, уже несколько месяцев как нашли себе пристанище в Цюрихе — в Швейцарии, куда детские мечты часто уносили Клару.

Здесь Арнольд Винкельрид, герой ее детских игр, взялся за оружие, чтобы отстоять независимость своей любимой родины. Летом 1882 года Клара переселилась в прекрасный древний Цюрих, чтобы дышать воздухом вольной Швейцарии и быть поблизости от своих друзей. Она быстро обжилась в этом городе, потому что здесь, помимо Варвары и ее земляков, было много немецких социалистов. Здесь же, в Цюрихе, издавался и запрещенный в Германии «Социал-демократ»:: орган нелегальной Германской социал-демократической партии. Среди новых знакомых Клары был и редактор газеты Эдуард Бернштейн[9]. Он сообщил ей, что даже Фридрих Энгельс входит в число постоянных советчиков и сотрудников газеты. С еще большим интересом стала изучать Клара газетные столбцы. Она начала понимать всю глубину задачи, стоящей перед партийным органом: газета не только руководит рабочими организационно в их подпольной работе, она одновременно укрепляет их боевой

дух и помогает упорно сопротивляться всем каверзам Бисмарка. Газета наполняет сердца рабочих гордым сознанием, что именно они как самый революционный класс призваны стать из рабов средств производства их хозяевами.

Немецкие социал-демократы рассказали Кларе, сколько времени и сил стоили правлению партии поиски опытного, обладающего разносторонними способностями товарища, который был бы в состоянии вести дела нелегальной газеты и руководить ее распространением. В лице Юлиуса» Моттелера партия в конце концов нашла самого подходящего человека. Наряду с выдающимися деловыми качествами он отличался удивительным талантом организатора и прежде всего величайшей бдительностью.

Вскоре после приезда Клары в Цюрих на австрийской границе за нелегальную пересылку литературы был арестован сын баденского крестьянина сапожник Бели — лучший помощник Моттелера. Моттелер пришел в полное отчаяние. Сильно разветвленная сеть «красной полевой почты» из-за провала Бели во многих местах оказалась порванной. Как быстро он сможет найти замену верному помощнику? Товарищи рекомендовали отчаявшемуся Моттелеру для совместной работы Клару. Моттелер сначала сомневался: Клара молода, у нее нет достаточного опыта партийной работы. А работа по отправке газеты требует от человека разносторонних способностей и сопряжена с большой ответственностью. Она требует осмотрительности, ловкости, находчивости, мужества и величайшей бдительности. Вокруг типографии и конторы постоянно вертятся шпики, подосланные полицейскими и таможенными властями кайзеровской Германии. Правда, Моттелер предусмотрительно выбрал себе квартиру: из ее окон удобно можно обозревать еще не застроенные домами окрестности. Этот умный выбор помещения сильно затрудняет шпикам задачу подкрадываться незамеченными. Но бдительность все-таки остается первой и высшей заповедью каждого сотрудника экспедиции.

Моттелер отбросил все сомнения. Клара образованна и предана делу. Он решил попробовать. Много лет спустя в статье о Юлиусе Моттелере, «Красном почтмейстере», Клара Цеткин рассказала, в каких тяжелых условиях приходилось работать, издавая нелегальный «Социал-демократ»: «При появлении каждого номера газеты, которая одним очень нравилась, а другим внушала страх, надо было умудриться перехитрить целую армию сыщиков, сидевших в засаде вдоль всей немецкой границы от Линдау[10] до Эльзаса и подкарауливавших опасную птицу,

которая, распевая революционные мелодии, порхала по всей империи «исключительного закона». Типография и контора были постоянно окружены шпионами, и ни на минуту не прекращалась борьба со ставленниками полиции, которые под маской порядочных людей повсюду пытались втереться, чтобы совершать предательства и играть еще более роковую роль провокаторов».

В такой обстановке человеку, не обладающему достаточным опытом, не легко было справляться с большой и важной задачей. Но под руководством Юлиуса Моттелера Клара быстро приобрела необходимый навык: она стала помогать ему вести переписку, упаковывать и отправлять газеты. Моттелер был доволен своей новой помощницей: смышленая, расторопная и находчивая, выносливая и терпеливая, она не считала для себя унизительным выполнять в экспедиции даже самую неблагодарную работу. Она быстро преодолела в себе излишнюю склонность к доверчивости. Вскоре каждое незнакомое лицо, появляющееся в экспедиции, вызывало в ней настороженность. Первым делом она старалась узнать, не является ли «новенький» полицейским шпионом. Товарищей, не вызывающих подозрений, она отпускала из экспедиции быстро и умело, но зато поводить за нос сыщиков доставляло ей истинное удовольствие.

Клара находила совершенно естественным, что она как помощница «Красного почтмейстера» участвовала и в полной опасностями нелегальной переброске газеты через границу. Занимаясь этой работой, она прониклась глубочайшим уважением к тем многочисленным скромным людям, которые все снова и снова смело брали на себя весь риск нелегальной доставки газеты. Каждый раз, когда они переходили границу, им грозил либо арест, либо смерть от пули полицейского или таможенника. Скромно и бескорыстно служили они своему преследуемому, угнетенному классу; они поступали так, как говорится в стихах поэта, которого позже так любила цитировать Клара в своих речах:

> Ставь жизнь свою на кон в игре боевой:
> И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой![11]

Дом в Видерау, где родилась Клара Цеткин.

Клара Цеткин Париж, 1885.

Что за изнурительная и трудная работа! Даже самая тщательная подготовка не могла уберечь от случайных промахов. Чтобы избежать их, Моттелер напрягал все свои способности,

потому что каждая неудача ставила под удар замечательных людей.

Он не погряз целиком в работе, хотя служба в «красной полевой почте» и требовала от человека всех его сил. Моттелер и его жена, уроженка Бадена, отличались веселым характером. Клара тоже любила посмеяться и пошутить, а иногда не прочь была и подурачиться. После напряженной, длящейся дни, а иногда и ночи напролет работы им хотелось провести время в компании и повеселиться. Поэтому они часто собирались в кругу друзей, который шутливо называли «клубом мавров». Такое название должно было напоминать товарищам о Карле Марксе, — это он в семье и среди ближайших знакомых носил шутливое прозвище «Мавр».

Здесь, в «клубе мавров», социал-демократы распевали сатирические песни о положении в Германии, здесь в непринужденном веселье забывали они на несколько часов о всех тяготах политической борьбы. Бебель рассказывает в своих воспоминаниях, что над помещениями первого этажа, где собирался «клуб мавров», некоторое время жил писатель Готфрид Келлер. Однажды к нему зашел Пауль Гейзе[12]. Когда тот спросил его о причине шума на нижнем этаже, Келлер ответил, что это социал-демократы. В ответ на это Гейзе с комической серьезностью сказал: «Там, под порогом, клокочет ад!»

Немецкие социал-демократы, живущие в Цюрихе, с чистой совестью могли позволить себе иногда несколько часов повеселиться. В их обществе Клара тоже давала волю своей бьющей ключом жизнерадостности — она так и сыпала остроумными шутками, которые часто были очень язвительны. Но праздники бывали редко. Обыкновенно все свое ограниченное свободное время Клара целиком отдавала занятиям. Она постоянно возвращалась к сочинениям Маркса и Энгельса, хотя оставалась верна и своему старому увлечению классической литературой. Ее деятельный ум никогда не знал покоя. Она с большим интересом читала естественнонаучные, медицинские и юридические сочинения. Кроме того, она не переставала интересоваться различными социалистическими течениями и политической жизнью во Франции. Клара ни в чем не хотела отставать от Осипа, тем более что решила в конце года поехать к нему в Париж.

В ноябре 1882 года Клара распрощалась с «Красным почтмейстером». Только полгода была она его помощницей, но это время очень много значило в жизни Клары. При поддержке и заботливом руководстве Моттелера Клара ознакомилась с деятельностью германской социал-демократической партии.

Работать в экспедиции газеты — значило находиться в самом центре нелегальной партийной борьбы. Здесь, в Цюрихе, она окончательно избавилась от унаследованных от буржуазии критериев. Клара теперь видит героев не только в отдельных личностях вроде Арнольда Винкельрида. В лице безыменных смельчаков, занимающихся нелегальной доставкой газеты, она встретила героев другой чеканки. Теперь Клара крепче стоит на позициях рабочего класса. Клара дружит с такими надежными товарищами, как Юлиус Моттелер и его жена. Это согревающее душу чувство тесной связи с ними не покинуло Клару и во Франции, на новом этапе ее жизни.

Клара, бывшая помощница «Красного почтмейстера», останется верным другом Моттелера и его жены до самой их смерти.

«ШКОЛА ГОРЬКОЙ НУЖДЫ»

Эмигранты, лишенные средств к существованию, почти не чувствуют на себе обаяние города на Сене, о котором на всех языках восторженно отзываются туристы, путешествующие ради собственного удовольствия. Осип Цеткин упрямо отвергал любой заработок, если он был сопряжен с отказом хотя бы на йоту от его политических убеждений. Таких несгибаемых социалистов нужда заставляла изо дня в день бороться за самое скромное существование. Осип Цеткин жил в маленькой и убогой меблированной комнате на те несколько франков, которые ему удавалось заработать преподаванием языков и переводами.

Эти жалкие условия не испугали Клару, и она согласилась поехать к Осипу Цеткину в эмиграцию. В Париже они с Осипом связали свои судьбы, чтобы вместе жить и вместе бороться за изменение социального порядка во всем мире. Уроками и переводами Клара несколько увеличила их скудные доходы, несмотря на то, что этот заработок был труден и утомителен. Чтобы добраться до своих многочисленных, разбросанных по всему городу мест работы, она должна была каждый день проходить огромные расстояния и подниматься на несчетное множество ступеней.

Прошло только несколько месяцев, как они с Осипом поженились. Клара почувствовала, что скоро станет матерью. В последние недели перед родами хождение по лестницам — каждый день пятьдесят-шестьдесят этажей, на которые надо было подняться! — давалось ей с очень большим трудом. Год спустя Клара ожидала уже следующего ребенка. У нее родился еще один сын.

Семья из четырех человек продолжала некоторое время жить в меблированной комнате Осипа, но вскоре супруги убедились, что эта до ужаса тесная клетушка очень мешает их работе. После долгих раздумий они решили снять квартиру из двух комнат. Тяжелым бременем легла квартирная плата на их и без того тощий кошелек. Кларе приходилось заниматься множеством дел по дому, ухаживать за детьми, добывать деньги и вести партийную работу. Но Клара — воплощение энергии. Она точно рассчитывала весь свой день, вплоть до каждой минуты. Только в ночные часы, когда спят дети и в доме с тонкими стенками затихает шум, она могла заниматься переводами и писать статьи. Так, подчас на удивление самой себе, она умудрялась не запустить ни одной из своих обязанностей.

И все же, несмотря на величайшее трудолюбие, Осип и Клара зарабатывали очень мало. Только изредка молодая хозяйка могла показать мужу свое кулинарное искусство. Чаще всего они оба довольствовались крошечными порциями самых дешевых продуктов — конины и хлеба. Но зато их оба мальчика ни в чем не испытывали недостатка: они всегда засыпали сытыми. И Клара, как каждая мать, была бесконечно счастлива, когда любовалась своими цветущими мальчуганами в их чистеньких постельках. Правда, эти счастливые минуты не могли помочь ни ей, ни Осипу обмануть гложущий голод, который часто по вечерам мучил их. Тогда они шли к жившим в том же квартале русским эмигрантам, которые всегда охотно делили с ними свою далеко не роскошную трапезу. Конечно, так же просто и сами Цеткины оказывали гостеприимство, когда у них иногда заводились в кармане деньги.

Однажды в послеобеденное время Осип ушел из дому, чтобы сдать одному русскому богачу объемистую рукопись готового перевода. Эта новость с быстротой молнии разнеслась среди эмигрантов. И вечером они один за другим явились на квартиру Цеткиных, чтобы принять участие в столь редкостном и счастливом событии: Цеткины дают сегодня ужин! Осип не возвращался до ночи. Но русские друзья не ушли. В конце концов Осип все-таки вернулся. Ему пришлось очень долго ждать гонорара! Зная хорошо голод и настойчивость своих земляков, сияющий от радости Осип положил на кухонный стол огромный сверток мяса. В ту ночь, чтобы насытить голодных, счастливая Клара приготовила семьдесят две порции бифштекса по-русски!

Но, к сожалению, такие заработки перепадали им очень редко. Обычно Цеткины лишь с большим трудом сводили концы с концами, и если какой-нибудь более значительный гонорар не выплачивался в точно установленное время, то им было нечем заплатить за жилище. Как-то вечером, несмотря на то, что Клара умоляла домовладельца отсрочить платежи, в квартиру по его настоянию вторглась полиция. Клара, полуодетая, в нижней юбке, кофте и домашних туфлях, как раз в это время купала своих детей. Полицейские бесцеремонно заставили Клару и Осипа вместе с детьми покинуть квартиру прямо в том, в чем они были. После долгих препирательств они позволили Кларе накинуть на себя накидку и одеть детей. Все движимое имущество Цеткиных, в том числе даже детское белье, полицейские конфисковали за невнесение квартирной платы.

Приближалась ночь. Кларе и Осипу не оставалось ничего другого, как отправиться со спящими детьми на руках в парк, расположенный в том же квартале. Осип оставил жену на

скамейке, а сам пытался найти квартиру. Но вскоре, потеряв надежду, он возвратился: хозяева, сдающие комнаты, не терпят маленьких детей! Осип и Клара, подавленные несчастьем, решили провести ночь на скамейке парка. Вдруг послышались чьи-то приближающиеся шаги. Полицейский? Нет! Женщина, возвращаясь домой через парк, остановилась около Цеткиных. Она оказалась русской революционеркой, недавно бежавшей из сибирской ссылки. Ей рассказали Цеткины о том отчаянном положении, в котором они очутились. Землячка Осипа знала, что предпринять. Она без колебаний уступила им собственную квартиру. «Я могу устроиться у друзей», — ответила она на возражения Клары.

За тяжелые годы жизни в эмиграции Клара не один раз испытала на себе добрую помощь друзей, которая «помогает преодолеть не только материальные трудности, но и согревает сердце попавшего в беду человека, потому что диктуется она братской любовью к соратнику по борьбе. Эта дружеская поддержка укрепила в Кларе решимость до конца идти по пути, полному жертв и лишений, каким бы трудным этот путь ни был!

В Париже Клара, молодая женщина буржуазного происхождения, на собственном опыте узнала незавидную долю женщины-пролетарки. Тяжелая необходимость одновременно добывать деньги и вести хозяйство, лишения и многочисленные заботы в состоянии омрачить даже материнское счастье. Постоянное недоедание и нужда подточили силы Клары и подорвали ее здоровье. В Париже она прошла суровую пролетарскую школу самой горькой нужды. Эта школа дала ей возможность в полной мере познать эксплуатацию рабочих и заставила ее совсем иначе смотреть на двойное рабство женщины из пролетариата.

Жизнь в эмиграции помогла Кларе пустить крепкие и глубокие корни в почву рабочего класса. Никакой ураган не вырвет этих корней.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПАРИЖ

В те годы Париж был сборным пунктом политических эмигрантов всех стран света. Здесь жили высланные немецкие социал-демократы, здесь нашли убежище русские революционеры, преследуемые царскими палачами. В то же примерно время республиканское правительство Франции амнистировало мужественных борцов Парижской коммуны. После многолетнего изгнания они возвратились в Париж с тропических островов Новой Каледонии.

Среди эмигрантов, как и среди коммунаров, были и политически неопределенные элементы. Они еще почти ничего не знали об учении Карла Маркса, научно обосновавшего давние мечты человечества о лучшем социальном порядке. Они забивали рабочим головы разными утопическими мечтаниями, реформистскими и анархистскими взглядами.

Поэтому было важно и необходимо, чтобы каждый социалист, овладевший учением Карла Маркса и Фридриха Энгельса, принимал участие в рабочем движении Парижа. Это сознание не дало Кларе Цеткин целиком погрязнуть в ее беготне по урокам и в хлопотах по дому. Вместе с Осипом она выполняла в Парижском объединении немецких социалистов много будничной работы, главным образом организационного и агитационного характера. Она не пропускала ни одного собрания или заседания, ни одной лекции Осипа.

После того как освободилось место парижского корреспондента нелегального «Социал-демократа», которое занимал один немецкий товарищ, на Осипа возложили его обязанности.

Это поручение говорило о доверии Германской социал-демократической партии к Осипу. Клара гордилась этим.

Осип, кроме того, писал корреспонденции и для венского «Равенства» и для берлинской «Трибуны народа». Несмотря на то, что все статьи для этих газет были результатом совместной работы Клары и Осипа, они всегда подписывались одним только именем Осипа. Даже после его смерти Клара осталась верна этому обыкновению, потому что многие редакции очень низко ценили труд женщин.

Работа в социалистической печати приучила Клару критически относиться к собственным статьям. Из-под ее пера выходили иногда произведения, которые она считала далеко не совершенными, и Клара говорила себе: надо учиться

основательней, думать яснее! Она убедилась, что одной образованности, даже самой глубокой, недостаточно, чтобы писать действенные статьи для рабочей печати. Статьи только тогда могут быть свежими, яркими и правдивыми, когда их автор сам посещает убогие пролетарские жилища и знает все нужды рабочих!

Разнообразные обязанности до краев наполняли жизнь Клары. Однако они с Осипом умудрялись поддерживать отношения и с братской Французской рабочей партией. В этой партии было два течения: поссибилисты[13] хотели добиться улучшения положения рабочих посредством реформ; марксисты же, с Ге-дом во главе, стояли на позициях революционной классовой борьбы. Клара, знавшая в совершенстве французский язык, использовала каждую возможность, чтобы среди французских рабочих бороться за марксистское направление. Она делала это с таким искусством, находчивостью и с таким подлинно революционным порывом, что французы принимали молодую женщину за свою соотечественницу и очень удивлялись, когда узнавали, что она немка.

Здесь, в Париже, Клара познакомилась с Гедом и Лафаргом Они оба еще в 1880 году в Лондоне под руководством Маркса выработали программу Французской рабочей партии. Кроме того, Лафарг был связан с Карлом Марксом и семейными узами: он был женат на дочери Маркса Лауре. Лаура Лафарг и Клара вскоре подружились. Лаура рассказывала своей молодой подруге о всей горечи жизни в изгнании, чашу которой она, как дочь Карла Маркса, испила до дна. Клара узнала, в какой тяжелой нужде создавал Карл Маркс свои великие произведения. Очень часто приходилось ему переезжать с квартиры на квартиру, ютиться в тесных комнатушках, бороться с голодом и холодом. Вот на какую суровую жизнь обрек себя Карл Маркс, чтобы служить своей идее! Перед этим бледнели все невзгоды Клары.

Лаура и Клара вдвоем разработали план, как приобщить женщин к политической борьбе и сделать из них сторонниц марксистского крыла партии. Общими силами старались они вырвать работниц, швей, домашних хозяек из идущих по старинке будней и воодушевить их теми идеями, за осуществление которых боролась партия. Однако их успехи по сравнению с усилиями были крайне скромны. И далеко не последнюю роль в этом играло то, что у Французской рабочей партии все еще не было газеты, самого верного средства влияния на массы.

Наконец газета была создана ценою больших жертв со стороны нескольких деятельных членов партии. Когда она начала выходить, Лаура Лафарг и Клара Цеткин приложили много

усилий, чтобы помочь распространению газеты. Из месяца в месяц спрашивали они в городских киосках газету «Социалист», на сбереженные с большим трудом деньги покупали сразу десятки экземпляров и раздавали в рабочих кварталах Парижа.

Здесь, вдали от роскошных бульваров, в страшной тесноте, в сырых и темных комнатах жили рабочие со своими семьями. Клара Цеткин часто разговаривала с ними. Они рассказывали ей о своей работе и жизни. Это был народ Парижа, народ, который всегда готов защищать свои права на баррикадах. Это те самые пролетарии и их дети, которые в 1871 году, в дни Парижской коммуны, гордо и смело заявили, что их высший долг и «неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть»

Только короткое время было суждено народу иметь свое собственное правительство — версальские генералы в союзе со своим «врагом» Бисмарком умертвили тысячи и тысячи мужественных коммунаров вместе с их женами и детьми. Подвиги коммунаров заставили мир встрепенуться: в сердца рабочих всех стран они вселили новые надежды.

Больше десяти лет прошло со времени той страшной кровавой расправы. Парижские пролетарии не забыли ее. Они снова стали собираться в гигантских залах на массовые митинги и мощными демонстрациями выступали за свои права. Клара постоянно принимала в них горячее участие.

Французские полицейские, эти присяжные палачи на службе Третьей республики[14], легко находили повод, чтобы напасть, зачастую даже с оружием в руках, на рабочую демонстрацию. Во время столкновений с полицией Клару всегда можно было найти там, где происходила самая жаркая схватка, там, где шла борьба за красное знамя. Часто на собраниях или на демонстрациях возникали горячие перепалки между марксистски настроенными рабочими и сторонниками анархистских взглядов. Споря, анархисты нередко ругали Клару, которая теперь была уже хорошо известна трудящимся Парижа и немцам-эмигрантам как сторонница Бебеля и Либкнехта.

Когда рабочие провожали в последний путь одного землекопа, бывшего генерала Коммуны, его похороны превратились в мощную демонстрацию, посвященную памяти зверски убитых коммунаров. Неожиданно конная полиция, обнажив сабли и пришпорив лошадей, бросилась на толпу. Демонстранты не думали обороняться и обратились в бегство. Клара, призывая рабочих к сопротивлению, оказалась рядом с всадниками — сабельный удар пришелся ей по ноге. Более тяжелых увечий она избежала только благодаря тому, что толпа

насильно оттеснила ее в какой-то дом и не дала выйти.

Но на следующей демонстрации Клара снова была в самой гуще сражения — как прежде, в дни далекого детства, во время потасовок с деревенскими ребятишками. «Лицом к врагу» — эти слова уже теперь стали ее лозунгом. И она осталась ему верна до самой смерти.

ВПЕРВЫЕ НА ТРИБУНЕ

Гнетущие заботы лежали на сердце Клары. Даже она, никогда не терявшая надежды, временами не могла побороть уныния: Осип был очень серьезно болен, хотя и отрицал это. Врачи никак не находили причины его недугов. Однажды, после обстоятельного осмотра Осипа, врач не счел нужным скрывать диагноз от Клары: туберкулез легких! Клара тоже чувствовала, что и ее силы убывают с каждым днем. Ей самой грозило тяжелое заболевание.

Что делать? Супруги Цеткин не знали, что предпринять. Они, так же как и их друзья, едва сводили концы с концами. Совершенно неожиданно Клара получила от своих родственников значительную сумму денег — на поездку в Лейпциг! Она давно не поддерживала со своими родителями никаких отношений. Теперь через друзей им стало известно об отчаянном положении дочери. Клара сначала не хотела принимать этой помощи, но Осип решил, что ради пользы дела она должна ехать.

После мучительного расставания с хворающим мужем, которому так нужна была ее помощь, Клара, оставив свой привычный круг обязанностей, с обоими мальчуганами отправилась в Лейпциг. Несколько дней полного покоя и хорошего питания — и Клара сразу почувствовала себя настолько поправившейся, что больше не могла бездействовать. Ее волновали важные вопросы. Каковы настроения среди немецких рабочих? Как партия, ушедшая в подполье, организует свои собрания, как распространяет газеты? Что делает партия, чтобы не допустить среди своих членов ослабления боевого духа? Кто может лучше ответить на все эти вопросы, как не бывший учитель Осипа? Она пришла к нему в его маленький садик, держа за руки своих двух ребят. Был вечер, и, точно так же как и много лет назад, она встретила у него несколько партийных товарищей.

Мозерманн был очень рад после долгой разлуки снова встретиться с женой своего бывшего «ученика». Он с гордостью рассказал Кларе о бесстрашном поведении лейпцигских социалистов, о тайных типографиях и собраниях — одним словом, об их хорошо продуманной подпольной работе. А Клара говорила о политической жизни Парижа, о революционном порыве французских рабочих, об их демонстрациях, вызывающих восхищение; не скрыла она и существовавших между ними разногласий. Внимательно слушали Мозерманн и его друзья темпераментный и образный рассказ Клары.

В один из следующих дней к Кларе совершенно неожиданно пришли трое мужчин. В одном из них она узнала товарища, которого встречала в садике Мозерманна. Он попросил Клару повторить свой рассказ о политической жизни Парижа на большом нелегальном собрании. Клару охватило чувство смущения и робости. Она пыталась отклонить это неожиданное предложение; «Я ведь не умею говорить!» Совсем недавно Осип, не предупредив Клару, на одном из собраний внес ее имя в список ораторов. Бесполезная затея! Он был вынужден вычеркнуть ее имя.

Но пришедший товарищ был упорен. От него нельзя было легко отделаться. Он прямо заявил, что Клара, как член партии, обязана выступить с этой речью. Теперь Клара не могла больше отказываться. Она выпросила себе отсрочку, чтобы написать Осипу и узнать его мнение, считает ли он, что ей по силам такая задача. Осип-то ведь знает, что она может агитировать и вести дискуссию только в узком кругу, а на собраниях она, в лучшем случае, способна на полемические возражения! Но ответ Осипа окончательно уничтожил шаткую надежду Клары. Осип писал: «Ты должна выступать — это даже твоя обязанность».

Сколько страха и боязни испытала Клара Цеткин перед своим первым выступлением, видно из ее статьи, написанной шестнадцать лет спустя, где она одновременно воздает должное одной из тех скромных женщин-социалисток, которые неутомимо боролись за дело рабочего класса:

«Сегодня вы познакомитесь с нашей фрау Эйхгорн», — говорили мне со всех сторон, когда я однажды во время моего длившегося несколько недель пребывания в Лейпциге пришла на нелегальное, но очень многолюдное партийное собрание, в котором принимали участие несколько сот человек и которое, если я не ошибаюсь, имело место в Нейзеллерсгаузене[15]. Шел 1886 год, повсюду, как и прежде, царил ужас, внушаемый «исключительным законом против социалистов». Это собрание проходило в такой обстановке, какую только может пожелать романтическая душа. Здесь были и расставленные по постам часовые, которые должны были выявлять каждого приближающегося «фараона», и чувство опасности, и сознание, что ты настоящий человек, сознание, которое заставляло пренебрегать этой опасностью, и радостное ощущение, что ты находишься среди людей, объединенных общими мыслями и стремлениями, и удовольствие, которое стояло не на последнем месте, — еще раз поводить за нос «любимую и мудрую» полицию. «Наша фрау Эйхгорн» — в этих словах звучала радость и гордость. «Кто такая эта фрау Эйхгорн?» — испуганно и робко

(мне предстояло в таком многолюдном собрании держать мою первую речь!) спросила я верного своего товарища и друга, на совести которого лежали мои первые ораторские опыты и который в отместку за это нередко должен был играть роль «образованной няньки» возле моих мальчуганов.

«Фрау Эйхгорн… это принципиальная и стойкая социалистка, отважная и умная женщина, находчивая и решительная и в столкновениях с полицией и при распространении нелегальной газеты «Социал-демократ», сильная и мужественная во всех бедах, которые уже принесла борьба ее семье».

Здесь, в Нейзеллерсгаузене, полные ожидания взоры сотен слушателей сделали то, что никогда не удавалось обнаженным саблям полицейских, — неистово забилось охваченное страхом сердце Клары. О, она очень хорошо знала, что рассказать лейпцигским товарищам о Париже! Она с особенной тщательностью подготовила свою речь. Но на трибуне, перед лицом такого большого скопления людей, уже после первых нерешительно произнесенных фраз Клара растерялась. Она вдруг забыла все, о чем хотела говорить, и никак не могла собрать мыслей. Ей казалось, что в наступившей глубокой тишине она слышит биение собственного сердца. Дружеские, благожелательные оклики помогли Кларе преодолеть замешательство. «Ничего не случится, товарищ, если ты и запнешься», — сказала старая седовласая женщина, сидевшая в первом ряду, и подбадривающе кивнула Кларе. Прямо позади нее Клара видела добродушное лицо Мозерманна. Она набрала полные легкие воздуха и снова начала говорить. Слушатели вместе с ней переживали борьбу своих парижских братьев.

После окончания этого первого публичного выступления даже сама фрау Эйхгорн, крепко пожимая оратору руку, заверила ее в том, что она говорила живо и интересно. Слова похвалы, высказанные этой активной социалисткой, значительно подняли веру Клары в собственные силы. Да и рабочие осаждали ее просьбами выступить и на других нелегальных собраниях.

Стоило только Кларе подумать об ораторской трибуне, как страх и трепет овладевали ею. Но разве ее первая попытка выступить с речью потерпела неудачу? Нет, не потерпела! Следовательно, для нее есть только один выход: заставить себя преодолеть страх перед трибуной. И это ей удалось. За время пребывания в Лейпциге она каждую неделю выступала на двух или трех нелегальных собраниях. Клара скрывала это от родителей, чтобы их не волновать. Она постоянно уверяла их, что будто бы посещает с детьми знакомых, живущих за городом. Это в некоторой степени соответствовало истине, потому что Клара

довольно часто навещала высланного из Лейпцига Вильгельма Либкнехта в его «месте изгнания», в Борсдорфе, расположенном неподалеку от города. Выступления Клары доставляли ему много забот: он каждую минуту ждал ее ареста и очень хотел, чтобы она снова оказалась в Париже.

Когда, наконец, наступил день отъезда Клары, сотни рабочих заполнили перрон лейпцигского вокзала. Все они пришли проводить свою молодую соратницу. Многие из них пожимали ей руки, высказывали пожелания успешной работы в Париже, передавали привет товарищам от братской Французской рабочей партии. Маленьких сыновей Клары Цеткин они наделили на всю долгую дорогу лакомствами и фруктами.

Недоверчиво посматривали железнодорожные служащие на это скопление рабочих. Что происходит здесь? Проводы Бебеля или, может быть, Вильгельма Либкнехта, который, будучи высланным, не имеет права появляться в Лейпциге? Но никакого вождя социалистов они так и не обнаружили. Толпа рабочих окружала лишь молодую женщину с двумя резвыми мальчуганами. Однако когда поезд тронулся, рабочие принялись отчаянно махать шапками и кричать: «Да здравствует международная социал-демократия!»

В ушах ее все еще звучали эти возгласы, когда радостная и возбужденная Клара вернулась к своей тяжелой, наполненной борьбой эмигрантской жизни.

СМЕРТЬ ОСИПА

После возвращения из Лейпцига Клара чувствовала себя окрепшей — ее щеки даже несколько округлились. Но болезнь Осипа по-прежнему омрачала ее жизнь. Его страдания усиливались с каждой неделей. Вскоре паралич обеих ног приковал его к постели.

Теперь на Клару навалились еще и дела, с которыми раньше справлялся сам Осип: она должна была заниматься не только собиранием материала для статей, которые они вместе писали, но и делать доклады на политические темы в немецкой партийной группе.

Кроме того, она неоднократно выступала на публичных собраниях, хотя все еще со страхом и трепетом. Но эту боязнь ораторской трибуны она с железной настойчивостью старалась преодолеть. Отговорки «Я не могу!» не существует. Этому ее научило первое публичное выступление в Лейпциге. Она радовалась новому оружию — живой речи — и не упускала ни одного случая, чтобы поупражняться в обращении с ним. Теперь даже на многолюдных собраниях она с успехом выступала против оппортунистов и анархистов.

Очень тяжелые обязанности лежали на плечах молодой женщины. Они на значительную часть дня отвлекали Клару от мучительных мыслей о состоянии мужа. Врачи больше не оставляли ей надежды на его выздоровление. После длившейся годами болезни смерть положила предел страданиям Осипа. Он умер в полном сознании. Как и многие его товарищи, Осип тоже надеялся дожить до того дня, когда в той или иной стране разразится революция. Он так и не увидел исполнения своего самого горячего желания!

Клара очень тяжело и мучительно переживала смерть Осипа. Она потеряла в нем не только мужа и отца своих двух сыновей, но и всегда бесстрашного, прямолинейного и мужественного соратника в борьбе за дело рабочего класса. Но для обильных слез и длительного траура не было времени: Клару по-прежнему ожидало множество повседневных обязанностей.

Чтобы как-то подавить боль, она с головой ушла в работу: вела агитацию, писала статьи, торопилась с собрания на собрание и вдобавок успевала делать все по дому и ухаживать за двумя детьми. Наполненные страданием недели и месяцы после смерти Осипа убедили Клару, что не знающая отдыха работа в состоянии зарубцевать даже самые тяжелые, почти смертельные душевные

раны.

Ни одной минуты Клара не щадила себя. Да и может ли она себе это позволить? На пороге Международный конгресс социалистов, главная задача которого — основание II Интернационала. Огромная, кажущаяся почти невыполнимой работа по подготовке конгресса ждала Клару, потому что мало кто с таким совершенством, как она, владел одновременно английским, французским и итальянским языками. Она успевала везде и всюду. И опять для нее, как в дни, когда она была помощницей «Красного почтмейстера», не было нужной делу работы, которая казалась бы слишком мелкой, не было задания слишком тяжелого.

При жизни Осипа в маленькой квартире Цеткиных нередко собирались немецкие, русские, итальянские, французские и английские рабочие. Они часто обсуждали, как укрепить интернациональные связи. Клара от них узнала, что в 1862 году на Всемирной выставке в Лондоне рабочие многих стран завязали дружеские отношения. Это явилось исходной точкой более прочного объединения рабочих.

Два года спустя под руководством Маркса и Энгельса в результате проведенной ими огромной работы было основано Международное товарищество рабочих — I Интернационал. В последующие годы I Интернационал указал рабочим их общего врага: капитализм. I Интернационал учил пролетариев и помогал им советами в их борьбе против эксплуататоров и угнетателей. В 1876 году он был распущен.

Рабочие, посещавшие Клару и Осипа, часто говорили о необходимости иметь сильное и дальновидное интернациональное руководство. И вот, наконец, это время пришло! Теперь, в 1889 году, во время Всемирной выставки, состоится Международный конгресс социалистов, будет основан II Интернационал, потому что рабочее движение не только в странах Европы, но и за ее пределами настолько расширилось, что возникла необходимость в создании крепкого костяка — нового Интернационала.

Этот конгресс — огромное событие в жизни рабочего класса всего мира. Он требует разносторонней подготовки. В этой работе Клара, умом и сердцем убежденная интернационалистка, обрела родную стихию. И, кроме того, ведь она выполняет завет своего покойного мужа! Он всегда считал ближайшей целью своих усилий созыв такого конгресса.

Теперь это достигнуто! С радостью и подъемом ведет Клара переписку с братскими партиями других стран, точно и энергично выполняет многочисленные поручения организационного

характера и всегда, когда нужно, охотно берет на себя обязанности переводчицы. Но часто по вечерам, оставшись одна, она испытывает боль при мысли, что Осип не дожил до этих великих дней.

Клара не довольствуется одной организационной работой. Трудящиеся, мужчины и женщины, должны быть и теоретически подготовлены к этому конгрессу. Клара очень много пишет для печати, в том числе для берлинской «Трибуны народа» она пишет целую серию статей, посвященных женскому вопросу и положению работниц. Эти статьи привлекают к себе всеобщее внимание. «Такие статьи могут выйти только из-под пера женщины, которая на собственном опыте испытала горе пролетарских женщин», — говорят читательницы и вручают Кларе Цеткин мандат на конгресс.

И вот великий день наступил. В Париж со всех концов света прибыли делегаты. Больше чем на двадцати языках говорят в зале конгресса, который не может вместить всей массы народа. Продолжение заседания переносится в более просторное помещение.

Красные знамена, красное сукно на столах — куда ни взглянешь, повсюду алеет цвет восстания. В Париже, городе Великой французской буржуазной революции 1789 года и героической Коммуны 1871 года, сотни рабочих делегатов летом 1889 года обсуждают вопросы дальнейшего революционного движения. После многих усилий, многих хорошо продуманных речей и оживленных дискуссий конгресс под председательством Бебеля и Геда, Лафарга и Вайяна[16] и других социалистических вождей основывает II Интернационал[17]. Он должен в будущем направлять борьбу рабочих по правильному руслу. Рождение II Интернационала становится для делегатов конгресса волнующим, незабываемым и вызывающим гордость событием. Отныне для миллионов трудящихся Интернационал — это путеводная звезда в их освободительной борьбе.

Сменяя друг друга, поднимаются на трибуну немцы, англичане, французы, русские, американцы. Их товарищи из шахт и с плантаций, из цехов заводов, из мастерских и от дымящихся доменных печей устами своих делегатов требуют восьмичасового рабочего дня, более высокой заработной платы, мероприятий по охране труда на опасных работах. Это справедливые и скромные пожелания пролетариев, тянущих лямку тяжелого труда.

Даже в эти дни, до предела насыщенные событиями, становится особенно знаменательным тот момент, когда молодая, среднего роста женщина, гладко причесанная, в темном закрытом платье поднимается на трибуну — Клара Цеткин. Следы

перенесенных страданий и лишений видны на ее смелом лице, как и на лицах всех женщин того класса, интересы которого она защищает.

Перед этим первым выступлением на международной арене Клара чувствует, что сердце бьется почти с таким же страхом, как и тогда, когда она впервые поднялась на трибуну. Но теперь она уже не говорит сбивчиво и нерешительно, как в Лейпциге: речь свободно льется из ее уст. Она сама захвачена тем, о чем говорит; поэтому воодушевление Клары передается и ее слушателям. Голос женщины целиком наполняет огромное помещение, проникает в самые отдаленные уголки. В своем докладе, посвященном женскому вопросу и положению работниц, она обращается к мужчинам со словами предостережения:

«Пролетарии, борющиеся за освобождение человечества, не должны мириться с экономической зависимостью женщины и тем самым обрекать на рабство целую половину человеческого рода».

Какой вдвойне исторический час! На учредительном конгрессе II Интернационала женщина-труженица, угнетаемая не только предпринимателем, но и собственным мужем, устами Клары Цеткин впервые в истории требует равных с мужчиной прав. Работницы тоже хотят освободиться от своих цепей, своих двойных цепей. Лучшие из них на положении равных и свободных плечом к плечу с мужчинами борются уже за справедливое устройство мира. Клара Цеткин своей прекрасно аргументированной речью призывает делегатов воспитывать из работниц, занятых в промышленности, полноценных соратниц по борьбе, повышать их профессиональные навыки и развивать политически.

Но как принимают делегаты новых соратниц? Восторженно приветствуют женщин, соглашаются с их пожеланиями? Нет, до единодушия далеко. Многие относятся к речи Клары явно отрицательно, а некоторые рабочие даже открыто об этом говорят. В их головах все еще гнездится представление, что женщине в политике делать нечего. И к тому же не по вине ли работающих женщин снижают мужчинам зарплату?

Клара не сдается. Она указывает противникам, сколь роковым является их заблуждение и как сильно они сами нуждаются в помощи женщин, если хотят разорвать свои собственные цепи. Наиболее дальновидные марксисты во главе с Бебелем, Гедом и Лафаргом энергично и убедительно поддерживают требования Клары Цеткин. II Интернационал дает социал-демократическим партиям указание всемерно содействовать обучению и организации работниц.

В эти дни принимается важное для рабочего движения

решение; II Интернационал торжественно провозглашает Первое мая праздником борьбы мирового пролетариата за свои права и требования.

Клара Цеткин по праву становится в первые ряды борющегося международного пролетариата. Она завоевала для социалистического движения новую область — работу среди женщин. С тех пор товарищи по партии всегда внимательно прислушиваются к словам Клары Цеткин.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В кайзеровской Германии все еще царили ужасы «исключительного закона против социалистов». Но все изощренные уловки и' террор, к которым прибегали полицейские власти и органы юстиции были не в силах помешать росту числа голосов, подаваемых за социал-демократическую партию. Количество избирателей, голосовавших за социалистов, увеличивалось от выборов к выборам на многие тысячи.

В 1889 году горнорабочие устроили забастовку и оказали сопротивление войскам. Были убитые и раненые. Помещики и капиталисты дрожали от страха перед революцией. 1 октября 1890 года германский рейхстаг отказался продлить «исключительный закон против социалистов», который действовал двенадцать лет. Рабочие добились победы над Бисмарком.

После отмены «исключительного закона» высланные социалисты стали возвращаться на родину. В числе многих Клара тоже поехала в Германию. Прежде всего, чтобы поправить свое пошатнувшееся здоровье, она отправилась в Шварцвальд[18], в санаторий, которым заведовали ее товарищи. Оттуда она вела длительную борьбу с полицейскими властями за свое немецкое гражданство: по закону, в силу своего брака с Осипом Цеткиным, она считалась русской подданной. А иностранцы, жившие в Германии, даже за малейшее высказывание радикальных политических взглядов могли быть в любой момент высланы из страны. В конце концов Клара вышла победительницей из этой борьбы со статьями постановлений и законов.

Получив документы о немецком подданстве, Клара стала думать, на каком поприще развернуть свою политическую деятельность на родине. Теперь уже она была вправе выбирать себе определенный участок работы, потому что ее партийная деятельность в эмиграции и ее доклад на учредительном конгрессе II Интернационала сделали ее имя широко известным в рабочем движении. Даже Фридрих Энгельс отозвался с похвалой об ее статьях в берлинской газете «Трибуна народа».

После долгих размышлений Клара решила стать сотрудницей штутгартского издательства Дитца. Штутгарт все больше и больше превращался в центр издательской деятельности социалистов. Здесь еще чувствовался демократический дух буржуазных революционеров 1848 года. Представители власти, в целом настроенные либерально, редко разыгрывали из себя

«пожирателей социалистов». Промышленность города только еще зарождалась, и поэтому жизнь в прекрасном Штутгарте текла спокойно.

Зато и революционный дух многих штутгартских товарищей был, как казалось Кларе, слишком умеренным, спокойным и слабым. На одном из первых партийных собраний она, к своему великому удивлению, узнала, что руководитель социал-демократической фракции муниципалитета наравне с обывателями принимал участие в чествовании Бисмарка. Он хотел, как он говорил позже, доказать, что «и социал-демократы являются благовоспитанными людьми». Клара с возмущением указала этому «благовоспитанному товарищу», что член партии никогда не имеет права принимать участия в чествовании злейшего врага рабочего класса и вдохновителя «исключительного закона». Социал-демократ обязан всегда и повсюду придерживаться четкой революционной точки зрения, а не стараться угодить бюргерам хорошими манерами.

Такая строгая отповедь, да еще из уст женщины, очень чувствительно оскорбила достоинство сановитого штутгартского социал-демократа. С обидой и злостью он ответил, что она еще слишком молода, чтобы осуждать его поступки, да и, кроме того, она, как женщина, вообще ничего не понимает в практических делах партийной политики. Однако участники собрания заявили ему, что критика, которой Клара подвергла его поведение, совершенно справедлива.

Клара занималась не только партийной работой. С самого начала своей деятельности в издательстве Дитца она с радостью вступила в профсоюз переплетчиков. Она выбрала именно этот профсоюз, которому в течение целых двадцати пяти лет сохраняла верность, ибо как журналистка она «ведь тоже орудует кисточкой и банкой клея». Ревностно принялась она за будничную профсоюзную работу: собирала взносы, вела агитацию, составляла листовки и сама же распространяла их на предприятиях. В этой работе ей очень помогало ее знакомство со Штутгартом, который она изучила еще во времена, когда была воспитательницей. В те годы среди ее учеников был и Роберт Бош, сын состоятельных родителей. Тогда Клара потратила много усилий, чтобы оказать на него влияние, и добилась своего. Теперь, двадцать лет спустя, ее бывший ученик, а ныне фабрикант, Роберт Бош заставил заговорить о себе. Теперь он находился по другую сторону баррикады.

А Клара Цеткин стояла на стороне рабочих. Она неутомимо несла социалистическую мысль в штутгартские профсоюзы перчаточников, деревообделочников, рабочих и работниц

швейной промышленности. По их поручению она вела переписку и с профсоюзами других стран. Работа, которую она выполняла, носила международный характер. Но Клара не думала ни о званиях, ни о вознаграждении. Для нее высшая награда заключалась в самой деятельности, которая приводила ее на предприятия, к станкам тех самых людей, ради которых она боролась. Эта связь с жизнью, связь, поддерживаемая в заводских цехах и пролетарских жилищах, была необходима Кларе как воздух. Если бы Клара не выходила из-за письменного стола, то ее творчество быстро потеряло бы свою свежесть и красочность.

С первых же дней пребывания в городе Клара поддерживала самые тесные отношения со штутгартскими рабочими. Клара любила рабочих и чувствовала, что принадлежит к их числу. И трудящиеся платили ей тем же. Они отвечали взаимностью на любовь «своей Клары». Рядовые члены партии всегда становились на ее сторону, когда она вела борьбу с реформизмом руководителей. А это на протяжении долгих двадцати пяти лет ей приходилось делать очень часто. Штутгартские рабочие, очень еще умеренные в 1891 году, в начале первой мировой войны подвергли суровой критике своих депутатов за измену основным принципам партии. В этом не последнюю роль сыграла неутомимая разъяснительная работа Клары Цеткин.

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

Очень тяжелое искусство — уметь справляться одновременно со многими задачами. Пройдя суровую и горькую школу эмиграции, Клара в совершенстве овладела им. Она мастерски совмещала свою работу в издательстве Дитца, в профсоюзах и партии с деятельностью в пролетарском женском движении.

Осенью 1891 года правление партии сделало Кларе почетное предложение принять на себя редактирование женской газеты «Равенство» («Глейхейт»). Это было признанием заслуг Клары и высокой оценкой ее личных качеств. Клара была поставлена перед необходимостью принять важное, требующее зрелых раздумий решение.

Газета «Равенство» находилась еще в самом зачаточном состоянии. Число подписчиков составляло немногим больше двух тысяч, несмотря на то, что она велась живо и популярно. На ее страницах часто проповедовались различные мелкобуржуазные взгляды.

Газете не удавалось пробудить в читателях чувство возмущения нечеловечески тяжелой и низкооплачиваемой работой горняков, надрывающихся в могильном мраке шахт. Она не могла показать всей страшной нужды работниц, которых железная необходимость гонит к станкам и заставляет за жалкие гроши трудиться в безотрадных отвалах рудников или в наполненных паром прачечных. Газетные столбцы не помогали женщинам найти выход из их тягостной, беспросветной жизни. Газета недостаточно четко и ясно говорила о революции как о вполне определенной конечной цели борьбы.

В мыслях Клара Цеткин представляла себе газету «Равенство» совсем в ином виде. Эта газета должна не только поддерживать у своих читательниц надежду на лучшую жизнь, но и разжигать в сердцах возмущение безрадостным существованием и пробуждать волю к борьбе. Цель газеты Клара видела в политическом просвещении и помощи дальнейшему развитию наиболее революционных, толковых и способных работниц. Газета должна рассказывать им о жизни и тяжелом труде женщин других стран: швей Парижа, собирательниц хлопка на юге Америки и крестьянок в далеких степях России. Таким путем немецкие работницы проникались бы симпатией к пролетаркам всего света и чувством глубокого единения с ними.

Обладает ли она вообще достаточными способностями, чтобы придать «Равенству» то лицо, о котором она только что мечтала,

спрашивала себя Клара. Ведь эта работа повлечет за собой и обязанность руководить пролетарским женским движением. По всей стране сотни и тысячи сознательных работниц давно уже жертвуют с трудом сэкономленные на питании гроши на осуществление своих сокровенных чаяний. Они неутомимо бегают вверх и вниз по лестницам многоквартирных домов, упорно и терпеливо вербуют сторонниц на заводах. Но, несмотря на это, движение пролетарских женщин все еще имеет под собой очень шаткую почву.

Клара понимала, в чем заключалась одна из самых существенных причин медленного роста женского движения в Германии. Реакционное законодательство лишило женщин избирательного права, им запрещено быть членами политических организаций и даже посещать политические собрания, которые могут быть распущены по усмотрению любого «фараона», если на них присутствуют женщины. Клара постоянно возмущалась тем, что даже самый ограниченный и глупый полицейский имеет право, словно несовершеннолетних детей, выводить женщин из зала Но не только реакционные законы препятствовали в Германии развитию женского движения: Клара по собственному опыту знала, какое непосильное бремя вынуждена нести пролетарка. С утра до ночи трудится она не покладая рук — двенадцать-шестнадцать часов на своего эксплуататора и потом еще на собственную семью. Только немногие женщины после такого продолжительного рабочего дня в силах принимать участие в деятельности профсоюза или партии.

Испокон веков женщины не имели своего мнения — это и поныне еще так. Они слышат от своих мужей, что женщинам в политике делать нечего. Тем, что они верят этому, они приносят вред не только самим себе, но в рабочему классу в целом. Слух многих пролетариев еще ласкает фраза: «Да будет он твоим господином». Большое число рабочих еще разделяет убеждение, что женщина — второразрядное существо. Издавна эту мысль намеренно проповедует церковь.

Клара взвешивает свои силы. Хватит ли их, чтобы справиться с такой большой задачей? Дело ведь не только в том, чтобы добиться от капиталистов восьмичасового рабочего дня и лучших условий труда, но и в том, чтобы неуклонно просвещать работниц и пробудить в них, этих безропотных страдалицах и рабынях, дух возмущения. Клара не обманывала себя иллюзиями. Она очень хорошо знала, что потребуется еще бесчисленное множество слов и бесчисленное количество типографской краски, пока основная масса рабочих научится видеть в своих матерях и женах, сестрах и дочерях полноправных соратниц по борьбе.

Тщательно и серьезно обдумывала Клара предложение, которое ей сделала партия. Уже почти приняв решение, она вдруг стала сомневаться: не с большей ли охотой выполняла бы она обычные партийные поручения? По душе ли ей этот новый участок работы? Но вскоре она отбросила эти мысли. Работа среди женщин — обычная партийная работа. Она будет сражаться с теми, кто придерживается другого мнения. Воинственно блестят глаза Клары. Пусть они только попробуют, эти товарищи вроде светловолосого, высокого и широкоплечего Игнатия Ауэра [19] или элегантного и надменного доктора Гейне[20]. Она сумеет ответить на их нападки.

Клара улыбается. Зачем она ломает голову? Разве ее страшит еще одно испытание «а новом участке пролетарского фронта? Конечно же, нет! Одна только перспектива сильных сражений и та уже укрепляет ее мужество и ее уверенность. Отговорки «Я не могу» не существует! Кроме того, она ведь не одна. Товарищ Дитц, добрый и опытный, уверил ее, что всегда придет ей на помощь, когда она окажется в затруднительном положении. Партия тоже поможет ей справиться с этой огромной задачей.

В конце 1891 года Клара Цеткин приняла на себя редактирование газеты «Равенство» и руководство пролетарским женским движением. Разносторонние знания и способности Клары, неразрывная связь с делом рабочего класса, неутомимая смелость в борьбе и работе, даже ее личные интересы — все это отныне было направлено на то, чтобы осуществить главную цель Клары: из миллионов женщин, несущих двойное бремя угнетения, воспитать в Германии и за ее пределами солдат революции.

Еще в 1889 году в брошюре «Женский вопрос и современность» Клара Цеткин писала:

«Женский вопрос, так же как и современное рабочее движение, порожден крупным промышленным производством, революционизированным применением машин, силы пара и электричества».

Механический ткацкий станок, паровая машина и электричество погнали не только жен бедняков, но даже и их детей из домашнего хозяйства на фабрики. Теперь работницы тоже борются в рядах социал-демократической партии за сокращение своего почти неограниченного рабочего дня.

Но в то же время эти новые изобретения и открытия освободили и дочерей буржуа от множества дел по дому, которые до сих пор были их основным занятием. Прясть самим пряжу, ткать дома ткани или подкручивать фитили — все это стало невыгодным. Да и кто еще чистит теперь керосиновые лампы? Изменившееся хозяйственное положение вынуждает и дочерей

буржуа искать заработка вне дома. Они хотят добиться политического равноправия и возможности свободно выбирать профессию и получать образование. Для достижения этой цели они больше двадцати лет тому назад начали объединяться в «Союзе женщин» и других подобных организациях. Они призывали работниц, чтобы те в «гармонии» с ними, своими «сестрами», поддержали их.

Болтовня о «гармонии сестер» с давних пор вызывала у Клары истинное отвращение. Эти лицемерные и пустые разговоры создают в умах пролетарок путаницу и отвлекают их от принципиальной освободительной борьбы. Клара решила уже в своем первом обращении к подписчикам, напечатанном в «Равенстве» в январе 1892 года, провести разграничительную черту между обоими женскими движениями. Несколько месяцев спустя, преследуя ту же цель, она предложила активным берлинским социалисткам, таким, как Эмма Ирер и Оттилия Баадер, подготовить массовые собрания женщин. Там, перед тысячами женщин, в присутствии большого числа рабочих Клара говорила о тех причинах, которые требуют четкого разделения обоих движений:

— Чего добиваются женщины из буржуазии? Они добиваются возможности свободно выбирать профессию и свободно получать образование, чтобы, как и мужчины их собственного класса, стать врачами, судьями, редакторами и профессорами. Они добиваются права распоряжаться своим имуществом. И только потому, что мужчины из буржуазии отказывают им в этих правах, дамы стали воинственными. Но они и не думают о том, чтобы хотя бы в малейшей степени нарушить неприкосновенность существующего государственного и общественного строя. Так же как и их мужья, братья и сыновья, они видят в кайзере «их величество божьей милостью». Свергнутого канцлера они окружают ореолом за то, что он в Зеркальном зале Версаля, поддержанный господами в великолепных мундирах, в сверкающих кирасах и касках с развевающимися султанами, слепил воедино империю. Предел желаний этих дам заключается в том, чтобы в существующем обществе добиться равных с мужчинами прав. Они хотят достичь этого тем, что молят о помощи коронованных особ и, замирая в благоговении и покорности, ползают перед ними на животе.

В переполненном зале Клара задает работницам вопрос:

— А за что боретесь вы? Не за те цели, во имя которых борются женщины из буржуазии, — не за то, чтобы вам было дозволено работать, — вы добиваетесь более короткого рабочего дня. У вас и ваших мужей общая конечная цель: разбить вдребезги этот несправедливый социальный строй и заодно

уничтожить всех монархов и коронованных особ, у которых мечтающие об эмансипации дамы хотят вымолить свои права!

Обращаясь к работницам, Клара с гордостью восклицает:

— Нашей конечной целью является политическое господство рабочего класса!

Буря аплодисментов награждает оратора, но в то же самое время возникают и сильные разногласия. Во многих умах очень глубоко укоренилось заблуждение о «гармонии сестер» между женщинами из буржуазии и работницами. И далеко не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что Август Бебель, самый популярный из вождей немецкой социал-демократии, в своей нашумевшей книге «Женщина и социализм» отчетливо не показал разницу между конечной целью социал-демократок и целью женщин из буржуазии. Поэтому работницы, а еще чаще те из активисток, которые тащатся по стопам буржуазного женского движения, обычно ссылаются на сочинение Бебеля.

Клара Цеткин, конечно, высоко ценит книгу Бебеля. Она судит об этой книге «не по достоинствам или недостаткам, а по времени», когда она появилась:

«Тогда она была не просто книгой — она была событием, была подвигом».

Но всем тем, кто для подтверждения своей неправильной точки зрения призывает Бебеля как главного свидетеля, она прямо заявляет:

— В этом вопросе Бебель ошибался!

Благодаря выдержке, умению спорить и совершенно неуязвимым аргументам, почерпнутым из учения Маркса и Энгельса, Клара Цеткин добивается признания своей точки зрения: «Классовая борьба, а не борьба между полами!»

Конечно, это победа, но далеко еще не окончательная. Все снова и снова приходится Кларе бороться с пережитками старых заблуждений. Даже «Форвертс», центральный орган социал-демократической партии, умудрился еще в 1895 году призывать своих читателей к поддержке петиции буржуазных женщин о праве собраний и союзов. Охваченная гневом Клара написала воинственную статью, основная мысль которой заключалась в словах: «Мы не пресмыкаемся перед «их величествами»! Наш лозунг — классовая борьба!»

Все партийные газеты поместили ее статью, за исключением «Форвертса». Редакция этой газеты осторожна. Она переслала статью Августу Бебелю. Но тому статья Клары показалась слишком острой по своей форме. Он смягчил ее своими исправлениям», с которыми Клара не согласилась. Она упрямо

настаивала на первоначальном варианте. Когда же, наконец, после долгих проволочек статья появилась в «Форвертсе», по-мещански осторожная редакция не забыла в примечании отмежеваться от мнения Клары Цеткин.

Весть о решительной защите Кларой Цеткин линии классовой борьбы в женском движении дошла и до слуха тяжело больного Фридриха Энгельса. Незадолго до своей смерти в письме к друзьям он с похвалой отзывается о самостоятельной теоретической разработке Кларой Цеткин женского вопроса и об ее мужественном поведении. Свое письмо он заканчивает словами: «Браво, Клара!»

Это «браво» из уст Энгельса придает Кларе еще больше твердости, потому что подчас и она спрашивала себя: не могут ли женщины-пролетарки и женщины из буржуазии все же какой-то отрезок пути идти вместе, чтобы добиться той или иной ограниченной цели? Но она всегда приходила к выводу: во время напряженной борьбы рабочий класс больше всего нуждается в ясной разграничительной линии. Возможно, совместное выступление пролетарских женщин и женщин из буржуазии и может иметь место в будущем — сейчас девизом должно быть тщательное размежевание. Энгельс своим прекрасным возгласом «Браво, Клара!» выразил ей свое одобрение. Она гордится этой похвалой.

НА ПОСТУ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Шел 1897 год. Утром, как обычно, Клара работала в редакционной комнате газеты «Равенство». Ни на минуту не останавливаясь, ее перо скользило по белой шершавой бумаге. Наконец со вздохом облегчения она отложила ручку в сторону: в рукописи доклада о праве собраний и союзов поставлена последняя точка! Она провела рукою по глазам, которые временами так странно болят. «Это от перенапряжения», — утешает себя Клара, ведь она почти каждый день сидит за письменным столом с четырех часов утра.

Громкий, энергичный стук в дверь вывел ее из раздумий. Пожилой наборщик в рабочей одежде вошел в комнату и передал Кларе свежий номер «Равенства». И сегодня, как всегда, газета, печатающаяся на станке, принадлежащем профсоюзу деревообделочников, еще не просохла от типографской краски. Наборщики охотно взяли на себя нетяжелый труд приносить «своей Кларе», так много уже сделавшей для их профсоюза, первый вышедший из-под станка экземпляр газеты.

С радостью и нетерпением взяла она в руки газету. Как и прежде, когда она только начинала свою деятельность главного редактора двухнедельной газеты «Равенство», Кларе и сегодня еще доставляет величайшее удовольствие внимательно разглядывать свое творение. На ее лице появилась радостная улыбка, когда она читала- коротенькую заметку: «Забастовка прачек в Нёй-Изенбурге под Франкфуртом-на-Майне продолжалась семь недель и закончилась победой работниц». Клара очень гордится этим успехом прачек. Исключительно тяжелые условия труда принудили их к забастовке: низкие заработки, нездоровые помещения, в которых приходилось работать, и прежде всего невыносимо длинный рабочий день. На шестнадцати из семидесяти шести предприятий рабочий день продолжался одиннадцать часов, а во всех остальных прачечных, как правило, четырнадцать-шестнадцать часов ежедневно. И нередко много дней подряд даже семейных прачек заставляли заниматься каторжным трудом по двадцать часов в сутки!

Теперь прачки добились победы над своими эксплуататорами. И в этом большую роль сыграла помощь «Равенства» и пожертвования подписчиц газеты. С полным удовлетворением прочла Клара заметку: «Из 2 600 марок,

поступивших в редакцию «Равенства» для оказания помощи бастующим, 1 300 марок были собраны женщинами из пролетариата». Эти деньги работницы-социалистки из солидарности с бастующими сэкономили на питании. Они придали прачкам мужества, чтобы продержаться до конца.

Клара Цеткин (третья слева] и Фридрих Энгельс (четвертый слева). 1893.

Клара Цеткин.

Взгляд Клары привлекла к себе другая заметка: «В работе съезда социал-демократической партии Венгрии как делегатки принимали участие три крестьянки. Они представляли партийные организации батрачек, созданные в больших сельских общинах. Одна из крестьянок рассказала, как за празднование Первого мая ее посадили в тюрьму. Шестьдесят батрачек, объединившись,

просили передать, что, наперекор всем ухищрениям помещиков и жандармов, они стоят под знаменами социал-демократии».

Клара одобрительно кивнула головой. Надо очень высоко ценить это доказательство доверия, которое испытывают к партии батрачки и крестьянки, союзницы пролетарских женщин! Впервые в истории рабочего движения на съезде партии выступала батрачка.

Следующая заметка вызвала у редактора улыбку удовлетворения. Даже работницы из Серебряной палаты[21] рассказывают о своих страданиях и тяготах на страницах газеты, принадлежащей социал-демократической партии. Эксплуатация во дворце, становящаяся с каждым днем все более невыносимой, даже в них пробуждает классовое сознание: «Рабочий день начинается с полвосьмого утра и продолжается до 12 ночи. Заработная плата составляет две с половиной марки в день. Раньше во время празднеств работницы получали что-нибудь поесть. В последнее время это прекратилось — была специально учреждена кухонная полиция. Только подумайте о продолжительности и тяжести работы, о том, как неприятно и опасно дышать испаряющимся нашатырем!»

Бросив последний испытующий взгляд на столбцы «Равенства», Клара отложила газету. Время, как всегда, рассчитано до минуты. Ее ждет целая гора писем, вышедших из-под пера работниц. Их письма она читает всегда с особой тщательностью. Содержание этой почты лежит в основе газеты «Равенство». Более того: многие работницы, неуклюжим почерком поведавшие Кларе о своих заботах, постепенно превращаются в постоянных корреспонденток газеты. Клара умеет распознавать таланты и развивать их.

Клара Цеткин читала одно письмо за другим. Что пишет маленькая швея из Парижа? Когда есть работа, она зарабатывает три франка в день. Только пять месяцев в году можно найти работу по специальности, да и то из них выпадают воскресные и праздничные дни. Клара очень сочувствовала девушке, написавшей это письмецо. Она знала Париж с дней эмиграции, знала горькую нужду швей и модисток, которые умеют так искусно скрывать ее под пестрой мишурой и косметикой.

Сердце Клары никогда не станет глухим к чужим страданиям. Ее каждый раз глубоко волнуют горькие жалобы женщин. Какая страшная, мрачная жизнь проступает в письме горнорабочей из Верхней Силезии: «Мы работаем непрерывно 11 часов, а получаем в день от 78 до 86 пфеннигов. Мы почти умираем с голоду, на нашем теле одни лишь лохмотья. Мы стали черными от угольной пыли. Умывальных нет, но зато есть большие и светлые залы для

молитв. Наши мужья редко ходят молиться. Они идут в трактир и с отчаяния пьют водку».

Клара положила листочек на стол. Гневные морщины появились между ее густыми бровями. Верхнесилезские копи принадлежат государству и таким беззастенчивым эксплуататорам, как князья фон Плез и фон Гогенлоэ, фон Уест и Баллестрем. Она уже неоднократно бичевала их методы жесточайшей эксплуатации, и в следующем номере «Равенства» она опять это сделает. В Восточной Германии государство и владельцы копей платят своим горнякам почти в половину меньше, чем в Рурской области. Верхнесилезские рабочие более отсталы, чем рабочие на западе Германии. Поэтому хозяева эксплуатируют их так же беззастенчиво, как некогда белые плантаторы южных штатов Америки эксплуатировали своих черных рабов.

И снова Клара Цеткин склоняет свою голову над письменным столом, и снова скользит по бумаге перо. Ее крупный энергичный почерк заполняет страницу за страницей. Она всегда немедленно отвечает на все письма работниц. В простых и сердечных словах указывает она им путь к лучшей жизни, внушает мужество и надежду, дает советы. И нередко, отвечая какой-нибудь работнице, она исписывает многие страницы.

Каждое письмо работницы Клара Цеткин ценила как первый росток пробуждающегося сознания. Ни одному из этих нежных побегов она не дала захиреть, даже если уход за ним отнимал у нее драгоценное время. До последней минуты своей деятельности на посту редактора «Равенства», вплоть до 1917 года, Клара Цеткин видела в письмах читателей тот источник, который, беря начало в жизни масс, делал плодотворной всю ее работу.

ПУТИ И ЦЕЛИ

Было еще по-летнему тепло в тот вечер первого воскресенья октября 1896 года, когда погруженная в раздумье Клара Цеткин вошла в свой маленький домик, находившийся неподалеку от городских ворот Штутгарта. Она возвратилась из цирка на Мариенплатц, где происходила торжественная встреча делегатов открывающегося завтра партийного съезда. Клара, по своему обыкновению, прежде всего заглянула в комнату ребят: Максим и Костя, краснощекие и здоровые, спали в своих постельках глубоким детским сном. Затем она направилась в свою рабочую комнату.

У Клары Цеткин вошло в привычку перед каждым партийным съездом в тиши кабинета задавать самой себе вопрос: «Какое расстояние за истекшие годы прошла партия по своему тяжелому, тернистому пути?» Партийные съезды имеют в жизни Клары Цеткин, как и в жизни каждого сознательного рабочего, совершенно особенное значение: они указывают направление, по которому следует идти, чтобы достичь далекой конечной цели — насильственного разрушения капиталистического государства и построения нового, справедливого мира.

За эту великую и прекрасную цель, достойную того, чтобы ей отдавали свои силы самые благородные люд», Клара Цеткин борется уже в течение двух десятилетий на стороне Бебеля, Либкнехта, Меринга и многих других товарищей. Однако некоторые пробравшиеся к руководству члены партии с давних пор пытаются хитроумно извращать и истолковывать вкривь и вкось эту ясную конечную цель. Уничтожить капитализм путем насилия? Они с пренебрежением отвергают эту мысль и собственную глупость даже ставят себе в заслугу. Они мечтают о том, чтобы достичь конечной цели посредством избирательных бюллетеней, путем реформ и реформочек. Они все время стараются превратить партию в «послушную капиталу реформистскую лошадь, которая терпеливо дает себя запрягать в разбитую телегу буржуазных эксплуататоров…». Клара очень озабочена тем, что многие члены партии охотно внимают голосу этих «социалистов», извращающих учение Маркса и Энгельса с усердием, достойным лучшего применения. А в чем причина? Клара уверена, что знает ее: после отмены позорного «исключительного закона» в ряды партии из года в год просачивались люди, настроенные «социально», а не социалистически. Им больше подходят реформы, чем революция.

Клара решает, что настала пора подвергнуть такого рода членов партии критике, более суровой и прямой, чем когда-либо прежде!

Клара хорошо помнит, как Август Бебель еще на[22] первом после отмены «исключительного закона» партийном съезде в Эрфурте, в 1891 году, вынужден был поставить на место тех социалистов, которые ради крохотных реформ готовы были забыть великую цель. Он очень ясно показал им весьма ограниченный смысл их борьбы за мелкие улучшения в жизни рабочих. «…Каждую пядь земли и каждое преимущество, которое я могу получить в результате такой борьбы, я должен завоевать, чтобы стать более сильным для нанесения последнего удара (то есть для революции. — Г. И.)…»

Август Бебель полностью высказал то, о чем думала Клара Цеткин. Разве могла она, женщина и мать, не видеть практической ценности каждой, даже самой маленькой реформы? В том же году ее до глубины души обрадовало известие, что, наконец, был принят закон, который запрещал ночную работу женщин и не разрешал заставлять их работать больше одиннадцати часов в сутки. Это хоть немного сократило изнурительный, каторжный труд работниц.

Да, ради таких успехов она всегда обеими руками подпишется под всеми требованиями реформ со стороны партии. Но они никогда не должны превратиться в самоцель. Клара Цеткин, так же как и все «революционные левые», ценит реформы только как удобное и важное средство сделать рабочих физически и духовно более сильными для последнего решительного боя, для революции и создания нового общественного строя.

На следующих партийных съездах в Бреслау, Кёльне и Франкфурте-на-Майне постоянно возникала необходимость напоминать об учении Карла Маркса и Фридриха Энгельса оппортунистическим и реформистским элементам, проповедующим пассивность и покорность. Не было такого противника из числа реформистов, которого бы Клара Цеткин не в силах была одолеть. Не у одного из них ее речь, острая и разящая, как сабельные удары, разбивала в пух и прах легковесные аргументы, приводимые в защиту расплывчатых мелкобуржуазных убеждений. А главное — Фридрих Энгельс был еще жив! В высшей степени бдительный, он всегда вмешивался в разногласия, помогая и указывая правильный путь. Мнение одного из основоположников научного социализма имело вес даже у реформистов: он был авторитетом.

Смерть Энгельса в августе 1895 года была страшной потерей не только для его личных друзей, не только для II Интернационала, но и вообще для всего угнетенного

человечества. В Лондоне навсегда закрылись глаза неутомимого борца за дело рабочего класса, испытанного советчика и друга, всегда готового прийти на помощь, подлинного отца партии.

Здесь, в своей рабочей комнате, где сегодня, накануне партийного съезда, Клара Цеткин вспоминает былое и думает о будущем, здесь в прошлом году получила она известие о смерти этого великого человека… Свет лампы, стоящей на письменном столе, падает на густые рыжеватые волосы женщины, на ее преждевременно постаревшее лицо. Два десятилетия «неутомимой и самоотверженной деятельности на благо угнетенных всего мира оставили на этом лице неизгладимые следы. На нем можно прочесть не только материнскую доброту и человечность, но и мужественность и энергию в сочетании с решительностью и суровостью. На таком лице не увидишь слез…

Когда Клара Цеткин получила печальную весть, ее охватила бесконечная скорбь. Умер Фридрих Энгельс, великий учитель и отзывчивый друг!

Он отнюдь не был человеком, мрачно презирающим радости жизни. А как заразительно он мог смеяться! Он никогда не скупился на поощрение и похвалу — она обязана ему множеством добрых советов. Да, она хорошо знала, что ей, революционерке, не к лицу предаваться отчаянию. Но в тот день она не смогла заниматься работой. Когда утихла первая скорбь, она поклялась всегда поступать по заветам покойного учителя и никогда не мириться с какими-либо извращениями учения Маркса и Энгельса.

Еще на многих знаменах партии траурный креп напоминал о недавно понесенной утрате, когда Клара Цеткин делом подтвердила свою клятву. Это произошло в 1895 году на партийном съезде в Бреслау. На этом съезде комиссия по аграрному вопросу, в состав которой входили Бебель и Либкнехт, представила делегатам совершенно немарксистскую аграрную программу. Удивление и возмущение охватили Клару. Неужели товарищи уже забыли прошлогодний энергичный протест Энгельса против проекта этой программы? В острой и страстной речи она напоминает партийному съезду об этом протесте. Ни одно возражение не может ее сбить. Упрямо защищает она свою точку зрения — в духе Энгельса.

Она должна признаться, что в Бреслау ей пришлось нелегко — так ожесточенно скрестить шпаги с Бебелем, другом, которого она уважает! Об этом она сказала ему и всему партийному съезду цитатой из гётевского «Фауста»: «Горько у меня на душе, что я вижу тебя в такой компании…» Как только заходит речь о существе дела, о революционном характере партии, она не знает

никакого снисхождения и не щадит даже добрых и давних друзей. Она рано научилась ставить справедливую борьбу рабочего класса выше личных привязанностей, еще тогда, когда в возрасте двадцати одного года порвала со своим буржуазным прошлым.

На открывающемся завтра в Штутгарте партийном съезде она будет беспощадно бороться с «теорией» Эдуарда Бернштейна, бывшего редактора нелегального «Социал-демократа». Сразу же после смерти Энгельса он принялся сочинять целый ряд статей о «мирном пути к социализму». С тех пор он, как шарлатан последнего разбора, нападает со своими никчемными аргументами на выводы Маркса и Энгельса, полученные в результате многолетней научной работы. Он мечтает о том, чтобы достичь социализма, идя по пути различных реформ, без всякого применения насилия. Кларе внушает опасения только то, что это «учение» приходится по вкусу многим партийным товарищам, особенно тем, кто променял свою работу у станка на кресло в правлении профсоюза. Она неоднократно убеждалась в том, как некоторых людей портят крахмальные воротнички и не испачканные работой руки. Они так дрожат за свое тепленькое местечко, что избегают даже малейшего конфликта с властями. Поэтому такие члены партии с благосклонностью воспринимают теоретическое фиглярство Бернштейна и не менее глупые и опасные мечтания о «классовом мире». На предстоящем партийном съезде должно быть ясно и недвусмысленно сказано, что подобная болтовня отвлекает массы от революционной борьбы и одновременно наносит тяжелый вред единству партии.

«Классовый мир»? Но совсем не о мире мечтают хитрые, коварные и жадные до власти враги — князья и бароны заэльбских земель, пушечные фабриканты Рейна и Рура, лицемерные герцоги и графы Верхней Силезии, те, что даже последнюю каплю пота своих горняков превращают в звонкую монету. Во главе этой клики стоит кайзер, «владыка войны и мира», тупой, тщеславный и властолюбивый болван, связанный родством с помещиками и пушечными королями. Он, так же как те из его «верноподданных», что несут на своем щите позорный герб эксплуататоров, мечтает расширить свою империю и грозит бронированным кулаком внутренним и внешним врагам. Противостоять такой всеобъемлющей грубой силе рабочий класс может только силой — в этом заключается, как говорит Клара, «железная необходимость».

Она неутомимо разъясняет рабочим, что для помещиков, промышленных магнатов, финансовых и биржевых воротил только одна вещь в Германии священна — прибыль. Как они завидуют своим более удачливым в делах собратьям по ту

сторону Рейна и Ла-Манша! На десятки лет раньше, чем в Германии, рассеченной множеством границ, появились на английских и французских фабриках новейшие машины, у которых целая армия рабочих производит красивые и полезные вещи в количествах, намного превышающих внутреннее потребление. Склады на Темзе и Сене переполнены товарами. Английские и французские капиталисты расчетливо всматриваются в карту мира и вскоре находят выход. Они направляют сильный военный флот в Индию, Китай и Африку. Жесточайшими методами покоряют они миролюбивые народы и превращают захваченные страны в свои колонии. Там сбываются все товары, которые на родине не находят покупателей.

В Германии тоже уже давно рабочие производят многие товары с избытком. Но Германия смогла только несколько маленьких заморских земель сделать своими колониями. Немецкие предприниматели, так же как и их зарубежные собратья, в поисках прибылей жадно разглядывают карту мира; но все большие рынки сбыта на земном шаре уже находятся в крепких руках.

Что делать? Хозяева немецкой крупной промышленности ломают голову над тем, чтобы найти выход из своей «беды». Они не могут примириться с тем, что самые лучшие и большие рынки уже поделены.

Германия спешно вооружается на море и на суше. Клара Цеткин давно уже с вниманием и беспокойством следит за гонкой вооружений. Отливаются пушки, изготовляется амуниция; флотилии миноносцев, крейсера и линкоры сходят с верфей. Кончики усов кайзера воинственно ощетинились, — в речах своих он задиристо бряцает оружием. Клара без устали разоблачает на многолюдных собраниях гонку вооружений. Она говорит народу, что ему придется оплачивать все эти пушки и военные корабли и что враг, господствующий класс Германии, жестоко и беззастенчиво поддерживает свою власть дулами орудий.

И этого врага реформисты и оппортунисты, люди, подобные Эдуарду Бернштейну, хотят победить с помощью избирательных бюллетеней! Не похожи ли те, что хотели бы путем реформ и парламентских мандатов побороть этого вооруженного с ног до головы противника, на Дон-Кихота, рыцаря печального образа? Похожи как две капли воды!

Задача Клары Цеткин на завтрашний день точно определена: болтунов, разглагольствующих о «мирном пути к социализму», разоблачать как опасных мечтателей и как предателей дела рабочего класса. Когда Клара отправляется спать, ее утешает мысль, что на партийном съезде она найдет многих

единомышленников.

БОЕВАЯ СОРАТНИЦА

На следующее утро штутгартцы, живущие на Гогенштауфер- и Тюбингерштрассе, наблюдают, как толпа празднично одетых, в большинстве своем здоровых и сильных мужчин устремляется к дому, где состоится очередной партийный съезд социал-демократов.

Вместе с другими делегатами Клара входит в зал заседаний, наполненный негромким гулом голосов, и тотчас же ее охватывает гордость.

С каким чувством собственного достоинства держат себя рабочие делегаты! На фоне темных праздничных костюмов еще ярче горят алые полотнища, которыми убрана трибуна, и развешанные по стенам зала революционные лозунги. Напряженное ожидание и деловитая хлопотливость, как всегда, определяют атмосферу этих последних минут перед началом заседаний. Но сегодня, как кажется Кларе, больше, чем обычно, чувствуется волнение в гуле голосов, наполняющих зал. Каждый делегат сознает ту ответственность, которую возлагает на него мандат, — этот зал будет ареной ожесточенных споров о том, какой должна стать партия: останется ли она революционной боевой организацией рабочих или скатится до положения «партии реформ, которая, как дрессированный пудель, послушно дает господам лапку».

Пробираясь к своему месту, Клара Цеткин отвечает на приветственные возгласы, обменивается крепкими рукопожатиями и ищет глазами старых соратников. Недалеко от трибуны она видит Августа Бебеля. И сегодня, как всегда, его костюм отличается безукоризненной чистотой и аккуратностью. Полный юношеского задора, Бебель беседует с худенькой темноволосой женщиной. Какой-то поразительно знакомой кажется Кларе эта женщина, еще более маленькая, чем Бебель, который сам был ниже среднего роста. Где они встречались? Неожиданно она вспоминает: «Так ведь это же с Розой Люксембург разговаривает Бебель!» В 1893 году на Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе Клара Цеткин мельком познакомилась с Розой. А в этом году, всего несколько недель тому назад, «Равенство» могло с гордостью сообщить: «Д-р Роза Люксембург стала главным редактором «Саксонской народной газеты». Она первая в Германии женщина, которая руководит ежедневной политической газетой…»

Раздается звонок. Торжественная минута! В зале становится

тихо. Хотя на повестке дня и нет особого пункта по вопросу о тактике, начавшиеся дебаты сразу показывают, что самые дальновидные товарищи, так же как и Клара, очень много об этом думали. Они энергично выступают против лжеучения о «мирном врастании в социализм», называют его воздушным замком, миражем, «рожденным в мозгу глупца». Клара считает, что теперь каждый член партии, обладающий здравым смыслом, должен смотреть на оппортунистов и реформистов всех оттенков как на глупых и вместе с тем опасных фантастов.

Многим сильным и умным речам аплодировала Клара, но особенно по сердцу пришлось ей выступление Розы Люксембург. Экономист по специальности, совсем недавно в Цюрихе сдавшая с отличием государственные экзамены по юридическим наукам, Роза Люксембург превосходно опровергает все умозрительные построения о мирном пути к социализму. В блестящей речи она оружием марксистской науки разбивает вдребезги обманчивый призрак «бернштейниады». Она доказывает делегатам, что такие члены партии, как Бернштейн и его сторонники, отказывающиеся от социалистической революции как от предпосылки возникновения бесклассового общества, своей пустой болтовней только обманывают честных, сознательных рабочих.

Клара Цеткин с безграничным восхищением смотрит на молодую социалистку. Как прекрасно владеет она учением Маркса и Энгельса! Какой революционный темперамент, подобный неудержимому потоку расплавленной лавы, присущ этой маленькой, хрупкой женщине! Ее речь, полная метких, смелых сравнений, говорит о ее поэтической фантазии, которая подчинена отточенному ясному уму.

Клара Цеткин всегда очень скромна. В ее восхищении Розой Люксембург, которая намного моложе ее, нет и тени зависти. Клара безгранично уважает Розу за присущие ей способности и качества революционерки, хотя и сама отличается многими положительными чертами, которые так высоко ценит в Розе. Клара тоже вступает в борьбу и, приводя разящие аргументы, порывисто и страстно сражается с Бернштейном;

— По мнению Бернштейна, профсоюзный и государственный контроль постепенно настолько ограничит капиталистическую собственность, что в одно прекрасное утро даже у самого капиталиста пропадет охота быть собственником… Если мы разделим точку зрения Бернштейна, то мы должны делать основной упор не на завоевание пролетариатом политической власти в условиях капиталистического общества, а на достижение отдельных мелких социальных реформ, посредством которых, по мнению Бернштейна, будет подготовлен переход к

социалистическому обществу. Мы то здесь получим кусочек будущего социалистического государственного устройства, то там кусочек, и нам, так сказать, останется только слагать их воедино…

Основная мысль, которой пронизана вся речь Клары, заключена в словах «Коммунистического манифеста», что чаяния, надежды и цели рабочего класса «могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя».

Этот партийный съезд представляется Кларе подходящей ареной, чтобы расправиться с одним из самых закоренелых и изощренных оппортунистов, сторонником Бернштейна — с доктором Гейне, или, как она его в насмешку называет, с «господином депутатом рейхстага». Речь идет, как говорит Клара, о «политике, которую товарищ Гейне сформулировал в лозунге политики компенсаций: «Пушки за предоставление прав народу»[23]. Попросту говоря, вести такую политику — значит заниматься мелким торгашеством с капиталистическим государством… Вершиной теорий Гейне является мысль о том, что существуют военные нужды, к которым рабочие должны относиться безучастно. К таким, по его мнению, относится, например, производство новых пушек…»

— Но против кого капиталистическое государство обычно направляет дула своих пушек? — настойчиво спрашивает Цеткин и отвечает делегатам, что во время войны град пуль будет косить английских, французских или русских рабочих и что жерла этих «безучастных» пушек будут в нужный момент направлены и против «внутреннего врага», против самих немецких рабочих.

Клара, как и все левые, требует: «Милитаризму — ни единого человека и ни единого гроша!» Звенит колокольчик председательствующего — время Клары истекло. Но она не уходит с трибуны: она еще должна предостеречь Гейне и его единомышленников, что они рискуют с головой увязнуть в болоте реформизма. Она безжалостно уничтожает возможные иллюзии, которые еще гнездятся в их головах. Гейне и подобные ему члены партии через некоторое время опустятся до состояния жалких лакеев господ, носящих на своих гербах изображение хищника, и будут вынуждены оказывать им самые постыдные услуги как в угнетении чужих народов, так и немецких рабочих.

На этом партийном съезде Клара Цеткин жестоко, без какого-либо снисхождения нападает на всех мягкотелых, всегда готовых к компромиссу людей. Она руководствуется своим давним принципом:

Где враг?

Враг — здесь!

Укажи на него — и бей!

Борясь с противниками, даже если они были из рядов социал-демократов, Клара Цеткин никогда не старалась смягчить свои выражения. Но здесь, в Штутгарте, не дала ли она все-таки увлечь себя своему справедливому гневу и не слишком ли сильно обрушилась на многих реформистов со своими едки-,ми, полными сарказма насмешками? По крайней мере Игнатий Ауэр, с которым Кларе уже неоднократно приходилось спорить, придерживается такого мнения. Он со своего председательского места критикует Клару Цеткин за ее острые нападки на реформистов, но критикует не по существу, а пытается плоско и неудачно острить:

— К чему это поведет, если мы будем выслушивать подобные речи от представительниц пола, который будто бы является угнетенным?.. Когда я вчера слушал, как товарищ Цеткин извергала свои нападки, я сказал самому себе: «И это называется угнетенный пол! Что же тогда получится, когда он станет свободным и равноправным?..»

Для Клары нет ничего нового в том, что ее отчитали в такой неподходящей форме. Ведь Игнатий Ауэр принадлежит к числу тех членов партии, которым очень не нравится, когда женщины начинают интересоваться общепартийными вопросами. Он бы охотно ей крикнул: «Всяк сверчок знай свой шесток!» — иными словами: «Занимайся-ка ты только работой среди женщин!»

Поучительный урок, который Клара дала этому товарищу в начале своего следующего выступления на съезде, был одновременно направлен и по адресу всех тех членов партии, которые только на словах признавали равноправие женщины:

— Я прежде всего заявляю, что я выступаю не как представительница «угнетенного пола», а как член партии.

Достоинство и гордость заключены в этих словах. Клара знает права женщины и никому не позволит на них посягать. Ее «шестком» остается широкое поле классовой борьбы, в которой она всегда самоотверженно бросается туда, где жарче всего разгорается сражение. Ее речи, полемические выступления и статьи помогают товарищам понять многие проблемы и в то же время доказывают способность женщины вести самую разнообразную политическую работу.

Встретить по-настоящему мужественную, образованную и талантливую соратницу — это большое счастье, и оно выпадает на долю Клары здесь, в Штутгарте, в 1898 году.

Обе женщины, Клара Цеткин и Роза Люксембург, вступают на этом съезде в боевое содружество, которое очень скоро

перерастает в сердечную дружбу. Клара, сама очень одаренная и готовая отдать последнюю каплю крови за дело рабочего класса, относится с глубоким уважением к Розе, хотя та и намного моложе ее. Она готова поклясться, что этой хрупкой молодой женщине присуща огромная творческая сила. Помимо всего прочего, обеих революционерок роднит их страсть к стихам. С давних пор Роза Люксембург занимается поэзией и с детских лет пишет стихи. Когда в Цюрихе партия поручила молодой студентке написать брошюру, Роза Люксембург принесла «непригодную» работу — она написала ее в стихах!

Клара Цеткин и Роза Люксембург, которая давно уже не имеет времени сочинять стихи, заключают боевой союз, направленный против реформистов и оппортунистов. Чтобы не распылять сил, они с самого начала по порядку делят между собой работу. На долю Клары, как популярного оратора, выпадает задача на массовых собраниях разъяснять рабочим и работницам истинный смысл лживой болтовни реформистов и на страницах «Равенства» разоблачать этих рыцарей печального образа, как вредителей и глупцов. Роза Люксембург со своей стороны будет теоретическими статьями бороться против этого опасного течения.

Систематическая борьба с реформистами и оппортунистами тем более необходима, что штутгартский съезд так и не вынес окончательного решения о том, какой должна быть партия. Бебель, Меринг, Вильгельм Либкнехт, Клара Цеткин и Роза Люксембург добиваются продолжения на партийном съезде в Ганновере в 1899 году дискуссии о реформизме. Клара Цеткин и Роза Люксембург в первом ряду борющихся. И очередной номер газеты «Равенство» с полным удовлетворением объявляет, что ганноверский партийный съезд большинством в сто голосов осудил реформизм и оппортунизм. Большинством в сто голосов! Это зовется победой. Клара Цеткин уверена, что теперь дело только в том, чтобы сохранить единство партии.

Однако со времен штутгартского и ганноверского съездов в величественном здании немецкой социал-демократии зияет трещина. Видят ли товарищи эту трещину? Замечает ли ее Клара Цеткин? Да, замечает, но, как и все левые, не понимает, насколько она опасна. Клара никогда не выступает за четкое отмежевание от мелкобуржуазных элементов, хотя не только ни на секунду не разделяет, но и постоянно в своих язвительных и острых речах борется с их чрезмерной верой в могущество избирательных бюллетеней, в многочисленность партии, с их гордостью, за богатые профсоюзные и партийные кассы. Клара Цеткин тоже впадает в трагическое заблуждение, когда ставит

над всем формальное единство партии. Только когда здание начинает рушиться, она осознает свою роковую ошибку, но поздно, слишком поздно…

АГИТАТОР

Ожидается удорожание хлеба! В начале 1901 года эта весть наполняет страхом сердца миллионов пролетарских женщин. Повышение цен на хлеб повлечет за собой множество новых забот. Оно, словно алчный призрак, угрожает и без того нищенскому бюджету работниц. Это их самое больное место, и именно с этого Клара Цеткин начинает свою агитацию: «На кого тяжелей, чем на жену рабочего, давит бремя заботы о хлебе насущном? — пишет газета «Равенство». — В жизни рабочих хлеб играет важнейшую роль. Хлеб для жены пролетария и для ее семьи, хлеб для работницы является основным продуктом питания, с которым по значению ничто не может сравниться. Швея или фабричная работница, утром, р обед и вечером макающая свой чуть смазанный смальцем хлеб в бурду из цикория, жена рабочего, готовящая по рецептам буржуазных «друзей народа» «питательное кушанье» из костей, картошки и овощных отбросов, — они могут позволить себе израсходовать только ничтожную сумму на мясо, масло, яйца, молоко и т. д…»

«Чем вызвано повышение цен на хлеб? — спрашивает газета. — Тем, что «нуждающиеся» крупные помещики из Заэльбья и других районов Германии требуют высоких ограничительных пошлин. Они настойчиво добиваются от правительства повышения пошлин на вывозимый в Германию хлеб, чтобы иметь возможность продавать с большей прибылью на внутреннем рынке зерно, посеянное и собранное руками их батраков. И как уступчиво ведет себя государство по отношению к желаниям этой жадной до прибыли клики крупных аграриев! Чтобы набить потуже денежные мешки помещиков, буржуазное государство готово вытянуть из кармана рабочих с таким трудом заработанные гроши. Добра народу такое государство не желает!» Это становится очевидным для каждой, обладающей здравым смыслом читательницы «Равенства». Газета открывает работницам глаза на грозящую их интересам опасность — государство всегда стремится переложить все тяготы на беднейшие слои населения!

Но эти статьи являются только началом еще более широкой агитационной работы. Клара Цеткин теперь по неделям не берет в руки пера — она выступает с трибуны, стремясь своими зажигательными, революционизирующими массы речами усилить воздействие агитации, проводимой в печати.

Она быстро приспосабливает свой домашний быт к

многонедельному отсутствию; дела газеты Клара передает своей верной и испытанной сотруднице — Кете Дюикер[24]. И вот она отправляется в агитационную поездку.

Всю Германию вдоль и поперек изъездила редактор «Равенства» во время своих прежних поездок. Она посещала Дрезден, Мейсен, Радеберг, Лейпциг и многие другие города. Ее задача заключалась в том, чтобы с трибун народных домов помочь работницам разобраться в беззастенчивой политике «господ баронов и их сподручных».

В изнеможении Клара откидывается назад на своем месте в купе. Последние дни в редакции были полны работы и напряжения, да и предстоящая агитационная поездка совсем не похожа на увеселительную прогулку, а требует большого духовного и физического напряжения. За короткие три недели она будет четырнадцать раз выступать на массовых собраниях.

Сегодня Клара Цеткин чувствует себя особенно усталой и обессиленной. Может быть, она нуждается в отпуске? Но уже много раз случалось, что в начале агитационной поездки ей казалось, что энергия ее исчерпана до конца. Но стоило ей только подняться на трибуну, как она ощущала, что «силы ее ширятся и растут, когда она имеет настоящий, внутренний контакт с массами». С ней происходило то же самое, что и с богатырем Антеем из греческой мифологии. Антей всегда чувствовал прилив сил, как только прикасался к матери-земле. Такой матерью-землей, дающей силы, для социал-демократической партии являются народные массы, а Клара Цеткин — это живая частица партии.

Клара изъездила Германию вдоль и поперек, разъясняя тысячам и тысячам рабочих цели научного социализма. Она одной из первых в партии подняла голос против милитаризма и колониальной политики.

Многие товарищи придерживаются мнения, что ее особая заслуга состоит в том, что она в рабочих поселках Рауенских Альп[25] и в маленьких деревнях, заброшенных среди Эйфельских гор, вдали от обычного маршрута агитационных поездок, выступала с такими же пламенными речами, как и на огромных собраниях в царстве пушечного короля Круппа. Эти поездки и выступления каждый раз давали Кларе сильные творческие импульсы.

Доклады на севере и юге, востоке и западе Германии принесли Кларе Цеткин широкую известность и завоевали ей уважение и любовь рабочих. Даже в лагере врагов она заслужила такую «славу», что еще в 1897 году верноподданные бюргеры маленького городка Ильменау, расположенного в Тюрингии,

дрожа от страха перед ее революционными, вызывающими волнения речами, не разрешили ей выступать в городе. Запрещение мотивировалось тем, что «Клара Цеткин, как известно, в самой резкой форме проповедует ниспровержение существующего государственного и общественного строя».

Но Клара Цеткин продолжает делать то же самое почти во всех немецких городах при переполненных залах собраний. И вот теперь после долгой и утомительной поездки она прибывает в Дрезден по-прежнему с единственной целью «проповедовать ниспровержение». Так как времени очень мало, товарищи прямо с вокзала провожают Клару в помещение, где проводится собрание. Она поднимается на трибуну — её встречают гром рукоплесканий и восторженные возгласы. Буря приветствий не утихает. Клара сквозь сизое облако табачного дыма читает начертанный на полотнище лозунг: «Долой наживу на хлебных пошлинах!» На боковой стене зала стихи Георга Гервега говорят об извечном и скромном желании рабочих:

Немногого требуем мы от грядущего —
Всего лишь работы и хлеба насущного.
Хотим, чтоб детей наших в школе учили
И старцы бы наши с сумой не ходили.

Клара начинает говорить. По внешности она почти ничем не отличается от работниц, сидящих в зале. На ней такая же черная юбка и простая блузка, как и на многих из них, а черты ее лица точно так же говорят о заботах, горе и не знающей отдыха работе.

В огромном помещении становится тихо. Люди затаив дыхание слушают оратора. В каждой фразе чувствуется, как хорошо Клара знает их нужды и горькие заботы. Да, такие слова понимают все находящиеся в зале: и мужчины, и женщины, и молодежь.

— Чтобы обмануть голод, все чаще приходится покупать картошку вместо хлеба. На смену самой дешевой говядине, которая время от времени появлялась на столе, приходит селедка, конина или даже жаркое из пойманной тайком собаки. Но, несмотря на это, гнетущие заботы не уменьшаются, а увеличиваются до гигантских размеров.

И в самую гущу мрачных мучительных раздумий своих слушательниц бросает Клара вопрос:

— Ради чего вы, работницы и жены рабочих, должны терпеть эту нужду и это горе?

И они слышат в ответ:

— Ради того, чтобы кучка богатейших помещиков и баронов

увеличивала свои доходы! По пфеннигу, марку за маркой вытягивают они у вас из тощих кошельков…

Клара Цеткин говорит так образно, что работницам начинает казаться, будто они воочию видят, как огромная прибыль от повышения хлебных пошлин исчезает в денежных мешках крупных землевладельцев и аристократов, как раскормленные помещики в обществе распутных танцовщиц проматывают на изысканные яства и шампанское эти добытые жульничеством деньги. И тотчас же каждая мать представляет себе своих худых, постоянно голодных детей. Как часто с кровью в сердце она должна отказывать им в куске хлеба — иной раз накануне получки в доме нет ни единой крошки. Такой несправедливый порядок вещей вызывает у работниц озлобление и гнев. Он пробуждает в них сознание, что помещики, проводящие свою жизнь в кутежах, помыкают государством, как хотят. В мозгу и сердце женщин начинает разгораться революционная искра, и они торжественно обещают самим себе: «Мы прогоним их, этих помещиков и всех прочих господ! Только когда мы захватим власть, наши дети не будут испытывать недостатка в хлебе».

Известие о тяжелом заболевании сына не дает Кларе Цеткин закончить агитационную поездку. Она торопится вернуться в Штутгарт, к постели больного. Его жизни угрожает опасность. Сейчас она, эта революционерка, «красная ниспровергательница», только мать, которая дни и ночи напролет борется за жизнь сына. Только когда опасность миновала, отходит она от его постели.

И уже на следующее утро после короткого отдыха она опять за письменным столом. Она тотчас же сообщает лейпцигским работницам о болезни сына, которая лишила ее радости выступать перед ними. Письмо еще не окончено, когда почтальон приносит ей среднего размера, но довольно легкий ящик. Он прислан из Лейпцига. Удивленная Клара отбивает тонкие дощечки и с волнением извлекает из ящика роскошный букет цветов, обернутый во влажную белую ткань. Эта посылка от лейпцигских работниц. Они, вероятно, хотели вручить ей цветы после собрания. Среди ярких бутонов Клара находит конверт. Она вынимает из него узенький листочек бумаги. На бледном, утомленном лице Клары появляется радостная улыбка, как только она пробегает глазами аккуратные строчки, со старанием выведенные чьим-то неуверенным почерком;

Духовным оружьем разишь ты врагов:
Жадных баронов, двуличных попов.
Чтобы цены хлебные не могли расти,
Ты позорным пошлинам не даешь пути.

Ты с мечом и пикой на посту стоишь
И, как амазонка, смело вдаль глядишь.
И своим примером ты зовешь народ:
Поднимайтесь, женщины, — и смелей вперед!

Клара в задумчивости откладывает листочек в сторону. Она очень счастлива. И когда через некоторое время она снова берет в руки перо, ей приходят на ум слова Карла Маркса: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

ДЕТСКИЙ ТРУД И КУСТАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Клара Цеткин постоянно клеймит позором как самого алчного Молоха[26] наживы, так и кровавую, вопиющую несправедливость, которую он причиняет рабочему люду. Повсюду — и в пользующихся дурной славой рудниках бельгийского Боринажа, и во вредоносных ртутных шахтах Иберии[27], и на металлургических заводах Рура и Рейна — Молох наживы пожирает из года в год неслыханное число человеческих жизней. В аду кустарного промысла, где царит самая жесточайшая эксплуатация, Молоху наживы приносится жертва за жертвой, хотя там нет ни рудничного газа, ни губительных для человеческого организма ртутных испарений, ни плавильных печей, иссушающих своим горячим дыханием легкие наемных рабов.

На нечеловеческие усилия труда в кустарном промысле обращает Клара Цеткин внимание народа и господствующего класса, потому что на этой жестокой каторге надрываются многие тысячи жен и детей рабочих в значительно большем количестве, чем на фабриках. С раннего утра до поздней ночи голод, этот неумолимый погонщик, размахивает своим кнутом в сырых и лишенных солнца норах, где они вынуждены работать и жить. Болезни и эпидемии, особенно туберкулез легких, ежегодно уносят огромное число женщин и детей, занятых в кустарном промысле.

Клара Цеткин с детских лет знает горькую нужду кустарей. Незаслуженное горе, на которое были обречены трудолюбивые семьи чулочников Видерау, пробудило в мозгу девочки первое сомнение в справедливости царящего в мире порядка.

С тех пор прошли десятки лет, но кустари остались, да и больше того, к концу столетия женщины и дети значительно увеличили их число. На протяжении многих лет редактор «Равенства» неустанно борется за запрещение детского труда и за то, чтобы работницы, занятые в кустарном промысле, были бы защищены от безудержной эксплуатации. Усилия Клары поддерживают товарищи по партии, а также гуманно настроенные женщины и мужчины из буржуазии. Но тем не менее, по словам Клары, плоды ее неутомимой деятельности «вполне уместятся в детском носовом платочке». Идет уже 1903 год, а детский труд все еще разрешен законом. Неудачи в борьбе только заставляют

Клару требовать еще более энергичных реформ в этой области; потому что «из всех зол капитализма зло, причиняемое трудящимся женщинам и детям, является самым гнусным. Совершается преступление по отношению к будущим поколениям…»

Сильный гнев Клары вызывает то, как беззаботно и бессовестно «патриотически настроенные» господа обрекают будущие поколения на болезни или раннюю смерть. Их нисколько не трогает, что кустари — женщины и дети, особенно те из них, кто занимается швейным промыслом, терпят нужду и голод. Многие из этих женщин, оказавшись в крайне бедственном положении, пишут об этом в газету. На редакционный стол «Равенства» летит письмо за письмом — потрясающие жалобы и обвинения. Все женщины работают от 16 до 20 часов в сутки. Только совсем изредка они могут позволить себе отдохнуть в воскресный или праздничный день. Им помогают в работе старухи матери, часто наполовину слепые, и отцы с натруженными, мозолистыми руками. Борьба за существование заставляет их взваливать на детей, даже на самых маленьких, ежедневно определенное количество работы. И даже если они исколют себе в кровь пальцы, их заработок остается до смешного ничтожным: белошвейки получают в год до 487 марок, портнихи зарабатывают около 457, а обметчицы петель не больше 354 марок в год!

Но швейная промышленность развивается в Германии быстро. Она растет, как яркий тепличный цветок. С такой же горечью, как и Клара Цеткин, смотрит какая-нибудь работница-швея в дешевеньком платьишке на помпезные, похожие на дворцы, магазины готового платья на Гаусфогтенплатц в Берлине, на роскошные виллы их владельцев в самых красивых и здоровых районах города, на барские дома с великолепными фасадами. Клара широко вскрывает корни этого быстрого расцвета немецкой швейной промышленности. Она показывает, что в основе его лежат пот и голод бесчисленного множества швей и десятков тысяч детей.

Клара Цеткин посещает работниц-кустарей в маленьких, душных лачугах, разговаривает с бледными женщинами, низко согнувшимися над тончайшим бельем. Обычно они шьют при мерцающем свете стеариновой свечи, потому что она стоит дешевле, чем керосин. Их маленькие дети, почти свернувшись от холода в клубок, коченеющими пальцами удивительно проворно пришивают пуговицы или вытягивают наметку. С серьезностью стариков выполняют они свою работу.

И каждый раз Клару снова потрясает зрелище ужасающей

нищеты, среди которой истощенные швеи своими искусными руками, словно волшебницы, создают из шелка и шифона сказочно прекрасные платья для «барынь» и «барышень». В холодные зимние дни, стуча зубами от холода, они относят эти легкие, как воздух, произведения своих прилежных рук к посреднику, дающему им работу. И многие молоденькие швеи нередко мечтают о том, чтобы в таком платье когда-нибудь, хоть единственный раз в жизни, побывать на балу и покружиться среди тепла и света. Пустые мечты! Жалких грошей заработка не хватает даже на то, чтобы наесться досыта, не говоря уже о покупке новых башмаков и теплой одежды.

Большинство посещаемых Кларой жилищ похожи одно на другое как две капли воды. Почти все без исключения работницы-кустари живут со своими многочисленными семьями в одной-единственной комнате, окна которой обычно выходят на безутешно пустынные задворки, куда никогда не проникает луч солнца, или ютятся в подвалах, где на стенах, отливая зеленью, проступает плесень. Вся жизнь работниц проходит в той же самой комнате. В ней они живут, работают и спят, родятся и умирают. Здесь женщины преждевременно истощают свои силы и вместе со своими детьми чахнут физически и духовно.

Во время своих поездок по Германии Клара Цеткин видит, что занятые в кустарном промысле работницы повсюду влачат жалкое существование. Во многих отраслях кустарной промышленности вместе с женщинами работают и дети, начиная с самого младенческого возраста. Это можно наблюдать и в славящихся филейными вышивками горных деревушках Таунуса, и в производстве игрушек в Тюрингии, и в Рудных горах, где изготовляются искусственные цветы или плетеные изделия. И всегда женщины так худы, что кажется, порыв ветра может их опрокинуть. Бледными, без кровинки, губами жалуются они Кларе Цеткин на свою долю. Все более хилыми и маленькими появляются на свет дети и очень рано умирают. Клара не жалеет ни времени, ни сил. Она внушает этим несчастнейшим женщинам мужество, пытается их ободрить. Она рассказывает им о борьбе рабочих за лучшую жизнь. Клара радуется, когда замечает, как в глазах сокрушенных, обнищавших женщин загорается огонек надежды. Обычно он быстро угасает. Слишком уж долго нужда изнуряла и истощала жизненную энергию бедняков!

Десятилетие за десятилетием нищета, словно хроническая болезнь, гложет кустарный промысел. Это известно не одной Кларе Цеткин, но и министрам, депутатам парламента и редакторам газет. В их канцеляриях громоздятся целые горы материалов о детском труде и кустарном промысле. Однако

никто из них не ударит и пальцем о палец, чтобы оказать кустарям действенную помощь. Зато на страницах буржуазных газет очень много пишется о благосостоянии и высокой культуре гордой и процветающей империи. Подобная болтовня вызывает у Клары горький сарказм. Ну и патриоты! В своей погоне за наживой они подсекают самые корни нации.

Крупные землевладельцы тоже не уступают другим предпринимателям: они заставляют женщин и детей надрываться на полях до полного изнеможения.

Изо дня в день, в любую погоду, под проливным дождем и под палящими лучами солнца работают батрачки на свекловичных полях. Работа оплачивается сдельно; дни наполнены безумной спешкой. Нет времени вымолвить слова. Они едва могут позволить себе секунду передышки, чтобы расправить ноющую спину.

А заработок? За двенадцати-четырнадцатичасовой рабочий день платят, в зависимости от местности, от сорока пфеннигов до одной марки. После каторжного труда на полях для женщин начинается новая мука: надо управиться с домашним хозяйством, позаботиться о муже и детях. А если еще семья владеет клочком земли, то женщины вынуждены ежедневно в три часа утра подниматься со своего жесткого ложа. Двадцать часов продолжается их рабочий день, так же как и у их черных сестер на хлопковых плантациях Америки.

А дети батрачек? О них «отлично» позаботились. «Равенство» сообщает, что каждый год тысячи детей работают на уборке свеклы. Телеги доставляют из городов на полевые работы не только школьников, но и совсем малышей — их тоже голод гонит на свекловичные поля. При любой погоде ползают они по сырой земле и получают за свои муки шестьдесят, а в лучшем случае девяносто пфеннигов в день. И горе малышам, если они недостаточно расторопны в работе! Их награждают не только бранью, но и ударами палки. Ничто не ускользает от глаз надзирателей.

Многие годы Клара Цеткин вместе с социал-демократическими депутатами парламента прилагает усилия, чтобы и на маленьких сельскохозяйственных рабочих были распространены хотя бы те явно недостаточные законы об охране труда, которые существуют для детей, занятых в ремесле и промышленности. Но все тщетно! Бароны, графы и прочие крупные землевладельцы в один голос тянут все ту же старую и лживую песню о том, что работа детей в сельском хозяйстве очень полезна для здоровья и имеет большое воспитательное значение. По этому поводу редактор «Равенства» саркастически замечает;

«Никто не выступает за то, чтобы законом принудить самих господ баронов подвергнуть собственных детей подобному воспитанию».

Господа газетные издатели тоже ни на йоту не лучше земельных магнатов, хотя их редакторы и журналисты в пространнейших статьях и прославляют Германию как страну «мыслителей и поэтов», страну, где «культура и подлинная гуманность переживают величайший расцвет». Клара Цеткин советует этим господам как-нибудь на рассвете посмотреть, что творится около экспедиций их собственных газет. Будут ли они и тогда иметь бесстыдство продолжать сочинять басни о немецкой «культуре» и «гуманности», когда собственными глазами увидят этот волнующий парад нищеты — маленьких разносчиков газет посреди их «вагонного парка»; оборванные фигурки детей с впалыми щеками и серьезными, по-стариковски умными лицами, их тачки, разбитые ручные тележки и старые детские коляски? А те из детей, кому не удалось раздобыть подобной повозки, каждый день тащат на своих плечах по двадцать-тридцать фунтов газет часто в очень отдаленные районы. Газетные пачки всегда слишком тяжелы для детей и волочатся по земле. Обычно малыши уходят из дому без завтрака и часами, с подкашивающимися от слабости ногами, семенят вверх и вниз по лестницам, мокрые от пота спешат по задворкам, где веют сквозняки, и нередко приходят в школу насквозь промокшие от дождя. Все их старания дают им по десять пфеннигов в месяц с доставленного экземпляра, а если они получают газеты из филиала экспедиции, то даже только четыре-пять пфеннигов. Однако детский труд приносит высокие прибыли, поэтому-то и противятся господа издатели вместе с крупными землевладельцами и швейными фабрикантами тому, чтобы детский труд был запрещен законом. Они не гнушаются никакими доходами, даже и в том случае, если деньги добыты за счет здоровья и жизни детей. Бесчисленными детскими жертвами оплачены многие роскошные виллы, цветущее здоровье, розовые щечки, счастливое, безоблачное детство и тщательное воспитание сотен детей капиталистов. Все это куплено ценой здоровья миллионов пролетарских детей.

Клара Цеткин терпеливо продолжает борьбу. Дети — это будущее рабочего класса, поэтому они, как и их матери, нуждаются в особой защите. Только если пролетарские женщины и подрастающее поколение будут здоровы и полны сил, рабочий класс сможет выполнить стоящие перед ним великие задачи. В 1904 году Клара, наконец, может сообщить читательницам «Равенства»: «Новый закон об охране детского труда немного

больше, чем прежде, защищает детей от эксплуатации».

Это только маленький успех, не больше. Клара Цеткин не останавливается на достигнутом. Как некогда Фридрих Энгельс бросил в лицо господам капиталистам по поводу их беззастенчивой эксплуатации детей слова: «Я обвиняю буржуазию в прямом социальном убийстве», так теперь и Клара Цеткин обвиняет их в этом же. Она беспрерывно указывает на этот гнойник капиталистического строя. Никогда не смыть с себя страшной вины тем, кто по всему свету пользуется плодами детского труда!

ПОБОРНИЦА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вся жизнь и деятельность Клары Цеткин пронизана одним, столь же гордым, как и величественным лейтмотивом: борьбой за пролетарскую революцию во всех странах света. Как только в какой-нибудь стране мужчины и женщины пытаются разорвать цепи рабства, она без колебаний становится на их сторону. Но особенное внимание уже с самой ранней юности Клара обращает на расположенную по соседству, в Восточной Европе, гигантскую страну — Россию. Там рабочие и крестьяне в мучительном отчаянии стонут под кнутом варварски жестокого, самодержавного деспота. Однако в сердцах народа уже десятилетия как сверкает искра возмущения. «Царь-батюшка» хочет загасить ее потоками крови рабочих и крестьян. Это ему не удается. Все сильнее и сильнее разгорается революционная искра под прогнившими устоями огромной царской империи.

В конце столетия рабочие России, несущие бремя тяжелейшей эксплуатации, презирая смерть, поднимаются на борьбу за жизнь, достойную человека. Все чаще и чаще по всему свету разносятся известия о бастующих русских рабочих. Они ведут ожесточенную классовую борьбу; с камнями и кусками железа в руках выступают против вооруженных до зубов царских войск и не боятся ни ссылки в Сибирь, ни смерти на виселице. И когда в 1902 году в России повсеместно разгораются еще и студенческие волнения, ликующая Клара Цеткин говорит о «зарницах революции». С гордостью возвещает она немецким работницам о беспримерном героизме их русских сестер. Они знают, что им грозит увольнение с предприятий, знают, что царские войска получили приказ стрелять боевыми патронами, но, несмотря на это, Первого мая, в боевой день международной солидарности рабочего класса, русские работницы устраивают на улицах демонстрации.

Одна из них после демонстрации пишет в социал-демократическую газету «Искра», руководимую Владимиром Ильичем Лениным: «…теперь все мы хотим большего. Мы хотим выйти на улицы. Мой брат жалеет, что не было знамени. В следующий раз будет и знамя, и револьверы. Камни и ножи мало помогают против штыков…» Чтобы показать немецким пролетаркам, как плечом к плечу со своими братьями русские работницы борются против царизма, «Равенство» печатает на своих страницах появившиеся в «Искре» выдержки из обвинительного акта, состряпанного русскими властями:

«Работницы Яковлева и Барчевская вырывали булыжники из мостовой и с возгласами: «Мы за наших братьев!» — носили камни в подоле юбок сражающимся рабочим».

Так в сердцах немецких рабочих Клара Цеткин пробуждает чувство братской солидарности по отношение к мужественному русскому пролетариату. На партийном съезде в Дрездене в 1903 году она безоговорочно объявляет себя сторонницей быстро нарастающего революционного движения в России.

В том же году русская социал-демократическая партия раскалывается на меньшевиков и большевиков. Меньшевики, как и немецкие оппортунисты, извращают учение Маркса и Энгельса. Его революционную сущность берегут и хранят большевики. Ленин руководит ими. По стране прокатывается волна забастовок. В декабре 1904 года нефтяники Баку прекращают работу. Это мощная стачка. Рабочие побеждают.

Эта победа, как маяк, светит на всю Россию.

И уже 9 января 1905 года начинается забастовка на Путиловском заводе, крупнейшем предприятии Петербурга. Но многие, слишком многие рабочие позволяют агентам, которые по поручению царской охранки живут среди них, толкнуть себя на необдуманный шаг: они решаются пойти к царю с мирной демонстрацией, чтобы передать ему петицию со своими требованиями. Большевики предостерегают от этого шага. Но тщетно! В миролюбиво настроенных массах еще не умерли остатки доверия к «царю-батюшке» и его «ниспосланной богом» власти. Тысячи людей, среди них женщины, дети и старики, направляются к Зимнему дворцу. В руках у них не оружие, а портреты царя, хоругви и иконы. А «царь-батюшка», «государь всея Руси», «последний Николай», как уже тогда называет его Клара Цеткин, отдает своим полкам приказ открыть огонь по мирной, ничего не подозревающей толпе. В этот день, вошедший в историю как «Кровавое воскресенье», тысяча рабочих была убита, две тысячи человек были ранены. Кровью рабочих окрасился снег перед Зимним дворцом Николая — убийцы на царском троне. Эта кровь становится красным знаменем восстания. И в первую же ночь петербургские рабочие отвечают на гнусное преступление царя постройкой баррикад. Они говорят: «Царь нам всыпал, ну и мы ему всыплем!»

Как только до Клары Цеткин доходит известие о кровавом преступлении царя и начале революционной бури в Петербурге, она тотчас же становится на сторону борющихся рабочих. Уже в следующем номере «Равенства» она предоставляет слово Розе Люксембург, соратнице и подруге, которая торжествующе объявляет: «9 января на улицах Петербурга дело международной

реакции пережило свою кровавую Иену'». Подобное же чувство воодушевляет и Клару: наконец-то пришло время, когда сильные руки рабочих заставили пошатнуться устои древнего оплота реакции на востоке Европы! Чтобы помочь русскому пролетариату в его мужественной, неустрашимой борьбе, Клара предлагает правлению партии провести массовые демонстрации и заверить русских революционеров в том, что симпатии немецких рабочих на их стороне. Клара Цеткин считает, что необходимо тотчас же разъяснить трудящимся Германии огромное значение борьбы, которую ведут их русские братья, и обратиться с призывом оказать им материальную и моральную поддержку. Но «партийные отцы» боятся обвинения и бесконечных процессов, боятся тюремного наказания и денежных штрафов — они отклоняют предложение.

Клара и не думает отказываться от своего намерения. Русские братья и сестры ставят теперь на карту жизнь! Они нуждаются, как в хлебе насущном, в поддержке, в доказательствах симпатии и солидарности. Клара не колеблется долго. При активной помощи Розы Люксембург и многих смелых социалисток она на свой страх и риск призывает к проведению манифестаций. И немецкие рабочие устремились на собрания. Они очень быстро поняли, что русские металлисты или печатники, сотрясающие царский трон, борются не только за самих себя, но и за мировой пролетариат и что дело пролетарской чести за этот подвиг переслать им с братским приветом последний грош и последнюю марку. Манифестация следует за манифестацией — никто не мешает Кларе выступать. Но в Бреслау на многотысячном собрании разражаются роковые события. Клара приводит стихи из «Вильгельма Телля» Шиллера:

> Нет, есть предел насилию тиранов!
> Когда жестоко попраны права
> И бремя нестерпимо, к небесам
> Бестрепетно взывает угнетенный.
> Там подтвержденье прав находит он,
> Что, неотъемлемы и нерушимы,
> Как звезды, человечеству сияют.
> Вернется вновь та давняя пора,
> Когда повсюду равенство царило[28].

С увлечением внимает толпа бессмертным стихам поэта. С мрачными физиономиями слушают их и палачи, одетые в мундиры полицейских. Слова Шиллера:

Но если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч, —

кажутся им обращенным к массе призывом к вооруженному восстанию. Они поднимаются и мигом нахлобучивают остроконечные каски на свои головы: собрание распущено! Толпа устремляется на улицу и натыкается прямо на конную полицию. Но люди не поддаются панике. Они только что слышали о великих подвигах русских пролетариев — ведь те переносят куда большие опасности, чем опасность угодить под копыта лошадей!

В тот же вечер рабочие обсуждают план новой манифестации, а Клара Цеткин неустрашимо продолжает свою агитационную поездку. Она еще тщательнее выбирает слова, которые предпосылает «крамольной» цитате из Шиллера, — и теперь ни один, даже слишком ретивый, «фараон» не мешает проведению манифестаций.

Все же эти собрания приводят к тому, что против Клары Цеткин начинается судебное дело о «возбуждении классовой ненависти». Ее обвиняют еще и в других проступках, потому что для зависимых от государства судей уголовный кодекс — широкое поле, на котором в подобном случае они могут разгуляться как им только заблагорассудится.

Клара Цеткин с сыновьями Максимом и Костей.

Клара Цеткин Амстердам, 1915

Общественность ожидает от процесса сенсации, а товарищи по партии надеются, что процесс будет иметь огромное агитационное значение. Совершенно неожиданно судебные власти вильгельмовской Германии прекращают дело. Но почему? Даже их способные на все юристы-крючкотворы побоялись позора выступить с обвинениями против поэта, которого вся Германия называет бессмертным.

Тем временем революция в России развивается с

неудержимой силой. Забастовка охватывает все крупные промышленные центры и перерастает в вооруженное восстание. Рабочие и крестьяне борются под руководством Ленина против царских палачей. С огромным волнением и участием следят немецкие рабочие за событиями, развивающимися на востоке континента. Лейпцигские товарищи просят Клару Цеткин выступить с речью, посвященной русской революции. Они обещают за это выступление собрать две тысячи марок в пользу Красного Креста русских революционеров. И хотя Клара по горло завалена работой — на многие недели вперед расписан каждый час, она ни минуты не колеблется дать согласие: две тысячи марок помогут борющимся продержаться еще некоторое время!

В разгар лета, в самую жару Клара едет в переполненном поезде через всю Германию, из Штутгарта в Лейпциг. Она прибыла как раз вовремя, чтобы точно в установленный час начать свое выступление при огромном стечении народа. В ту же самую ночь Клара возвратилась обратно в Штутгарт и прямо с вокзала, так и не отдохнув, направилась в наборный цех, чтобы успеть выправить гранки «Равенства».

«Если бы я могла следовать своим чувствам, — признавалась Клара в те дни Францу Мерингу, — я бы поехала сейчас в Россию». Однако она не поддалась этому чувству: важные обязанности удерживали ее в Германии. Но и оставаясь на своем посту, она неутомимо действует в пользу русской революции: ведет агитацию и воодушевляет немецких рабочих революционными идеями. Она показывает рабочим Германии, что старые плутовские приемы, к которым обычно прибегают правительства, чтобы разжечь среди трудящихся национальные противоречия, оказались теперь в России негодными. Там солдаты присоединяются к революционерам: они не хотят дальше быть пособниками палачей. Бунтуют матросы броненосца «Потемкин». Волны революции неудержимо прокатываются по всей стране. «Молодой пролетариат России, — пишет редактор «Равенства», — является в самом широком смысле слова поборником интересов рабочего класса всех стран…» И продолжает: «Сотни тысяч русских рабочих голодают, голодают неделями и месяцами. Десятки тысяч заполняют тюрьмы, умирают в уличных боях или на виселицах по приговору военно-полевого суда. Но русские рабочие продолжают бороться, без жалоб и без хвастовства, скромно, естественно, благородно…»

В каждой статье и на каждом собрании Клара особенно подчеркивает героическую борьбу русских революционерок. Она прославляет их, говоря, что смелостью духа, силой воли, безупречностью убеждений и величием самопожертвования они

равны античным героям. Женщины не только носят булыжники в подолах своих юбок борющимся братьям, но и сами сражаются на баррикадах.

Клара Цеткин вспоминает одну из жертв 9 января — Марию Львовну Бердичевскую, молодую двадцатишестилетнюю революционерку, всеми уважаемую и неутомимо деятельную. Она по собственному побуждению пошла на баррикады, чтобы сражаться на стороне петербургских рабочих. Там же она и скончалась, истекая кровью от четырех ран. Умирая, она повторяла: «Я ни минуты не раскаиваюсь, что пошла на баррикады».

Так Клара Цеткин рассказывает немецкому рабочему классу о славных подвигах революционеров в России.

Вожди большевиков не тратят, как большинство западных «партийных отцов», попусту времени на бесконечные разглагольствования о том, смогут ли рабочие управлять государством. В России рабочие смело принимаются за дело. Хотя им на этот раз еще и не суждено добиться победы, все-таки их борьба остается примером.

«Поборником мировой революции» называет Клара Цеткин самый молодой и наиболее тяжело эксплуатируемый русский пролетариат. Это слово подходит и для нее: как никто из немецких социалистов, Клара Цеткин была поборницей русской революции, прокладывающей новый путь всему человечеству.

ОБРАЗОВАНИЕ ДОЛЖНО ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ!

Ведущие члены социал-демократических партий Западной и Центральной Европы на протяжении многих лет ломают себе голову над вопросом: достаточно ли зрел рабочий класс, чтобы после социалистической революции построить свое государство и руководить им? Клара борется с этими праздными и отвлеченными мудрствованиями, потому что в них выражается неверие мелкобуржуазных элементов в великие силы и разносторонние способности рабочего класса. С чувством торжества указывает она сомневающимся на опыт России. Там пролетариат смело взялся за дело по принципу «не раздумывать, а дерзать!». Народ был подготовлен к этому героическому восстанию годами упорной, самоотверженной разъяснительной работы русских социал-демократов, и прежде всего работой большевиков, возглавляемых Лениным.

Клара Цеткин платит русским товарищам безграничной признательностью.

Всю свою жизнь она придает огромное значение политическому просвещению и образованию рабочих масс. Политические знания помогают мужчинам и женщинам у станков и на полях стать более уверенными в своих силах, более прозорливыми. Они оказываются в состоянии распознать льстивые, сбивающие их с толку речи. Наиболее образованные в политическом отношении рабочие всегда самые бдительные и самые неподкупные.

К глубокому сожалению Клары, политически развитых мужчин и женщин из пролетариата еще слишком мало. Чтобы увеличить их число, она как член партийной комиссии, ведающей вопросами образования, настойчиво требует организации курсов и кружков. Клара вместе с другим товарищем получает задание составить проект учебной программы. Но учебная программа, в составлении которой со всей ответственностью принимает участие такой человек, как Клара Цеткин, разумеется, во всех своих частях основывается на учении Маркса и Энгельса и превращается в революционную боевую программу. Однако закоренелые реформисты, заседающие в комиссии по вопросам образования, не могут примириться с мыслью, что из слушателей курсов должны воспитываться такие же мужественные революционеры, как и русские рабочие. Они хотят держать

слушателей курсов на реформистской диете. Кларе не привыкать к борьбе с подобными идейками. Она ни на пядь не отступает от составленной ею учебной программы. Бебель ее поддерживает, — и, наконец, после долгих переговоров и обсуждений мнение Клары побеждает.

Клара Цеткин не ограничивается требованием обогатить рабочих только политическими знаниями. Для нее, бывшего педагога, всестороннее образование трудящихся — настоятельная необходимость. Она часто повторяет своим друзьям: «Пролетарии изголодались не только по хлебу; я убеждалась в этом неоднократно».

Самые передовые и способные пролетарии стремятся к знанию и образованию. Зачаток этого стремления, несомненно, есть даже у самых простых, не отличающихся никакими талантами людей. Кларе особенно больно видеть, что для пролетарских женщин осуществление этих стремлений к знанию чаще всего остается только мечтой. Когда вечером смертельно усталая работница возвращается с фабрики или когда швея на несколько минут отрывается от машины, ее ждет масса обязанностей по дому. Многие женщины талантливы и жаждут знаний. С какой охотой посещали бы они курсы и кружки, чтобы получить образование! Неумолимая каторжная работа препятствует им в этом.

Именно для таких работниц Клара Цеткин с заботливостью и любовью подбирает материалы «Равенства». Еще будучи молоденькой учительницей, она умела преподавать своим воспитанникам живо и наглядно; и теперь, работая в газете, она умеет занимательными и популярно написанными статьями знакомить своих читательниц с идеями научного социализма. Кроме того, она не пропускает ни одного номера газеты, чтобы не напечатать тщательно подобранные отрывки из произведений мировой литературы и не познакомить работниц с жизнью великих писателей и художников.

В душных комнатах при тусклом красноватом свете керосиновой лампы или при мерцающем свете стеариновой свечи изучают пролетарки «Равенство». Их глаза воспалены от усталости, а голова такая тяжелая, словно она налита свинцом. Но что из этого? С железным упорством стараются они получить хотя бы крупицы знаний, в которых им отказало классовое государство. «Дети получают образование, — говорит Клара Цеткин, — не в соответствии с их талантами и стремлениями, а по воле родителей, которые заранее выбирают им профессию». Работницу, так старательно занимающуюся образованием, воодушевляет надежда, что в социалистическом государстве ее

дети будут воспитываться согласно с их «талантами и стремлениями».

Клара Цеткин исполняет давнее желание работниц, когда на конференциях женщин-социалисток в 1904 и 1906 годах говорит о народном образовании. Ее слова выражают самые сокровенные мысли работниц. Разве неправда, что капиталистическое государство делает из образования разновидность товара и продает его, как одежду или продукты питания? Но ничтожного заработка пролетарок едва хватает, чтобы утолить физический голод, не говоря уже о духовном. Образование, как и предметы роскоши, доступно только богачам.

Всегда каждое «общество покоилось на крепком фундаменте трудовой деятельности народа». Поэтому Клара Цеткин считает «первейшей обязанностью государства оплатить давний долг народу и ввести бесплатное обучение во всех учебных заведениях». Но она предупреждает, что не следует обманывать себя иллюзиями и переоценивать значение бесплатного образования: «Пролетариат в своей освободительной борьбе нуждается в знаниях, но только полная победа над классом эксплуататоров, только социалистический строй свободных, равноправных рабочих обеспечит пролетариату, всем членам общества, свободу образования и деятельности…»

Слушательницы Клары вспоминают о своих школьных годах чаще всего с отвращением. И снова Клара находит верные слова, чтобы выразить мысли женщин. «Народная школа, — говорит она, — инструмент классового господства эксплуататоров, она служит их политическим интересам. Юные пролетарии получают превратное представление о природе, об обществе, об историческом развитии, их сознание намеренно отравляют и отупляют».

Но чиновные буржуа в министерствах, в парламентах гордятся «солидными» знаниями и культурой немцев. Клара Цеткин помогает работницам понять, что эти высокомерные господа в действительности принадлежат к самым злейшим врагам подлинного образования. После долгой торговли и счетов они соблаговолили дать согласие на триста сорок миллионов марок для нужд просвещения в Германии, а для пушек и флотилий им и миллиарда оказалось недостаточно!

«Да, мы очень бедны, — с горечью констатирует Клара Цеткин, — когда дело касается расходов на образование. Но мы очень богаты и можем каждый год более миллиарда марок обращать в пороховой дым и швырять в воду, когда дело идет о том, чтобы в совершенстве овладеть искусством массового уничтожения людей…»

В государствах, правящая клика которых заинтересована в «уничтожении людей оптом», очень рано, уже в школах, начинается вреднейшее «воспитание». Клара гневно бичует отвратительные методы, при помощи которых детям прививают ненависть к чужим народам и делают из них слепо повинующихся рабов, постоянно держа под страхом телесных наказаний. Учитель восхваляет как высшую добродетель храбрость немецкого солдата в борьбе с «врагом», который в действительности такой же, как и он, рабочий из Франции или России.

Клара Цеткин обращается к социал-демократам прежде всего с требованием, чтобы они противодействовали разлагающему влиянию школы на их собственных детей. Во имя нормального развития своих сыновей и дочерей ни один отец и ни одна мать не должны останавливаться даже перед серьезными конфликтами с учителем. Они, кроме того, обязаны восполнять недостатки школьного образования, помогая ребенку увидеть в себе «одно из звеньев длинной цепи бытия». И еще очень серьезное и настойчивое предупреждение делает Клара Цеткин родителям. Она говорит, что «обязанности борцов за социализм начинаются с самообразования и с воспитания собственных детей в социалистическом духе».

Клара Цеткин призывает родителей растить молодежь, которая с энтузиазмом возьмет из рук старшего поколения знамя борьбы за освобождение рабочего класса, знамя мира и дружбы с пролетариями всех стран. Они должны воспитать молодых социалистов, которые будут призваны освободить родину от эксплуатации человека человеком и осуществить давнюю мечту о всеобщем и всестороннем образовании людей.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

День рождения издавна был для Клары Цеткин днем суда над самой собой. В этот день она всегда строго спрашивала себя: «Сделала ли я за минувший год все, именно все, чтобы приблизить наступление новой эры?» И всегда приходила к одному и тому же выводу: «Больше, намного больше должна была я сделать, но силы мои были ограничены».

Летом 1907 года Кларе исполнилось пятьдесят лет. Она достигла, если уже не перешагнула, зенита своей жизни. Почти тридцать лет беспрерывной деятельности на благо трудящегося человечества и особенно на благо вдвойне порабощенных женщин остались за ее плечами. Тридцать лет побед и поражений, радостей и печали! Она любит особенно сильно свое самое дорогое детище — газету «Равенство». Газета не выходит больше «потихоньку от общественности», как шутливо говорили друзья Клары в первые годы издания «Равенства». Теперь у газеты десятки тысяч подписчиков.

Мировой пролетариат любит и уважает Клару Цеткин, мужественную и воинственную защитницу его интересов, а немецкие рабочие уже давно зовут ее почтительно и нежно «наша Клара». На ее второй родине, в Вюртемберге, она даже заслужила почетный титул «славная матушка швабов».

Все помнят о дне ее рождения. Маленький домик Клары в Вильгельмсхёэ под Штутгартом едва вмещает всех пришедших. Комнаты завалены цветами и подарками. Во время чествования Клара с трудом подавляет чувство смущения. Она скромно отклоняет щедрые похвалы; она ведь только выполнила свой долг и вдобавок такой, который полностью отвечает ее натуре.

Поздравители не считаются со скромностью Клары. Они знают, как велики ее заслуги. Кто назовет, начиная со дня основания II Итернационала, хотя бы одно важное мероприятие, в котором товарищ Цеткин не принимала бы деятельного участия? Все богаче становится сокровищница ее опыта. Она интернационалистка не только умом, но и сердцем. Переписка с женщинами и мужчинами всех стран света никогда не является для нее обременительной обязанностью, а доставляет подлинную радость. Ее хвалят за то, что она немедленно отвечает на каждое, даже самое незначительное, письмо. «Честь и слава нашей Кларе, — говорят многие поздравители, — за то, что она никогда не замыкается в узком кругу своих обязанностей». Для нее каждая работа означает служение делу. На конференциях она часто с

удовольствием и воодушевлением выполняла обязанности переводчицы. Французский делегат де Леон говорит, что ее переводы оказывали на слушателей куда более сильное действие, чем сами доклады в оригинале, даже такие, как доклады Августа Бебеля, — столько революционного порыва она им придавала!

Пылкое и захватывающее воодушевление, с которым Клара отдается каждой работе, всегда сочетается с высочайшей деловитостью и дисциплиной. И теперь, редактируя газету, выступая с речами и ведя организационную работу, она исполняет свои возросшие обязанности так же самоотверженно и надежно, как и в прошлом, когда, будучи помощницей «Красного почтмейстера», занималась самой простой работой. Но все эти годы она больше всего уделяла внимания двум задачам: воспитанию из женщин «солдат революции» и борьбе против милитаризма и войны. Это долгая, трудная борьба. Даже в рядах собственной партии некоторые «социалисты» пользуются лозунгом «Пушки за предоставление прав народу!». Клара всегда враждует с этими низкими душонками торгашей.

Да, поздравители знают о разнообразных заслугах юбиляра. Еще и сегодня французские женщины вспоминают ее напряженную работу переводчицы на Парижском конгрессе в 1900 году. В конце заседаний они под аплодисменты товарищей преподнесли ей роскошную корзину цветов. На большом красном банте красовалось посвящение: «Кларе Цеткин от социалисток Франции». Ответ Клары тоже сохранился в их памяти. Она скромно отклонила все похвалы, сказанные по ее адресу, и приняла цветы для делегации немецких женщин, «которые испытывают чувство неразрывной солидарности с социалистами всех стран».

Не меньше, чем поздравления из-за границы, Клару волнуют многочисленные знаки уважения и любви со стороны немецкого рабочего класса, потому что она одновременно и интернационалистка и патриотку. Когда она получает маленькие подарки и письма от простых пролетарок не только из промышленных центров Германии, но и из отдаленных деревень, Клара радуется и волнуется. Она знает, с каким страстным нетерпением мечтают эти женщины о жизни, достойной человека. Социализм — единственная надежда в их безрадостных и тяжелых буднях. От «своей Клары» они ожидают осуществления хотя бы частички своих стремлений и желаний. О, если бы она могла больше делать, чтобы скорее достичь цели! Однако Клара с озабоченностью замечает, как ухудшается ее здоровье.

В последнее время все чаще и чаще дает о себе знать болезнь сердца. Да и зрение слабеет — работать становится совсем

трудно. Врачи предписали Кларе покой, длительный покой. Что за нелепый рецепт! Может ли сердце революционерки обрести покой до тех пор, пока на земле есть угнетенные и эксплуатируемые? Беречь себя? Нет! До тех пор, пока она может дышать и двигаться, она останется в строю.

ВЕЛИКИЕ СОБЫТИЯ

Едва только улеглась суматоха праздника, как Клара Цеткин снова погрузилась в широкий круг своих повседневных обязанностей. Напряженная работа с давних пор помогает ей куда лучше, чем любые микстуры и' пилюли.

У Клары так много дел, что она хотела бы иметь вдвойне больше сил. Уже в ближайшие недели Штутгарт ожидает гостей на два важных съезда: делегатов II Интернационала и делегаток первой Международной конференции женщин-социалисток. Тот факт, что Германия впервые становится местом Международного социалистического конгресса, Клара с гордостью называет «лестным свидетельством» богатырской борьбы немецких рабочих против господствующего класса.

В эти июньские дни Клару можно найти везде и повсюду. Она активно участвует в подготовке обоих съездов, но, конечно, особенно в подготовке конференции женщин. Для того чтобы теперь, в августе 1907 года, женщины могли собраться, наконец, на собственную международную конференцию, пришлось потратить много усилий, провести немало горячих дискуссий и серьезных обсуждений и больше десяти лет вести переписку с самыми деятельными социалистками различных стран. В созыве конференции прежде всего заслуга Клары. Это очень важное дело, хотя она и скромно говорит только о «первой робкой попытке» наладить регулярный контакт между социалистками различных стран. Наступил великий, решающий, даже исторический час! Здесь, в Штутгарте, пролетарские женщины закладывают фундамент внушительного здания международной женской организации, которая в наши дни как Международная демократическая федерация женщин охватывает весь земной шар и насчитывает в своих рядах миллионы членов.

Когда возникает вопрос, кто должен возглавить и руководить Международным социалистическим женским секретариатом, среди делегаток нет разногласий: они единодушно избирают Клару Цеткин секретарем Международного секретариата. Но она в эти бурные дни едва в состоянии справиться со свалившейся на нее работой. Хотя ей и помогают такие надежные и способные помощницы, как Кете Дюнкер и многие другие активные социалистки, однако на все не хватает рук. Клара всегда готова везде, где нужно, оказать деятельную помощь. Она считает делом пролетарской чести устроить гостям достойный, торжественный и сердечный прием. Она дает советы организационного порядка и,

когда нужно, даже помогает разместить делегатов по квартирам. В то же время Клара заканчивает свою брошюру об избирательном праве женщин, которую хочет представить конгрессу.

В день открытия конгресса в стенах древнего швабского города собрались девятьсот делегатов различных наций. Клара Цеткин на ногах уже с самого раннего утра. В последнее время она очень мало спала: слишком много было работы. Но она не испытывает никакой усталости.

Когда Клара, старая интернационалистка, находится в окружении делегатов, прибывших почти со всего-света, в окружении этого гордого и сильного авангарда пролетарской революции, она чувствует себя счастливой.

На огромной Казарменной площади легкий летний ветерок колышет ярко-красные знамена мирового пролетариата. Здесь торжественным митингом должен открыться конгресс. Клара Цеткин стоит на второй трибуне. Она занимает председательское место. Радостно и возбужденно, словно самая молодая из социалисток, смотрит она на делегатов, в приподнятом настроении ожидающих начала торжества.

Гул голосов постепенно затихает. Начинается митинг. Клара Цеткин говорит собравшимся:

— На этой площади, где обыкновенно капиталистический класс проводит строевые учения своих полчищ, сегодня марширует красный Интернационал. Настанет время, когда он не только будет маршировать, но пойдет в наступление и нанесет удар!

Сияющие лица и гром аплодисментов награждают смелого оратора. Клара всем своим существом принадлежит пролетарской революции, она очень хорошо умеет различать ее штормовые сигналы, в какой бы стране они ни раздавались. Об этом говорят и слова, которыми она завершает свое выступление:

— Мы не можем более достойно закончить этот митинг, чем упоминанием о величайшем событии нашего времени — о русской революции, являющейся прологом целого ряда революций, в которых пролетариат всех стран порвет свои цепи и завоюет весь мир. Да здравствует русская революция! Да здравствует сражающийся Интернационал!

На митинге Клара Цеткин напоминает о революционных подвигах русского пролетариата. Ив тот же самый день на конгрессе Роза Люксембург обращает внимание подруги на скромного, сдержанного делегата:

— Взгляни хорошенько на этого человека. Это Ленин. Обрати внимание на его упрямый своевольный череп.

Так это Ленин! Клара особенно внимательно разглядывает его, этого делегата, в скромном, тщательно вычищенном пиджаке. Это Ленин, вождь русской революции, пошатнувшей царский трон! Клара снова обращает на Ленина свои испытующие, полные восхищения взоры: этого лица она никогда не забудет… Вскоре Клара, к своему глубокому стыду, узнает, что большинство вождей II Интернационала — люди совершенно иного склада, чем Ленин. Они уже так завязли в болоте реформизма и оппортунизма, что ничего не имеют против умеренного приобретения колоний и против угнетения колониальных народов. Внесенную Бебелем резолюцию о борьбе против милитаризма и позиции II Интернационала в случае возникновения войны Ленин называет «догматически-односторонней, мертвой». Ленин и Роза Люксембург требуют внесения поправок в проект Бебеля. В результате этих изменений, как об этом позже писал Ленин, «получилась таким образом в конце концов совсем иная резолюция». Новая резолюция совершенно точно и ясно определяет задачи II Интернационала в этой области: всегда решительно выступать против милитаризма, войны и колониального угнетения.

Так еще в 1907 году Владимир Ильич Ленин, а вместе с ним и Роза Люксембург энергично борются с ядом реформизма и оппортунизма, изнутри разлагающего II Интернационал. Однако этот яд уже поразил все части партийного организма. На своем посту, в женском движении, особенно в спорах об избирательном праве женщин Клара Цеткин тоже энергично борется с реформизмом, этим хроническим недугом II Интернационала.

В первые годы деятельности II Интернационала борьба за избирательное право помогала социал-демократии революционизировать мышление широких масс и воспитывать мужественных борцов за социализм. Но положение изменилось, когда эта борьба выродилась в охоту за парламентскими местами. Из панической боязни потерять голоса реформистские элементы не осмеливаются перед выборами даже говорить о вызывающем столько споров избирательном праве женщин. Руководители австрийской социал-демократии прибегли к этому недостойному методу во время последней предвыборной кампании. В прошлом Клара часто подвергала суровой критике подобного рода охотников за мандатами. Она считает, что теперь пришло время и на международной арене притянуть виновных к ответу. На заседании комиссии по избирательному праву она клеймит позором оппортунистическое поведение Виктора Адлера, вождя австрийской социал-демократии. Ее слова вызывают удивление и даже порицание. Как может Клара Цеткин, руководительница

международного пролетарского женского движения и ответственный редактор «Равенства», позволить себе обвинить в оппортунизме такого человека, как Виктор Адлер, который только что вместе с восемьюдесятью четырьмя социалистами занял места в австрийском парламенте, его, являющегося гордостью конгресса!

Виктор Адлер должен тотчас же ответить. Когда он появляется, Клара Цеткин повторяет в его присутствии все свои обвинения. При этом она ссылается на письмо одной австрийской социалистки и заявляет, что готова в случае необходимости прочесть его. У австрийских делегаток смущенные лица; а одна немецкая делегатка, все еще находящаяся в плену буржуазных предрассудков, не может даже удержаться от возгласа возмущения: «Неслыханный скандал — зачитывать частные письма!» Клара Цеткин хладнокровно ждет, пока улягутся волны этой небольшой сумятицы. Потом она спокойным голосом читает отрывки из письма, которые совершенно ясно доказывают оппортунистическое поведение Адлера.

Тот утверждает, что он проводил предвыборную кампанию в подлинно революционном духе. Адлер извергает целые потоки слов, но ничего не говорит по существу обвинений.

Клара отвечает ему гневной речью:

— Интернациональные конгрессы — это не международные сборища кумушек, куда отправляются, чтобы за чашкой кофе рассыпаться во взаимных похвалах. Если вы хотели только этого, тогда вы могли бы вообще не издерживаться на путевые расходы… Мы же, напротив, собрались для того, чтобы обменяться нашим боевым опытом, заострить оружие и еще лучше вести классовую борьбу. Ради этой цели, если нужно, можно отодвинуть на задний план и такие частные соображения, как соблюдение тайны переписки. Борьба, ведущаяся с правильных принципиальных позиций, намного увеличит боевую мощь пролетариата и приведет к большим практическим результатам, чем борьба, которая, подчиняясь соображениям дипломатии, тем самым в силу необходимости ослабляет боевую мощь пролетариата…

Виктор Адлер избегает дальнейших дебатов. Ему слишком хорошо известно, что Клара Цеткин никакими красивыми речами не даст себе помешать довести до конца начатое дело. Так же и в Штутгарте. Надо показать оппортунистам, что они не имеют права никогда, даже в частных вопросах, упускать из виду конечную цель, которую они вообще смогут достичь только в том случае, если женщины будут бороться вместе с ними! Клара упорно добивается права выступить на пленуме с речью на эту

тему. Многие товарищи, среди них Бебель и Роза Люксембург, поддерживают ее требование, но больше всех тот русский делегат в скромном пиджаке: Владимир Ильич Ленин.

Клара Цеткин, убежденная в правоте своей точки зрения, предлагает пленуму, чтобы II Интернационал обязал все социалистические партии проводить предвыборную кампанию как мобилизацию масс, как часть революционной классовой борьбы, как борьбу принципиальную.

Упорство, с которым Клара защищает свою точку зрения, вызывает у самых принципиальных революционно настроенных делегатов восхищение. Ленин в статьях о штутгартском конгрессе отмечает меткость суждений Клары, которые отнюдь не ограничиваются ее «узкой специальностью» — женским вопросом. Ленин цитирует также статью Клары Цеткин, посвященную резолюции по вопросу об антимилитаризме, и подчеркивает мысль, что здесь «замечательно верно схвачена… самая выдающаяся и самая важная черта резолюции…»

И все же штутгартский конгресс оставляет у Клары Цеткин чувство мучительного разочарования. Хотя она и является подлинной интернационалисткой, она гордится немецким рабочим классом и его партией — и хотела бы гордиться ею и впредь. Поэтому те строки, которые вскоре после конгресса появляются на страницах «Равенства», даются ей совсем не легко; «Штутгартский конгресс принес нам, немцам, горький, но важный и поучительный урок: представители пролетариата всех стран прибыли, чтобы сказать нам, что партия может до тех пор претендовать на руководство, на роль авангарда мирового пролетариата, пока она и в теории отстаивает самые решительные, самые принципиальные методы борьбы. Одними только полными партийными кассами, огромным количеством голосов, полученных на выборах, и крепостью организаций, как бы все это важно ни было, нельзя удержать за собой положение передового отряда в международном социалистическом движении: для этого нужна еще самая четкая, самая революционная позиция в великой идейной борьбе современности».

Клара Цеткин, воплощение честности и правдивости, в 1907 году прямо говорит, что немецкая социал-демократия не имеет больше права претендовать на ведущую роль в международном рабочем движении. Это сознание причиняет ей боль и доставляет много горьких часов. Что делать? Клара Цеткин решает приложить все свои силы, чтобы вернуть немецкой рабочей партии потерянное почетное место.

«ОГНЕННЫЕ ЗНАМЕНИЯ»

Речи и статьи Клары Цеткин — это барометр эпохи, указывающий на признаки приближающихся бурь. Чем больше становится опасность войны, тем решительней призывает Клара к борьбе с ней. Однако правление партии проявляет в этой борьбе странную, пугающую слабость, и Клара оказывается зажатой между двумя фронтами: с одной стороны, власть имущие, хозяева военной промышленности и Связанные с ними помещики, а с другой стороны, товарищи в рядах собственной партии, которые собираются выбросить за борт важнейшие принципы II Интернационала.

В статьях и речах Клары того времени чаще всего повторяются слова об «огненных знамениях», сверкающих, словно зарницы. Таким «огненным знамением» считает она и процесс по обвинению Карла Либкнехта в государственной измене. К. Либкнехта потащили в суд за то, что в брошюре, написанной для молодежи, он показал всю кровожадность, смертоносность и беззастенчивость милитаризма. Он угодил господам в самое больное место. Одного кивка «королей брони и властителей верфей» было достаточно, чтобы лакеи, одетые в тоги юристов, тотчас же принялись «защищать милитаризм, как святая святых, от любого критического освещения». Они должны были восстановить сильно поколебленное уважение к вильгельмовской системе. Приговорив Карла Либкнехта к полутора годам заключения в крепости, они думали этим достичь своей цели и даже больше того. Этот приговор таил в себе и угрозу: подобная участь постигнет каждого, кто отказывается рисковать ради господ своей собственной жизнью, а вместо этого выступает за мир! Прежде чем начать борьбу с «внешним врагом» — с другими народами, милитаристы старались покончить с «внутренним». Для смутьянов были уготованы крепости, темницы и каторжные тюрьмы. Кайзер — «владыка войны и мира» — желал, чтобы одетые в солдатскую форму пролетарии слепо повиновались и были бы готовы по его приказу стрелять даже в отцов, матерей, братьев и сестер.

В слишком многих умах все еще господствует неправильное представление о родине, ложный патриотизм, который Клара старается превратить в настоящий. «Поджигатели войны, — пишет «Равенство», — отождествляют родину с собою и со своими интересами. Говорят они от имени отчизны, а действуют к выгоде и на пользу своим собственным интересам, не заботясь о радостях

и горестях миллионов людей, которые еще находятся у них в подчинении. Они низводят родину до положения дойной коровы, обеспечивающей их маслом, и до дракона, стерегущего награбленные ими сокровища. Такая родина не может быть отчизной для эксплуатируемых».

«В чем, — спрашивает Клара Цеткин, — право эксплуатируемых на родную землю? Многие из них только и имеют, что право нанимать на пустырях жалкие лачуги, а еще большему числу эксплуатируемых не остается вообще ничего, кроме ожидания могилы на кладбище для бедняков». Поэтому «одна из задач классовой борьбы пролетариата заключается в том, чтобы родину, которая сейчас является монополией незначительного меньшинства, превратить в подлинную отчизну всех трудящихся и сделать ее культуру общим достоянием. «Не имеющие родины пролетарии» тоже любят свой народ и свою отчизну… Реакционен только патриотизм буржуазии и аристократии, так как они хотят, чтобы родина по-прежнему оставалась их вотчиной эксплуатации и господства».

Клара Цеткин видит задачу пролетариата в том, чтобы «разрушить стены темницы, в которую, как узника, господствующий класс заточил отечество».

Редактор «Равенства» постоянно находит новые слова, чтобы воспитывать у своих читательниц настоящий патриотизм. На конференции женщин-социалисток в 1908 году в Нюрнберге Клара Цеткин, как она это уже неоднократно делала, обращается с призывом к матерям всеми силами пробуждать в своих детях дух солидарности с трудящимися всего мира. Долг матерей — заботиться о том, чтобы «пролетарские юноши приходили в казармы пропитанными социалистическим духом и твердо бы знали, против кого обращать оружие, чтобы капиталисты никогда не могли бы их использовать в борьбе против «внутреннего врага».

«Огненных знамений» становится все больше; тяжелые экономические кризисы сотрясают мир. На гигантских складах накапливаются горы товаров. Падает сбыт, растет безработица. Повсюду чувствуется приближающаяся катастрофа. Очаг международной напряженности находится на Балканах, которые Клара Цеткин называет «пороховой бочкой Европы». Беззастенчивые авантюристы ведут преступную игру с войной и миром, с жизнями сотен тысяч людей. Все с большей озабоченностью смотрят матери на своих сыновей. Клара тоже мать, оба ее сына выросли и изучают медицину. Как и каждая пролетарская женщина, Клара не хотела, чтобы ее сыновья были принесены в жертву безумию империалистической войны. Ее

часто мучали мысли о будущих полях сражений в широких степях России, в пустынях Марокко и на илистых землях Шампани.

Тем временем опасность возникновения войны растет. Она становится настолько угрожающей, что происходящие в Копенгагене в 1910 году Международный социалистический конгресс и 2-я Международная конференция женщин-социалисток уделяют основное внимание борьбе за мир.

На конференции женщин собрались делегатки семнадцати различных стран. Повестка дня предусматривает обсуждение ряда вопросов, в том числе и вопросы охраны материнства и младенчества, борьбы за восьмичасовой рабочий день, избирательного права женщин. По каждому пункту повестки дня возникают разногласия, только в одном царит полное единодушие; все признают, что важнейшая задача женщин — борьба с угрозой войны. Делегатки единогласно решают не жалеть ни усилий, ни жертв, чтобы сохранить в мире мир. Они все без исключения присоединяются к требованию немецких и австрийских делегаток воспитывать из молодежи настоящих социалистов, которые видят врагов только в своих эксплуататорах. На этой конференции Клара Цеткин, секретарь Международного женского секретариата, вносит предложение объявить 8 марта во всех странах Международным женским днем. Это историческое событие смогло произойти в результате долгой и самоотверженной работы «нашей Клары», которая на протяжении многих лет возглавляет женское движение. В то время когда «огненные знамения» все настойчивей и чаще возвещают о приближающейся мировой катастрофе, женщины сплачивают свои ряды, чтобы лицом к лицу встретить опасность. Они единодушно устанавливают Международный женский день, который отныне будут проводить под лозунгом борьбы за права женщины. Этот день будет для них одновременно и маяком в борьбе за мир. «Огненным знамениям» приближающегося разрушения женщины противопоставляют надежду и уверенность, что дружба и мир между народами окажутся сильнее войны.

С тех пор во всех уголках земного шара мысль о международной солидарности помогает женщинам переносить все тяготы и внушает им бодрость и надежду: «Ты не одинока! Мы, матери и женщины всего мира, боремся за одну и ту же цель! Вместе мы победим!»

«ПРЫЖОК «ПАНТЕРЫ»

Клара Цеткин с тревогой следила за тем, как конфликт в Марокко с каждым днем все больше выдвигался на передний план политических событий и сгущался до непосредственной военной угрозы. Финансовые воротилы и крупные промышленники казались ей жадными хищниками, готовыми к прыжку на добычу. Добыча, правда, была завидная — она не давала покоя правителям Франции, Испании, Англии и Германии. Марокко, страна, лежащая в северо-западной Африке, была очень богата полезными ископаемыми, а повелевал ею слабый султан во главе горсточки плохо обученных солдат. Захватить такую страну было ни с чем несравнимым искушением. И в мае 1911 года Франция больше не смогла бороться с таким соблазном: пятнадцать тысяч французских солдат вступили в столицу Марокко — город Фец. Испания, ссылаясь на более древние права, тоже немедленно направила в Марокко свои войска.

А Германия? Вильгельм II совершенно неожиданно понял, что в этой столь страстно желанной стране жизнь и экономические интересы немецких граждан находятся в опасности. Он тотчас же послал канонерскую лодку «Пантера» в порт Агадир. Вильгельм обещал, что без обсуждения с германским рейхстагом он не предпримет шага, который может повести к ужасным последствиям. А теперь этот властолюбивый и тупой отпрыск Гогенцоллернов самовластно нарушил обещание.

Клара Цеткин охарактеризовала поведение кайзера как «великодержавную политику, помешанную на завоеваниях», как «преступную авантюру», которая внезапно может окончиться войной. Вскоре и Англия нашла, что ее морской путь в Индию оказался под угрозой. Английский премьер-министр сразу же после «прыжка «Пантеры» — как народ назвал посылку канонерской лодки — выступил в палате общин с заявлением, полным угроз по адресу Германии.

А что делали в эти грозные часы немецкие социал-демократы, заседавшие в парламенте и в правлении партии? Они, словно страусы, спрятали голову в песок. Клару Цеткин, Розу Люксембург, как и вообще всех прямых и честных членов партии, эта безответственная «тактика» довела до белого каления. Они напоминали правлению партии решения штутгартского и копенгагенского конгрессов: «В случае угрозы возникновения войны рабочий класс и его представители в парламенте должны предпринять в странах, над которыми нависла эта угроза, все,

чтобы воспрепятствовать возникновению войны…» Редактор «Равенства» говорила своим читателям совершенно откровенно, что военная опасность растет с каждым часом. Хотя тысячи берлинских рабочих на своих предвыборных собраниях и протестовали против затеянной императором преступной экспедиции в Агадир, правление партии без толку упускало драгоценное время.

Наконец много недель спустя, когда опасность войны и без того казалась преодоленной, правление партии призвало провести собрание протеста. Клара Цеткин была глубоко возмущена позицией, занятой партийным руководством. На протяжении двух десятилетий она, как только могла, разъясняла рабочим сущность империалистических войн. Теперь, когда дело шло о том, чтобы осуществить на практике торжественные решения II Интернационала, правление партии и социал-демократы — депутаты парламента спрятались в кусты. Означало ли это, что руководители социал-демократии обессилели от усталости или совершенно одряхлели? Почему они не придерживались принципов международного социализма? В те страшные дни и недели Бебель не предпринял никаких решительных действий, а колебался из стороны в сторону, как камыш на ветру.

Подобные случаи не должны больше никогда и нигде повториться! На следующем партийном съезде Клара Цеткин, которую уже давно называли «совестью партии», самым настоятельным образом потребовала:

— Руководящий орган должен быть так организован, чтобы правление партии во всякую минуту стояло во главе открытых выступлений.

Нерешительное поведение руководителей Клара Цеткин и Роза Люксембург подвергли исключительно резкой критике. Бебель отвечал уклончиво:

— Прежде чем предпринимать необходимые шаги, следовало выждать…

— Никакие увертки и превратные толкования, — пылко возражала Клара, — не в состоянии изменить того факта, что правление партии не проявило в данном случае нужной решительности.

Такая откровенная критика пришлась не по вкусу некоторым членам партии. Они порицали Клару в весьма оскорбительной форме. Но она упорно отстаивала не только свою точку зрения, но и свободу критики как драгоценное и неприкосновенное достояние партии: «Принципиальная критика делает партию еще более сильной!»

События следующего года показали, как необходимо было партии немецкого рабочего класса стать более сильной. Страх перед войной, словно мучительный кошмар, еще тяжелей, чем в 1911 году, давил на народы Европы. Кризис на Балканах все больше обострялся, и осенью 1912 года казалось, что там неизбежно вспыхнет война. «Европа, — писала в те дни Клара, — похожа на арену, где почти все государства беснуются, взрывая песок, словно рычащие, скалящие зубы звери. На переднем плане по одну сторону стоят маленькие балканские государства, по другую — Турция… выжидая подходящего момента, чтобы кинуться друг на друга. За их спиной, бросая косые, злобные взгляды, готовятся к прыжку Россия и Австрия, чтобы при удобном случае из клубка терзающих друг друга смертельных врагов вырвать себе давно желанную добычу или по крайней мере не дать сопернику захватить ее… Что за великолепная картина цивилизации!»

В Европе все время стояла удушающая атмосфера страха перед мировой войной. Одна за другой следовали телеграммы, сообщающие то об увеличении военной опасности, то об ее уменьшении, — и соответственно поднимались и падали на биржах курсы акций. Вслед за тем вспыхнула Балканская война. Известия о ее страшных жестокостях, напоминающих ужасы Дантова ада, быстро достигли Германии. Миллионы людей задавали такой же продиктованный страхом вопрос, как и Клара Цеткин: «Породит ли теперешняя война чудовище мировой войны? Словно дамоклов меч, постоянно висит угроза величайшего бедствия над народами всей Европы. Тонкими нитями, на которых держится этот меч, играют неловкие пальцы профессиональных дипломатов и, что еще хуже, жадных до наживы капиталистов…» Теперь для рабочих всех стран оставался только один выход: объединиться в братской солидарности, чтобы не принести свою жизнь в жертву алчности эксплуататоров. «Пролетарии, чтобы защитить мир, — призывает Клара Цеткин, — должны будут усилить борьбу и, смотря по обстоятельствам, употребить все средства насилия, которые только соотношение классовых сил даст им в руки в исторический час».

Теперь, когда барометр мировой политики показывал величайшую опасность, II Интернационал вспомнил о своих решениях и призвал к созыву чрезвычайного международного социалистического конгресса, направленного против войны. Этот призыв вселил надежду в сердца социалистов. На них взирали народы. Кто еще может предотвратить затеваемую капиталистами войну, если не сами рабочие? Ведь это их руками производятся

пушки и льются пули. А если они откажутся это делать? Если рабочие — самая огромная и сильная армия в мире — противопоставят свою гуманность жадности капиталистов, если они не захотят убивать своих братьев из соседней страны — тогда войны больше не будет!

Клара, как и миллионы мужчин и женщин, верила в силу рабочих. Они могут сорвать и сорвут гнусные планы жадных до наживы чудовищ. Клара Цеткин надеялась, что в самое тяжелое время сбудутся пророческие слова поэта:

Необходимость в день один свершает то,
Чего свершить не могут и столетья.

ВОЙНА ВОЙНЕ!

Колокола древнего Базельского собора не звучат легко и ясно; они гудят глухо и таинственно, словно предупреждают о беде и смерти, войне или пожаре. Еще в средние века они предупреждали население о грозящей беде. А в ноябре 1912 года они возвещают о конгрессе, стремящемся уничтожить опасность ужасающей резни между народами.

II Интернационал созвал этот чрезвычайный конгресс без длительных приготовлений. В Базель со всех сторон быстро съехались делегаты, чтобы, по словам Клары Цеткин, «не допустить братоубийственной войны с ее неслыханными преступлениями и ужасами, в пучину которых все более беззастенчиво капиталистическое мировое хозяйство и мировая политика толкают человечество».

Патрицианский Базель гостеприимно встретил делегатов, этих «не имеющих родины интернационалистов». Большой Совет города охотно предоставил социалистам для проведения заседаний общественные здания и даже послал конгрессу искренние пожелания успехов в работе. Клара с признательностью отзывалась о поведении городских властей: «Национальные секции и Международное бюро смогли благодаря этому проводить свои совещания в помещении школы, участники грандиозной демонстрации собирались и строились в колонны на Казарменной площади, а манифестация в защиту мира достигла своей высшей точки и завершилась в соборе и на соборной площади. Школа, казарма и церковь — обычная троица, служащая порабощению трудящихся масс, — оказались в Базеле ареной политических выступлений пролетариата».

24 ноября 1912 года, в десять часов утра, в одном из лучших общественных зданий города конгресс начал свою работу. Красные знамена и красные полотнища с лозунгами на разных языках изменили вид древнего здания. В его большом, празднично украшенном зале состоялась перекличка делегатов: собралось около пятисот социалистов. В президиуме конгресса рядом с Бебелем, Жоресом[29], Адлером, Вайяном и другими товарищами находилась и маленькая темноволосая женщина: Роза Люксембург.

В зале заседаний среди делегатов также видны женщины, а среди гостей на галереях особенно много русских и польских студенток и эмигранток. Горящие взоры и интерес, выраженные на их лицах, убеждают Клару, что они не пассивные зрительницы,

а активные соратницы.

Делегатки Австрии (в том числе чешки), Италии, Франции, России, Англии, Польши и Германии принимали деятельное участие в работе национальных секций. На общем заседании они единодушно высказали пожелание провести в Базельском соборе особую манифестацию женщин-социалисток. Никто из них не остановился перед поездкой в Базель, хотя это и стоило часто самых тяжелых жертв, чтобы «призвать широчайшие массы трудящихся женщин к решительному протесту против безумного и преступного братоубийства». Ведь только женщина и мать может произнести на этом международном конгрессе слова, которые глубоко тронут сердца работниц всего мира и одновременно преисполнят их мужеством и силой для борьбы с опасностью войны! Кто из делегаток сможет выступить в соборе с разящей, волнующей, захватывающей речью? Это должна сделать Клара Цеткин, руководительница Международного социалистического женского секретариата. Делегатки были озабочены тем, как отнесется президиум конгресса к их пожеланию. Время очень ограничено — всего несколько ораторов смогут получить слово для выступления в соборе. Однако конгресс возглавляли испытанные и умные товарищи, которые понимали все неоценимое значение борьбы женщин-социалисток против войны. Клара Цеткин получила право выступить в соборе с речью.

Около полудня заседание в древнем здании приходит к концу. Вместе с делегатами и гостями Клара Цеткин покидает зал. Ее внимание привлекают толпы празднично одетых базельцев, которые устремляются на набережную Рейна, к собору. Другие горожане из распахнутых настежь окон наблюдают за веселой и пестрой толкотней на улицах.

Холодный мелкий дождь ударил Кларе в лицо. Поеживаясь от холода, она пошла за группами рабочих, несущими на плечах, словно ружья, свернутые знамена. Это рабочие делегации, то и дело прибывающие из окрестностей Базеля и из других районов Швейцарии, а также из Эльзаса и Бадена. Они сразу же направляются на Казарменную площадь, где собирается огромная колонна демонстрантов. Когда Клара приходит на площадь, головная колонна уже трогается. В ней много работниц, как социалисток, так и беспартийных, прибывших в Базель не только из расположенных поблизости мест, но и издалека. Клара с огромной гордостью отмечает, с каким воодушевлением несут они красные знамена мимо базельских горожан, теснящихся по сторонам улиц. Среди зрителей тоже много женщин, которые, солидаризируясь с требующими мира демонстрантами,

прикрепили к своей одежде красные значки.

С волнением наблюдает Клара за идущими в колонне мальчиками и девочками. Да как им и не быть здесь, если их матери находятся в строю? В демонстрации участвуют в роли барабанщиков и флейтистов сотни одетых в средневековые костюмы представителей социалистической молодежи Швейцарии. Они знают, что война угрожает их жизни, и ненавидят ее. Но они не понимают, насколько реальной стала опасность. Сегодня, сияя весельем и жизнерадостностью, они бьют в барабаны и свистят в свои флейты. Холодный дождь им не помеха! Озабоченным материнским взором смотрит Клара на веселую нарядную молодежь, на богиню мира, которая следует за ними в огромной повозке, украшенная роскошными розами. Идут одетые в белое девочки. В ручонках у них пальмовые ветви с надписью: «Почетней осушать слезы, чем проливать кровь».

Скромно одетая Клара тоже становится в ряды демонстрации, великолепие и роскошь которой кажутся ей не совсем подходящими для такого серьезного момента. Овеваемая целым лесом красных знамен, она идет среди делегатов по мокрой от дождя мостовой. Безостановочно бьют в барабаны двенадцать команд барабанщиков; ни на минуту не умолкая, звучат песни на самых различных языках. Беспрерывно гудят колокола собора, глухо и таинственно, словно предупреждающим аккордом, сопровождают они это шествие мира. Клара Цеткин вздрагивает, ее внезапно охватывает чувство тревоги и страха за будущее. Она видит спину Бебеля, его темное пальто и седые волосы под большой мягкой шляпой. Какие мысли волнуют сегодня вождя немецкой социал-демократии? Беспокойство Клары растет, когда она вспоминает, какую сомнительную позицию занимал Бебель в прошлом году и какую он проявил слабость в решительный момент. А ведь Бебеля любят и ценят рабочие, среди руководителей партии он один из самых прямых и честных.

Вдруг раздается гимн. Несколько мгновений кажется, что его звуки заглушают гул колоколов. Голос Клары тоже присоединяется к мощному хору: «Вставай, проклятьем заклейменный…» Шаг ее становится более уверенным, она подавляет в себе чувство тревоги и беспокойства. Что бы ни случилось, она непоколебимо будет стоять под старыми знаменами, пока «заклейменные проклятьем» пролетарии не станут хозяевами всего мира! Об этом должна говорить ее речь, которую она начнет через несколько минут! Первые ряды демонстрантов уже вступили на соборную площадь…

Сотни людей размещаются на набережной Рейна, потому что только незначительная часть процессии может поместиться в

соборе. С достоинством и торжественностью, как это подобает моменту, через огромный портал входят в собор мужчины и женщины. В дверях они несколько наклоняют красные знамена и снова поднимают их внутри древнего готического здания.

Глаза Клары Цеткин быстро привыкают к мистическому полумраку собора. Огромное помещение сегодня преобразилось: хоры украшены красными флагами, которые, словно пламя, алеют в слабых сумерках. Клара думает о том, что здесь столетиями проповедовались идеи Иисуса из Назарета, который всем «обиженным и угнетенным» обещал спасение в загробной жизни. А сегодня здесь возвышают свой голос социалисты, ученики Карла Маркса, создавшего научно обоснованное учение о спасении человечества в жизни земной. Сегодня не сановитые попы расточают свои речи перед верующими горожанами, сегодня вожди рабочих выступают перед скромно одетыми мужчинами и женщинами, которые всецело полагаются только на свои собственные силы.

Первым выступает Жан Жорес. Клара Цеткин внимательно слушает. Французский социалист обращается не только к находящимся в зале — он призывает трудящихся без различия рас и национальностей при любых обстоятельствах всеми силами противиться войне. Клара слушает каждого оратора с волнением и каким-то странным беспокойством. Может быть, это просто страх, который она все еще испытывает в глубине души перед каждым своим выступлением? Нет, здесь, в соборе, ее тревога вызвана другой причиной: будут ли теперь товарищи твердо и последовательно придерживаться решений, принятых II Интернационалом в Штутгарте и Копенгагене, или проявят колебания? Опасения Клары растут: речь Бебеля кажется ей недостаточно революционной. Может быть, он просто чувствует себя стесненным необычностью обстановки, в которой приходится говорить? Вслед за ним выступает целый ряд ораторов, но только немногие из них, как сдается Кларе, по-настоящему мужественно объявляют борьбу господствующей касте, играющей со смертью.

Кларе Цеткин не хватает воздуха. Подходит ее очередь выступать. Чувство беспокойства и тревоги исчезло. Она говорит уверенно и четко, и ее спокойный, сильный голос отдается эхом под высоким готическим сводом. С первых же фраз ее речь приковывает к себе внимание делегатов. Затаив дыхание слушают они женщину в простой блузке, устами которой говорят матери и жены рабочих. Каждая сказанная ею фраза — свидетельство несокрушимости боевого духа этой испытанной в бурях социалистки.

— В наши дни капиталистический строй, подобно людоеду,

пожирает великое множество человеческих жизней. Война является не чем иным, как только увеличенным до гигантских размеров убийством тех самых пролетариев, которых и в так называемое мирное время ежечасно калечит и убивает капитализм… Мы, женщины, сами становимся его жертвами во все возрастающем числе; кровью пишется наше свидетельство о праве гражданства…

Говоря об обязанностях женщин в этой великой борьбе, Клара Цеткин прежде всего обращается к матерям:

— Если мы, матери, внушим нашим детям глубочайшее отвращение к войне и посеем в их душах сознание социалистического братства, то придет время, когда даже в час величайшей опасности никакая сила на свете не сможет вырвать из их сердец и уничтожить это чувство…

Клара находит потрясающие слова, когда говорит о незаметном, скромном и вместе с тем замечательном героизме пролетарских женщин.

— Если мы, матери и жены, восстаем против массового убийства, то это происходит, конечно, не потому, что мы из эгоизма или малодушия не способны на великие жертвы ради великих целей и идеалов. Мы прошли суровую школу жизни в условиях капиталистического строя… Эта школа сделала нас борцами. Мы обрели силу идти на жертвы, которые намного тяжелее принести, чем пожертвовать собственной жизнью. Поэтому, когда дело идет о свободе, мы в состоянии смотреть, как борются и умирают наши близкие.

Еще в меньшей степени, чем для пролетариев, — восклицает Клара, — могут для нас, пролетарских женщин, капиталистические национальные государства считаться настоящей родиной. Мы обретем ее лишь в социалистическом обществе, которое одно только и гарантирует нам предпосылки полного человеческого освобождения.

Клара подчеркивает всю исключительную важность роли женщины в этой борьбе:

— Только когда и подавляющее большинство женщин совершенно сознательно будет бороться под лозунгом «Война войне!», только тогда народам может быть обеспечен мир, и в тот день, когда большинство женщин выступят за этот лозунг, они станут непобедимы…

В этой речи каждая фраза имеет вес и значение. Она разит врагов, а в сердцах рабочих укрепляет веру в их собственные силы.

— В нужный момент, — клянется Клара от имени социалисток всех стран, — мы всегда будем готовы пожертвовать

решительно всем, отдать все свои силы, все до последнего дыхания, делу мира, свободы и счастья человечества!

Но Клара слишком хорошо знает, что одни лишь внушительные конгрессы, красивые клятвы и прекраснейшие резолюции не могут обеспечить народам мир — мир можно сохранить только путем «долгой и упорной борьбы с могущественным врагом». В великий час испытаний не слова, а дела будут иметь решающее значение. Останутся ли вожди социал-демократии верны своей клятве пожертвовать всем, чтобы побороть войну? Только при этих условиях можно будет избежать войны или подавить ее в самом зародыше. Поэтому-то Клара Цеткин, обращаясь к находящимся в соборе мужчинам и женщинам, восклицает:

> Ставь жизнь свою на кон в игре боевой:
> И жизнь сохранишь ты, и выигрыш твой!

Слова поэта замирают под высоким, наполненным сумерками сводом собора. Они взывают к совести нерешительных и равнодушных.

КАТАСТРОФА

Вожди социал-демократии торжественно обещали сделать все, чтобы предотвратить войну. Рабочие верили им. Разве пролетариат недостаточно силен, чтобы выбить из рук поджигателей войны тлеющий фитиль?

> Захочешь ты — рукой могучей
> В миг остановишь все колеса![30]

Немецкие рабочие достаточно часто доказывали своим хозяевам справедливость этих слов, да и русские братья как раз в это время бастовали во всех концах огромной Российской империи.

Клара Цеткин неутомимо укрепляла веру рабочих в партию и в собственные силы. Она не только писала многочисленные статьи, но и ездила из города в город, с одного собрания на другое. В своих ярких, хорошо аргументированных речах Клара разоблачала сущность старой, придуманной капиталистами лжи о несправедливом распределении колоний. Жадные до наживы, они видели в войне единственную возможность добиться передела колоний, но чтобы обмануть народ, величали войну «патриотическим деянием». Клара говорила всему трудовому народу, что только ему и никому иному придется пожертвовать решительно всем, чтобы оплатить счет войне.

Но никакие, даже самые горячие, усилия Клары и самых стойких вождей пролетариата, не в состоянии остановить надвигающейся лавины. Политическая атмосфера в Европе была накалена до предела — и тут в июне 1914 года раздались выстрелы в Сараево. Это, как его называет Клара, «бессмысленное покушение» двадцатилетнего парня послужило сигналом великой бури. Жаждущие завоеваний державы используют покушение на австрийского престолонаследника как повод к войне. 1 августа 1914 года мир облетела страшная, едва постижимая весть: Германия объявила России войну! Приближается 4 августа — день несмываемого позора для партии немецкого рабочего класса. Социал-демократическая фракция рейхстага единогласно голосует за предоставление императору военных кредитов. Как Кларе Цеткин, так и многим простым людям, верившим в свою партию, этот день приносит жесточайшие разочарования. Все без исключения партийные руководители оказались людьми,

нарушившими свою клятву!

После этого позорного события прошло несколько недель. У дверей своего дома Клара Цеткин села в пролетку. Лошадь пустилась легкой рысью. Звонко и четко стучат копыта по мостовой; и под этот размеренный, успокаивающий шум Клара погружается в размышления.

Устало сидит она в углу пролетки. Последние дни были очень тяжелыми. Высокая температура и сердечные припадки отняли у нее много сил. Только что, несмотря на протесты родственников, она с трудом поднялась с постели. Сегодня, 2 сентября, в день Седана, Карл Либкнехт будет выступать в Штутгарте! Ура-патриоты из руководства партии преднамеренно выбрали эту дату, чтобы на массовых собраниях воодушевить рабочих идеями войны. В каком ужасающем болоте очутилась партия! Что же скажет Карл Либкнехт?

Клара Цеткин вспоминает Августа Бебеля. Он всегда предупреждал о болоте. И надо же было случиться, чтобы он, лучший и самый неустрашимый борец времен позорного закона против социалистов, умер 13 августа прошлого года, незадолго перед великим испытанием, выпавшим на долю немецкой социал-демократии! Клара уверена, что Бебель, несмотря на некоторые уступки оппортунистическим элементам, которые он допустил, все же соблюдал бы решения, принятые в Копенгагене и Базеле. Под монотонный стук копыт Клара вспоминает былое. Она была очень занята работой, когда неожиданно получила известие о смерти Бебеля. Вместе со скорбью об умершем ею вдруг со стихийной силой овладела мысль о собственной смерти. Не были ли и ее дни уже сочтены? Только она одна знала, сколько сил стоит ей заставить слабеющий организм справляться с таким множеством обязанностей! Но она быстро взяла себя в руки: что за смешная слабость попусту тратить время на мысли о собственной смерти! Ведь ее сердце еще бьется, ведь еще пульсирует кровь в ее жилах, и теперь как раз был решительный момент, чтобы уберечь человечество от грозящего преступления, от войны. Сейчас, когда смерть Бебеля оставила в рядах мужественных, самоотверженных борцов страшную зияющую пустоту, надо было еще с большей решительностью высоко держать знамя!

Так же как и после смерти Энгельса, уже на следующее утро она была на работе. Она писала некролог и вложила в эти строчки всю ту любовь, все уважение и дружбу, которые она всю жизнь испытывала к Бебелю. Несколько дней спустя у могилы Бебеля она обратилась к покойному соратнику и другу с волнующими словами прощания. По поручению международной

организации женщин-социалисток Клара Цеткин возложила на могилу огромный венок из великолепных темно-алых роз как последний привет от женщин, для освобождения которых так много сделал Бебель.

В те чреватые опасностью недели и месяцы не было времени, чтобы долго предаваться скорби. Клара Цеткин, так же как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, призывала рабочих оказать отпор германскому милитаризму. Больше чем величайшего биржевого краха боялись милитаристы тех немногих стойких рабочих вождей, которых не могли ослепить ни успехи на выборах, ни места депутатов парламента. Милитаристы хорошо знали, что спаянный единством революционный рабочий класс способен не только зачеркнуть все их планы, но и ликвидировать само их государство. Почему так громко, во все горло кричали господа, требуя новых параграфов уголовного кодекса? Почему они хотели, чтобы каждому, кто призывал рабочих к политической забастовке, предъявлялось бы обвинение в государственной измене? Из-за панического ужаса перед революцией! Обращаясь к этим господам, Клара воскликнула, что никакие баррикады из статей закона не в состоянии остановить катящееся вперед колесо истории.

Пролетка грохочет уже по улицам Штутгарта. Клара так глубоко погружена в свои мысли, что не замечает окружающего. Немногим больше месяца прошло с тех пор, как она с тяжелым сердцем была вынуждена написать: «Случилось самое страшное. Война растаптывает людей, жилища и поля…»

Еще страшнее, чем весть о начале войны, поразило ее известие о единогласном одобрении военных кредитов социал-демократической фракцией рейхстага. Неужели это правда? Нет, это, вероятно, ошибка, которая выяснится. Она не может поверить, чтобы товарищи нарушили клятву оказывать сопротивление шовинистическим войнам. В ночь с 4 на 5 августа 1914 года глубокий стыд перед рабочими и крестьянами Германии, Франции и России — перед всеми стойкими социалистами — мучил Клару. В течение двух десятилетий она старалась посеять в сердцах немецких работниц семена солидарности ко всем народам, семена отвращения к войне и веры в силы партии — и теперь час испытаний оканчивается постыдным банкротством! Разве из всех руководителей партии только одна она придерживается решений II Интернационала? — в отчаянии спрашивала Клара себя в ту ночь. Что после этого поражения делают Роза Люксембург и Карл Либкнехт, Франц Меринг и остальные друзья? Может, Клару просто преследуют галлюцинации? Но известие было достоверным, и ничто не могло

его опровергнуть. Что же делать?..

Она видит себя в Штутгарте, в Копенгагене, видит товарищей, торжественно принимающих те самые решения., которые они сегодня с таким же серьезным выражением лица нарушили! В ушах беспокойной и горько разочарованной Клары звучит колокольный звон — глухой, таинственный, предостерегающий звон колоколов Базельского собора… Больше нельзя было тешить себя ни надеждами, ни мечтами — в ту ночь Клара совершенно ясно поняла, что с колокольни Базельского собора прозвучал похоронный звон II Интернационала!

Восемь ударов, прозвучавших с колоколен многочисленных церквей и церквушек Штутгарта, выводят женщину в пролетке из раздумий. Она выпрямляется и просит кучера ехать быстрее. Чаще стучат копыта лошади. На широком, изборожденном морщинами лице Клары снова появляется уверенность. Да, и вслед за той страшной ночью наступило утро! Теперь надо заново собрать воедино самых стойких товарищей. Она обдумала тот путь, на который следует встать. А Роза Люксембург уже пошла по нему, это доказало ее обращение по телеграфу ко всем руководящим членам партии с призывом протестовать против войны. Клара всегда оставалась смелой революционеркой. С радостью, без колебаний ответила она Розе, что готова к протесту и к любому делу. Не много подобных выражений согласия, должно быть, получила мужественная Роза Люксембург.

В эти дни «Равенству» в последний раз было суждено свободно, без цензуры, разговаривать со своими читателями. Газета заклеймила как гнусную, преднамеренную ложь распространяемые буржуазной печатью вымыслы о «германском крестовом походе» против «варварской России и наступающего славянства». «Равенство» опубликовало корреспонденции о героических забастовках, которые с особой силой развернулись на востоке Европы в последние месяцы перед началом войны. «Революционная борьба наших русских братьев и сестер в эти роковые дни сохраняла в мире мир до настоящего времени. Мы не должны быть малодушнее и слабее их. Они продолжают бороться, не боясь ни тюрьмы, ни ссылки, ни даже смерти. Их славная борьба за гарантированные политические права показывает нам на деле, на что способен полный решимости и готовый на жертвы рабочий класс».

Конечно, большинство немецких пролетариев не малодушны, но их предали их вожди. Очень многие штутгартские рабочие порицают это предательство. Вот и теперь у входа в дом, где будет происходить собрание, несколько человек горячо спорят. Они прекращают словесный бой, чтобы помочь «своей Кларе»

вылезти из пролетки. Быстрой походкой, без малейшего признака слабости входит ома в зал, битком набитый рабочими, ожидающими начала собрания. Карл Либкнехт идет навстречу Кларе, крепко пожимает ее обе руки и торопится на трибуну.

К нему приковано внимание всех присутствующих. Во многих взглядах Клара видит жажду борьбы. Неужели и Карл Либкнехт будет подпевать ура-патриотам, неужели и он заделался социал-шовинистом? Клара спокойна: она давно знает, что Либкнехт принадлежит к числу стойких борцов.

Нет, оратор не ура-патриот. Этого никто не сможет утверждать. Либкнехт говорит слушателям, что 4 августа он голосовал за военные кредиты исключительно в силу «партийной дисциплины» и что он по-прежнему стоит за решения II Интернационала, направленные против войны. Многие сумрачные лица проясняются при этих словах: Либкнехт не изменил своим убеждениям! Но в зале находятся и такие члены партии, которые во время дискуссии показывают себя «патриотами» и даже видят некий «патриотический подвиг» в одобрении военных кредитов социал-демократической фракцией. «Карл Либкнехт, — писала несколько лет спустя Клара, вспоминая собрание в Штутгарте, — выбил оружие лживых умозаключений из рук тех, кто защищал позицию, занятую руководящими социал-демократами в рейхстаге».

Буря аплодисментов то и дело прерывает речь Либкнехта. Этот революционный пыл штутгартских рабочих вызывает в Кларе такую радость, что она совсем забывает о всех своих тяготах. Либкнехт покидает трибуну под гром аплодисментов. Тогда поднимается широкоплечий пролетарий с энергичным лицом. О чем он будет говорить? Его речь посвящена многим важным вопросам. Он в самых резких выражениях критикует Карла Либкнехта за его поведение в рейхстаге. «Пролетарии и пролетарки, все левые, принимавшие участие в дискуссии, — писала Клара позже, — были единодушны в том, что его голосование за военные кредиты было проявлением половинчатости и непоследовательности. В интересах международного революционного социалистического движения следовало громко и решительно сказать: «нет!..»

Среди рабочих, присутствующих в зале, — сильное возбуждение. По окончании собрания Карл Либкнехт признается в кругу друзей:

— Я вообразил себе, что мне придется отказываться от лавровых венков, а на самом деле получил порядочную взбучку. Но этот урок, преподанный устами рабочих, пойдет мне на пользу. Вы еще убедитесь в этом!

Он сдержал свое слово. Уже 10 сентября 1914 года Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Франц Меринг выступают с публичным заявлением, осуждающим проводимую Германией политику войны. Протест «горсточки четырех стойких», как называли этих немногих по-настоящему мужественных людей, заставляет рабочих прислушаться.

А 2 декабря того же года в германском рейхстаге раздается смелое «нет!», сказанное Карлом Либкнехтом против военных кредитов. Это маленькое, но веское слово перелетает через границы Германии. Оно доходит до слуха Анри Барбюса и Ромен Роллана и убеждает их, что Карл Либкнехт представляет собой иную, лучшую Германию.

Клара Цеткин воодушевлена подвигом Либкнехта. Она тоже не бездействует. Она не из робких, хотя всегда соблюдает осторожность. Несмотря на все трудности, Клара в самый разгар войны принимается за дело установления взаимопонимания среди женщин различных стран, за дело, которое пробуждает новые надежды во всех мечтающих о мире людях!

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Подлинный революционер, борющийся за социализм, отличается не только дисциплиной, бесстрашием и мужеством, но и готовностью в любой момент пожертвовать жизнью в интересах дела. Клара Цеткин в полной мере обладает всеми этими качествами. Она без колебаний поднимается на борьбу с войной. Вдвойне тяжело и опасно вести эту борьбу в Германии, где шовинистические настроения и жажда завоеваний вызвали настоящий угар, который частично охватил и социал-демократическую партию. Один из руководителей партии демонстративно вступил добровольцем в кайзеровскую армию. Поэтому борьба Клары направлена не только против власть имущих: против кайзера и его офицеров, против хозяев военной промышленности и банков, против чиновников — короче говоря, против всей империалистической Германии, но одновременно и против шовинистов, находящихся среди социал-демократии.

Вильгельмовские цензоры делают борьбу Клары еще более тяжелой. За «Равенством», редактор которого слывет «особенно радикальной ниспровергательницей», следят они с крайней подозрительностью. Клара Цеткин ожесточенно борется за каждую вычеркнутую строчку, за каждое вычеркнутое слово. В первые месяцы войны множество белых мест посреди ее статей привлекает к себе внимание читателей. Они говорят им: «Смотрите, здесь цензура заткнула рот свободному мнению!»

Когда власти, осуществляющие контроль над печатью, лишают Клару Цеткин и этого метода протеста, она быстро учится еще более умело, чем прежде, выбирать выражения. Вскоре ее статьи проходят цензуру без каких-либо сокращений. Читатели прекрасно понимают написанное. Но необходимость несколько умерить революционный тон своих статей все же причиняет Кларе неудовольствие и вызывает неудовлетворенность. Поэтому она с радостью дает согласие сотрудничать в «Интернационале», лишь недавно основанном журнале левых, так как надеется, что сможет здесь более откровенно выражать свои взгляды.

Но Клара знает и другие формы борьбы: как во времена «исключительного закона против социалистов», она, опираясь на немногих испытанных соратников, переходит к нелегальной работе. Клара уговаривается, как это было уже не раз в минувшие годы, с Розой Люксембург об «общем деле» — о международной конференции женщин-социалисток. Они должны, помня торжественное обещание, данное в Базеле, потребовать

прекращения кровавой бойни.

Роза и Клара в деталях обсуждают свой план. Они решают в феврале 1915 года встретиться в Дюссельдорфе, чтобы оттуда направиться в Амстердам для подготовки конференции. Клара пишет одной своей подруге, которую знает уже не один десяток лет, что эта исключительно важная конференция будет проведена во что бы то ни стало — «с благословения правления партии или без благословения, даже и при проклятиях со стороны правления партии».

Одно только опасение беспокоит Клару: дадут ли ей, известной «ниспровергательнице», полицейские власти кайзеровской Германии паспорт на выезд в Голландию? Наконец после долгих, проведенных в тревоге дней она получает драгоценный документ. Почти в то же самое время до нее доходит ошеломляющее известие об аресте Розы. За ее спиной захлопнулись ворота берлинской женской тюрьмы на Барнимштрассе. Что же делать? Клара должна — чего бы это ни стоило! — перед своим отъездом в Голландию поговорить с Розой! Она едет в столицу. Надежные товарищи помогают Кларе под видом «золовки» добиться разрешения на свидание. Разговор длится всего несколько минут. Несмотря на присутствие надзирателей, Кларе удается незаметно передать арестованной несколько важных записок. С тяжелыми мыслями о Розе покидает она мрачное здание тюрьмы. Как она с ее слабым здоровьем и предрасположением к болезням перенесет заключение?

В этот же вечер Клара Цеткин отправляется в Амстердам. При проверке паспортов ее сердце отчаянно бьется. Дадут ли ей беспрепятственно пересечь границу? Чиновник вежливо возвращает ей паспорт — и уже через несколько минут она оказывается на голландской земле, а затем вскоре и в Амстердаме.

Клара немедленно принимается за осуществление своего плана. Голландские женщины деятельно помогают ей. Она ведет переписку, разговаривает по телефону и обменивается телеграммами с известными социалистками Франции, Англии, России, Польши, Италии и Швейцарии. В исключительно короткий промежуток времени ей удается осуществить, казалось, неосуществимое: уже в марте 1915 года, в самый разгар войны, созвать в Берне международную конференцию против войны.

Из многих стран прибывают в Берн женщины-социалистки, с которыми из Амстердама вела переговоры Клара. Они у себя на родине оказывают сопротивление вооруженному до зубов империализму. Это мужественный подвиг, достойный подражания. Здесь, в Берне, женщины под руководством Клары

Цеткин составляют манифест, направленный против империалистической войны. В этом манифесте они призывают всех женщин земного шара, а также и все социал-демократические партии добиваться быстрейшего установления мира:

«Мировая война находится в непримиримом противоречии с интересами рабочего класса как воюющих, так и нейтральных стран Европы, с интересами рабочего класса всего мира. Под лживыми лозунгами защиты интересов родины и исполнения патриотического долга война уничтожает имущество и проливает кровь трудового народа… Под таким лозунгом мировая война объединяет в воюющих странах рабочих с их эксплуататорами и тем самым разобщает их с братьями-пролетариями по ту сторону пограничных столбов… Война разделяет народы не только потоками крови, проливаемой на полях сражений, но и грязными потоками ненависти, высокомерия, клеветы и оскорблений. Широко распространялись шовинистические настроения, которые позорят родину, вместо того чтобы возвеличивать ее свободным от предрассудков признанием культурных достижений других наций».

«Поэтому мы, женщины-социалистки, — говорится в манифесте, — собравшиеся на чрезвычайную конференцию, объявляем войну войне! Мы требуем немедленного прекращения ужасной борьбы между народами. Мы требуем мира без аннексий, мира, который бы признавал право народов и народностей, даже маленьких, на самоопределение и независимость, мира, который не возлагал бы ни на одну из воюющих стран унизительных и невыносимых условий…»

И далее делегатки заявляют:

«Чрезвычайная женская конференция придерживается убеждения, что скорое окончание мировой войны может быть достигнуто только в том случае, если широчайшие народные массы в самих воюющих странах проявят непоколебимую волю к этому…»

Так же как и решения конгрессов в Копенгагене и Базеле, Бернский манифест обращается к женщинам, этим хранительницам жизни:

«Теперешняя война придает историческое значение борьбе женщин за мир. Выступление женщин-социалисток с требованием мира должно повлечь за собой всеобщее движение трудящихся масс за окончание братоубийственной бойни…»

Этот манифест не встречает одобрения со стороны русских делегаток, считающих его неясным и расплывчатым. В России большевики бесстрашно борются с войной под лозунгом: «…

трудящиеся, в том числе вооруженные рабочие и крестьяне, переодетые в солдатские шинели, должны повернуть оружие против своей буржуазии и свергнуть ее власть, если они хотят избавиться от войны и добиться справедливого мира».

Русские революционерки хотят, чтобы левые социал-демократы других стран извлекли урок из их столь дорогой ценой оплаченного опыта. Поэтому они предлагают потребовать в манифесте не только окончания войны, но одновременно и основания в каждой стране идеологически ясной, дисциплинированной революционной партии, как предпосылку для решительной борьбы. Русские революционерки, однако, остаются в меньшинстве. Делегатки всех остальных стран голосуют за манифест в его первоначальной редакции. Они придерживаются мнения, что в настоящий момент важна только одна цель — добиться мира[31].

Вильгельм Пик[32], один из тех, кто сопротивлялся тогда предательской политике вождей немецкой социал-демократии, пишет в наши дни о Бернской конференции:

«Хотя резолюции конференции выявили идеологическую слабость и колебания, но самый факт созыва конференции и манифест, распространявшийся нелегально как в Германии, так и в других воюющих странах, оказали большое влияние на все враждебные империализму силы».

Открытый протест «горсточки четырех стойких» и особенно отказ Карла Либкнехта голосовать за военные кредиты, помогли многим настоящим социалистам бороться с чувством горечи, возникшим в результате позорного провала II Интернационала. Манифест пробудил в них новые надежды. Еще не все было потеряно! И по сей день у старейших ветеранов немецкого рабочего движения загораются взоры, когда они рассказывают о днях и неделях, последовавших за Бернской конференцией. С юных лет с охотой и радостью жертвовали они партии последний грош и свое ограниченное свободное время, но они никогда — ни до этого, ни после — не бегали вверх и вниз по лестницам с таким огромным воодушевлением и самоотверженностью, как при нелегальном распространении Бернского манифеста.

Клара Цеткин опиралась на проверенных и преданных работниц. Но, имея большой опыт подпольной работы, она проявляет величайшую бдительность. Клара с особой тщательностью соблюдает все меры предосторожности, чтобы не дать кайзеровской юстиции ни малейшего повода для вмешательства. Тем большее удивление испытывает Клара, когда ее неожиданно арестовывают и предъявляют обвинение в совершении «поступков, являющихся государственной изменой».

Выдала она себя чем-нибудь? Или в рядах старых соратниц находятся предательницы? Сколько ни ломай голову, все безрезультатно.

В конце концов Клара узнает, что подруга, которой она писала о намечаемой Бернской конференции, пошла с этим письмом в правление партии. Больно, конечно, сознавать, что человек не оправдал твоего доверия, но как могло это повести к аресту? Только в день судебного разбирательства Кларе становится ясно, на чем основывается почти все обвинение: руководство социал-демократической партии официальным циркуляром предупредило всех членов партии о том, что распространение манифеста повлечет за собой наказание! Перед судьями Клара держит себя в руках, но ей стоит больших усилий подавить возмущение гнусным поведением товарищей по партии. Она понимает, что правление партии разослало этот циркуляр, чтобы натравить на нее прокурора. Что за гнусные предатели! Что за лакеи и подхалимы!

Клару Цеткин заключают в тюрьму города Карлсруэ. Тех, кто имеет мужество призывать народы к борьбе со страшным кровопролитием, быстра лишают свободы! Но и в тюрьме Клара не падает духом. Один товарищ, который как раз в ту пору отбывал заключение в Карлсруэ, рассказывал много лет спустя, что из окна своей камеры он наблюдал, как Клара очень живо и почти весело помогала тюремной надзирательнице развешивать белье и в то же время о чем-то горячо спорила с надзирательницей и несколькими заключенными.

Хотя Клара и обладает достаточной энергией, чтобы даже тюрьму превратить в место политической агитации, но при всей своей силе воли она не в состоянии помешать ухудшению здоровья. Силы ее тают прямо на глазах, и издательство Дитц, которое уже несколько лет как стало собственностью партии, взяло на поруки свою многолетнюю сотрудницу.

После освобождения из тюрьмы Клара, еще более больная, чем когда-либо прежде, снова возвратилась к работе в редакцию. Но Клару, словно жало, мучила мысль, что ее заключение лежит на совести бывших товарищей по борьбе. Но эти горькие чувства не ослабили в ней духа сопротивления. Уже в следующем номере «Равенства» она высказала благодарность всем истинным друзьям за доказательства симпатии, которое они выразили ей во время заключения. Пропустит ли цензура эти несколько строчек?

Нет, из соображений «государственной безопасности» даже эта короткая статья может появиться только в исковерканном виде, без последнего абзаца. Оставшееся незаполненным место в конце текста призывает читательниц газеты не ослаблять усилий

в их борьбе.

За Бернской конференцией, при организации которой Клара Цеткин проявила большое мужество, следуют такие же смелые подвиги других товарищей.

Карл Либкнехт призывал молодежь созвать конференцию против войны. Во время демонстрации, которую, требуя мира, устроили перед германским рейхстагом женщины, был арестован Вильгельм Пик. На международных конференциях в Швейцарии — в Циммервальде и Кинтале[33] — собрались лучшие представители мирового пролетариата, чтобы найти средства прекращения империалистической войны. Ленин указал им на путь большевиков, но не все еще социалисты последовали его совету.

Немецкие левые не бездействовали. В январе 1916 года состоялась первая общегерманская конференция группы «Интернационал», которая стала называть себя «Группой Спартака», а позже приняла название «Союз Спартака»[34]. В создании этой группы участвовала и Клара Цеткин.

Так постепенно образовалось ядро новой, действительно революционной партии, ядро, состоявшее из самых верных и самых самоотверженных марксистов.

К ним принадлежала и Клара Цеткин, которая осмелилась среди шовинистического угара призвать всех женщин-социалисток бороться с войной,

«ВПЕРЕД, ТОЛЬКО ВПЕРЕД!»

Клара Цеткин уже на протяжении двух лет боролась всеми методами, легальными и нелегальными, против безумия войны, чей кровавый сапог упрямо растаптывал цветущие человеческие жизни, плодородные земли, города и деревни. Кто в состоянии обуздать это зло?

Победные праздники действовали в Германии, словно наркотик: народ не должен был проснуться от патриотического угара! Но колокола, которые бес-прерывно трезвонили «победу», не заглушали больше плача жен и матерей по убитым, крика голодных детей и громкого ропота страдающих от холода и нужды. 1 мая 1916 года Карл Либкнехт, обращаясь к рабочей демонстрации, происходившей на Потсдамской площади в Берлине, провозгласил: «Долой войну! Долой правительство!» Тотчас же на него набросились сыщики. Вильгельмовская юстиция приговорила Либкнехта за его мужественный поступок к многолетнему заключению в каторжной тюрьме. Рабочие не примирились с этим приговором. Они ответили на него многотысячными демонстрациями и забастовками.

«Горсточка четырех стойких» понесла тяжелые потери. Роза Люксембург и Карл Либкнехт находились в тюрьме. Несколько позже был арестован и старый, тяжело больной Франц Меринг. Только Клара оставалась на свободе. Плечом к плечу с Лео Иогихесом, Вильгельмом Пиком, Кете и Германом Дюнкер[35] и другими такими же непоколебимыми социалистами она вела большую работу с тех же самых идейных позиций, что и арестованные товарищи.

Одно обстоятельство очень усложняло деятельность Клары; после ее освобождения из тюрьмы за ней следили и шпионили не только полицейские власти, но и агенты, подосланные правлением партии. Подобными методами нельзя было заставить старую революционерку отказаться от борьбы. Они только вынудили Клару быть еще более осторожной. Снова, как некогда в годы далекой юности, выполняла она будничную нелегальную работу: агитировала и вербовала сторонниц для «Союза Спартака» среди самых надежных пролетарок: особенно она старалась внушить мысль о забастовке женщинам, работающим в военной промышленности.

Занимаясь агитацией, Клара ходила из дома в дом. Она знала, что думали рядовые члены партии. В большинстве своем они не одобряли политики руководства и постоянно говорили об

этом. Эти рабочие, настроенные наиболее революционно, в апреле 1917 года устремились в ряды только что основанной Независимой социал-демократической партии Германии. Старая партия раскололась. Клара, как все члены «Союза Спартака», примкнула к новой партии, — НСДПГ. Но она очень хорошо видела, что НСДПГ не имела идеологически ясных целей.

«Равенство» все еще находилось в руках Клары. Газета по-прежнему была лучшим оружием в борьбе за подлинный марксизм, хотя жестокая цензура иногда и тупила его клинок. У Клары часто возникали разногласия с «приспособленцами» из правления партии, которые с начала войны очень хотели принудить ее вместе с ними встать на позиции социал-шовинизма. Но Клара была тверда как гранит: она стойко сопротивлялась каждой такой «новой ориентации».

Часто мучительные трения омрачали Кларе радость от работы в редакции, но они никогда не могли заставить ее ослабить борьбу. 11 и 25 мая 1917 года Клара опубликовала на страницах «Равенства» статью о «Позиции обеих социал-демократических партий Германии в вопросе о мире, о демократизации политических порядков и о революции в Германии». В этой статье Клара Цеткин очень ясно и отчетливо показала разницу между правыми и левыми социал-демократами. Она снова выступила в защиту русского народа, которому удалось свергнуть царя. Статья вызвала гнев со стороны правления партии. Издательство Дитца находилось в руках правых социалистов, и они не захотели больше терпеть «самовольных выходок» Клары, несмотря на всю ее популярность.

Эта статья стала «лебединой песней» Клары, ее последним выступлением в газете «Равенство».

Утром в последний день мая 1917 года Клара, как всегда, пришла в помещение редакции задолго до начала работы. Она сидела за письменным столом, углубившись в чтение писем. Короткий стук в дверь заставил ее поднять глаза. Она шутливо спросила вошедшего молодого сотрудника, почему у него такой вид, словно он на похоронах. Но тот торопливо передал ей письмо и попросил расписаться в получении. Она исполнила его желание, и молодой человек, вежливо откланявшись, тотчас же покинул комнату. Письмо от руководства издательства? Несколько озадаченная этой новой манерой поддерживать с ней отношения, она вскрыла конверт. Кровь прилила к ее щекам, потом смертельная бледность появилась на лице Клары. Листок бумаги выпал из ее рук. Через несколько секунд, которые показались ей вечностью, она еще раз прочла скупые строки. За несоблюдение директив партии и за длительное неповиновение

она подлежит немедленному увольнению! Как далеко это зашло! Ее выгоняют из этих помещений, из издательства, в котором она неутомимо работала двадцать пять лет, словно нерадивого поденщика из графского поместья! Ей не разрешают даже закончить редактирование очередного номера «Равенства». Тотчас же, еще сегодня, она должна покинуть издательство! Клара почувствовала во рту неприятный, горький привкус. Не является ли редактируемая ею газета неотъемлемой частью издательства Дитца? Гнев и возмущение охватили Клару. На письменном столе письма работниц ждали ответа — она машинально сгребла их все в свой большой портфель. За окном весело щебетали птицы, но Клара этого не слышала.

Ей, старой социалистке, умеющей держать себя в руках, пришлось напрячь все свои силы, чтобы в столь унизительных обстоятельствах сохранить спокойствие. Она хотела сделать еще несколько заметок для редакционной обработки готовящегося номера газеты и взялась за перо. Но рука не слушалась ее и сильно дрожала. Клара положила ручку <на место, собрала с письменного стола бумаги и быстро встала. Решительным движением она отодвинула в сторону стул. Будь что будет! Она в последний раз окинула взглядом комнату, где столько лет служила идее социализма. Уходя, громко захлопнула за собой дверь…

С письмом об увольнении в кармане Клара возвратилась домой. Но сегодня ей не захотелось оставаться в доме, который так опустел с тех пор, как ее сыновья, Максим и Костя, став военными врачами, уехали на фронт. Она подумала, что длительная прогулка по лесу, который она так любит, принесет ей пользу. И на самом деле, на лоне природы ее волнение утихло, и ей удалось снова взять себя в руки.

Она стала думать о прошлом и вспомнила Генриха Дитца, которому раньше принадлежало издательство. Эти мысли послужили ей утешением. Двадцать пять лет тому назад она колебалась, принимать ли на себя редактирование «Равенства». Дитц, всегда отличавшийся широтой натуры и готовностью прийти на помощь, ободрил ее: «Наконец, если потребуется, то ведь и я еще существую!» Добрые слова опытного издателя имели решающее значение, и Клара дала согласие. А Дитц? Все время, пока он был владельцем издательства, он держал слово. Потом за незначительную плату, почти как подарок, передал издательство социал-демократической партии. Его непоколебимая вера в миссию «Равенства» и в способности предложенного им редактора блестяще оправдалась. Клара грустно улыбнулась: как она была счастлива, когда могла объявить на партийном съезде, что за

истекший год доходы «Равенства» на пятнадцать тысяч марок превысили его расходы!

За долгие годы работы в редакции на ее долю выпадали не только успехи. Ей приходилось выдерживать и тяжелые бои за идейное направление газеты.

На партийных съездах привычка критиковать «Равенство» за «слишком высокий уровень» стала таким же обычным явлением, как смена дня и ночи. Многие члены партии, и прежде всего женщины, хотели бы видеть газету более популярной по своему содержанию, более занимательной, более соответствующей вкусам широкой массы работниц. Клара должна была постоянно возражать, что эта газета отнюдь не является развлекательным чтивом, а, напротив, имеет задачу воспитывать лучших и передовых пролетарок и > передавать им политические знания.

И теперь правление партии вырвало у нее из рук «Равенство»! Все же газета была и остается значительным делом всей ее жизни. Даже и в этот тяжелый момент Клара гордится тем, что ей удалось превратить простых читательниц в сотрудниц «Равенства». Особенно трудно будет любому из ее преемников достичь такого результата, который стоит ей напряженной двадцатипятилетней работы. Ни одна партийная газета не опиралась на такое большое число корреспондентов из народа, как женская газета.

Клара усилием воли полностью подчинила себе мысли, уносившие ее в прошлое. Глубоко в сердце все еще ныла гложущая боль из-за потери «Равенства». Но разве Клара не найдет себе другого поприща борьбы?

Несколько дней спустя лейпцигские работницы попросили «свою Клару» стать редактором женского приложения «Лейпцигской народной газеты». Клара, не колеблясь, дала согласие. В первом номере женского приложения она, выполняя пожелания своих подруг по партии, простилась с «Равенством». Она заявила: «Моя «вина» состояла в том, что я с первого же момента, когда социал-демократическая фракция рейхстага выбросила за борт как ненужный балласт основные принципы социализма, защищала противоположное мнение». Да, она действительно клеймила позором оппортунистическое болото, в котором погрязла часть партии, выступала против руководителей, содействующих продолжению войны, — но каждый ли час, каждую ли минуту она боролась с достаточной суровостью?

«Когда я оглядываюсь назад на прошедшие мучительные годы моей деятельности в «Равенстве», — писала бывший главный редактор газеты, — я испытываю сожаление, выраженное в страстных словах, которые Конрад Фердинанд Мейер [36] вложил

в уста Гуттена:

«И каюсь я душою сокрушенной,
Что втрое мужественней не был я!»

Многих членов партии глубоко возмутило недостойное поведение партийных руководителей, уволивших Клару Цеткин из издательства Дитца после того, как она проработала там четверть века. Целые горы писем со словами утешения и поддержки получала в эти дни Клара. Она была очень обрадована статьей, написанной в честь ее шестидесятилетия Францем Рингом, которого по причине тяжелой болезни пришлось освободить из-под ареста. Меринг писал: «Клара Цеткин взялась за руководство газетой «Равенство», когда та находилась в самом жалком состоянии, и превратила ее в могучий орган, который направлял международное движение женщин-социалисток[37]. Ее неутомимая деятельность не ограничивалась только руководством газетой и работой в женском движении. Она постоянно находилась там, где могла принести пользу, и не было ни одной предвыборной кампании, в которой бы Клара Цеткин не принимала живейшего участия…»

Клара намеревалась сказать своему старому другу, что он слишком много хорошего понаписал о ней, но все же она была тронута сердечным и безоговорочным признанием ее заслуг: «Годовые комплекты «Равенства» будут вечным памятником Кларе Цеткин. Газета всегда находилась на высоте социалистических принципов, так как мало кто из живых может померяться силами с Кларой Цеткин в знании марксистской теории и наверняка нет никого, кто бы превосходил ее в этом».

И, как всегда после тяжелых разочарований и ударов судьбы, Клара снова бодро смотрела в будущее. Она придерживалась слов, написанных ею в первой статье для женского приложения «Лейпцигской народной газеты»: «Только вперед и вперед! Работать, не зная передышки… О, как это помогает! Душевные раны зарубцовываются во время напряженной работы, которую на себя взваливаешь… Вперед, только вперед!»

«Я ХОЧУ СРАЖАТЬСЯ НА ТОЙ СТОРОНЕ, ГДЕ ЖИЗНЬ…»

Никогда еще ни одно известие так не потрясало мира, как то, которое разнеслось 7 ноября 1917 года. Это ленинское воззвание «К гражданам России!», возвестившее о первых победах пролетарской революции в России. Великая победа, одержанная в Петрограде рабочими, крестьянами и> солдатами над Временным правительством, привела Клару Цеткин в восторг. Ее мысли обратились к Осипу, так рано умершему мужу. Как бы он гордился этим днем, которого он страстно ждал!.. Уже 16 ноября 1917 года в женском приложении «Лейпцигской народной газеты» было напечатано: «Революция в Петербурге и ее победа — это триумф последовательно выдержанных и проводимых в жизнь принципов и тактических установок большевиков». Эти слова принадлежали Кларе Цеткин.

«Мы с вами головой и сердцем!» — еще в 1913 году воскликнула Клара, обращаясь к русским социалисткам, которые, несмотря на царский террор, в Международный женский день вышли на демонстрацию. И теперь снова «головой и сердцем» она была с героически борющимся русским народом.

Клара Цеткин, так же как и Франц Меринг, безоговорочно объявила себя сторонницей молодой Советской республики. Она всегда, используя любую возможность, разоблачала как гнусную ложь распускаемые по всему свету жуткие небылицы о борьбе, которую вели рабочие России. В начале 1918 года в письме к Ленину она заверила большевиков в своей полной симпатии. И Ленин — сердце и мозг революции — нашел время написать ей, как гордятся товарищи поддержкой такого борца, как Клара.

Победоносная революция в России! Выступления Клары Цеткин и Франца Меринга в защиту русской революции, опубликованные в легальной прессе, и распространяемые нелегально листовки «Союза Спартака» заставили немецких рабочих и солдат насторожиться. Что удалось их русским братьям, должно удаться и им! Рационы питания как в самой Германии, так и на фронте становились с каждым днем все меньше и хуже. Обмундирование солдат превратилось в лохмотья, — даже в амуниции чувствовался недостаток. «К черту победный трезвон и крики «ура»!» — говорили обовшивевшие, оборванные и голодные солдаты. Хватит дурачить! Эта война, которая вообще ведется не в их интересах, уже проиграна!

Подыхать ради сытых и хорошо одетых пушечных фабрикантов и генералов? Нет!

Клара Цеткин вела нелегальную работу на военных предприятиях и в рабочих кварталах. Она знала, как немецкие солдаты и рабочие проклинали войну. Вряд ли хоть одна пролетарка верила еще в победу Германии. А летом 1918 года даже кое-кто из генералов признал, что Германия не может навязывать своим противникам угодного ей мира, что война проиграна. Надо положить конец дальнейшей гибели людей и материальных ценностей!

Изо дня в день множились сообщения о бунтующих солдатах и матросах, о бастующих рабочих. Клара Цеткин прислушивалась: не пробил ли и в Германии час революции? В октябре 1918 года Карла Либкнехта выпустили на свободу. Этого добились рабочие и солдаты. После освобождения из тюрьмы Карл Либкнехт не дал себе ни минуты отдыха. Он, мозг «Союза Спартака», всегда опирался на деятельную помощь Клары Цеткин и Франца Меринга. Тысячи напечатанных в подполье листовок попадали на военные предприятия, в окопы и даже на военные корабли. Но машина войны, несущая смерть и разрушения, еще не остановилась, — скрипя и кряхтя, она все еще перемалывала людей и уничтожала плоды человеческого труда. Голод разросся до гигантских размеров. В городах женщины и старики падали на улицах от истощения. То там, то здесь вспыхивали эпидемии. Чахли дети. Смертность грудных младенцев достигла ужасающей цифры. В отчаянии, но все более гневно сжимали кулаки рабочие, солдаты и матросы. Пора положить безумию конец! 4 ноября 1918 года матросы Киля обратили свои пушки против врага в своей собственной стране. В Германии началась революция.

Это был великий день в жизни Клары Цеткин. Только болезнь омрачала ее радость. На протяжении уже нескольких месяцев она боролась с растущей слабостью. Сейчас, когда буревестники революции кружились над Германией, тяжелая болезнь свалила Клару в постель. Шум революции доходил до штутгартского дома, где лежала Клара, только приглушенно. Опять началась загадочная лихорадка, которая так часто изнуряла Клару. В середине ноября на несколько дней кривая температуры совершенно неожиданно спала, и Кларе сообщили, что Роза Люксембург, как и Карл Либкнехт, тоже вышла на свободу. Клара в полном сознании поставила свою подпись рядом с подписями Карла Либкнехта и Франца Меринга под составленным Розой Люксембург обращением к пролетариям всех стран. Вскоре оказалось, что лихорадка дала только передышку. На следующий день Клара снова погрузилась в бессознательное состояние — и

теперь уже надолго. Врачи признали ее почти безнадежной.

Когда Клара бредила, ей казалось, что она стоит рядом с товарищами на баррикадах и ораторских трибунах. В это время Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Лео Иогихес, Вильгельм Пик и другие были вынуждены вести борьбу в необычайно тяжелых условиях. Обстановка осложнялась еще и тем, что маленькая, но очень влиятельная группка правых социал-демократов, засевших в правлении партии, изо всех сил пыталась помешать революции, сдержать ее и задавить. Исторические ноябрьские дни 1918 года показали левым их роковую ошибку: у них не было ни собственной партии, ни твердой программы, ни достаточного количества хорошо политически подготовленных борцов. «Союз Спартака» сам по себе был недостаточно силен, чтобы организовать революцию и руководить ею. Позже Клара Цеткин часто вспоминала о предостережениях русских революционерок…

Но болезнь все еще приковывала Клару к постели. До нее не доходило никаких известий о событиях в Германии. Она не знала, что уже через двадцать четыре часа после начала боев в Берлине правые социал-демократы вступили в сговор с контрреволюцией. Контрреволюция подняла голову: была расстреляна рабочая демонстрация и арестованы вожди НСДПГ и «Союза Спартака».

Незадолго перед рождеством здоровье Клары Цеткин улучшилось. Температура снизилась. Больная избавилась от лихорадки, однако была по-прежнему очень слабой. Но ум ее не хотел мириться с бездеятельностью, и родственники должны были дать ей газеты. Клару охватило чувство горечи и гнева. Бывшие товарищи по партии оказались предателями! Она хотела немедленно отправиться в Берлин, но сильная слабость помешала ей осуществить это намерение. Незадолго до Нового года выздоравливающей разрешили встать. В это время Германией правили социал-демократы Эберт, Шейдеман и Носке[38] — будто бы по поручению Советов рабочих и солдатских депутатов, а на самом деле в союзе с реакцией. Кларой овладело глубокое возмущение, когда она узнала, что эти предатели послали правительственные войска против дивизии революционных моряков и на улицах столицы идут бои.

Теперь ничто не могло удержать Клару дома. Она телеграфировала друзьям, договорилась о встрече и, несмотря на большую слабость, отправилась в Берлин. Там ей рассказали, что «Союз Спартака» в ближайшие дни создаст Коммунистическую партию Германии. Клара, еще не совсем оправившаяся от болезни, тотчас же высказала готовность бороться в самой гуще событий — в Берлине. Друзья долго совещались…

На следующий день Клара поехала обратно в Штутгарт.

Вокзалы и поезда были переполнены. Старую, скромно одетую женщину часто толкали, но она даже не замечала этого. По ее сумрачному лицу было видно, что она напряженно думала о чем-то неприятном. Но постепенно суровая складка, лежавшая между насупленными бровями, разгладилась. Может быть, друзья, и прежде всего Роза, правы, когда советуют ей еще некоторое время оставаться в рядах НСДПГ и продолжать работать в Штутгарте, на своем старом поприще? Разве всем сердцем не принадлежит она женскому движению, которое составляет смысл ее жизни?! Нет, совет друзей не так уж плох!.. Если она его примет, то еще целые недели и месяцы она будет оказывать влияние на работниц из рядов НСДПГ, большая часть которых знает Клару на протяжении долгих лет в прислушивается к ее словам.

Тяжелая поездка стоила Кларе много сил. Вопреки своему желанию, она должна была хотя бы на несколько дней дать себе передышку. Все ее мысли были с друзьями. Она следила по газетам за ходом боев, писала статьи, а как только ей позволило здоровье, сразу же стала выступать на собраниях. Правительство, во главе которого стали «социалисты», уже начало преследовать молодую Коммунистическую партию Германии. Контрреволюция, перейдя в наступление, стремилась уничтожить коммунистов. В последние ночи, когда Клару мучила бессонница, она сквозь ставни окна замечала у своего дома какие-то подозрительные фигуры. Или ей мерещились привидения?

Кларе долго не пришлось раздумывать, является ли сброд, шныряющий вокруг дома, порождением ее фантазии. Она потеряла на мгновение сознание, когда до нее дошла страшная весть: Роза и Карл убиты, убиты наймитами реакции! Не сразу осознала она весь ужас происшедшего. Родственники стали опасаться рецидива болезни. Но Клара — воплощение энергии, она больше не даст недугу свалить себя! Горе и возмущение охватили Клару. И в этот самый тяжелый час своей суровой и трудной жизни она поклялась, что будет до последнего дыхания бороться за победу революции в Германии, за то, чтобы убийство Карла, Розы и бесчисленного множества рабочих не осталось бы неискупленным!

Кажется, нет горя, которое миновало бы Клару Цеткин. В этом же месяце умер Франц Меринг, ее старый, уважаемый друг. Теперь только она одна осталась в живых из «горсточки четырех стойких»! Как и умершие, она будет до самого конца непоколебимо стоять в боевых рядах! Она снова чувствует прилив сил. Болезни, заботы и горе сделали седой голову Клары, избороздили морщинами и складками ее лицо, резко очертили суровую линию рта, но в глазах ее, как и прежде, горела

решимость бороться. Теперь и подавно! Она готова!

Ее ничуть не тревожил тот сброд, что по ночам рыскал вокруг ее дома. Много времени спустя Клара узнала, что и она, как Роза и Карл, должна была быть убита наемными убийцами. В конце концов наймиты были отозваны назад. Реакционеры сочли, что убийство Клары Цеткин, которую так любили повсюду в Германии и особенно в Швабии, было чревато для них слишком серьезной опасностью.

Клара с непреклонностью принялась за работу. События, происшедшие в начале 1919 года, вынудили Клару подвести неумолимые итоги всей своей прошлой деятельности в рядах партии, где совсем недавно «кровавая собака» Носке был ее товарищем… Она всю жизнь сеяла семена социалистической революции в умах и сердцах рабочих и работниц. Семена падали на восприимчивую почву, заранее подготовленную эксплуатацией и обнищанием. Посев при тщательном уходе зазеленел, вырос, всходы заколосились. Когда настало время жатвы, не хватает рук, чтобы убрать урожай и снести его в амбары! В партии не было твердого ядра. Теперь Клара осознала и свою ошибку: ради единства партии, ради неправильно понятого единства, она недостаточно настойчиво требовала открытого размежевания действительно революционных членов партии с реформистами и оппортунистами, составлявшими большинство. Она нередко смазывала противоречия, лишь бы только сохранить единство. Теперь она пожинала плоды того, что некогда превратила единство в фетиш.

Клара внимательно следила за событиями в России. Там тоже шли жестокие бои. Чтобы уничтожить молодую Советскую республику, капиталистические государства оказывали русским контрреволюционерам — белогвардейцам — помощь деньгами, оружием и солдатами. Но во главе Советской республики стоял Владимир Ильич Ленин, деяния которого вызывали у Клары Цеткин глубочайшее восхищение. Республика непреклонно увеличивала свои революционные силы. Ленин и партия большевиков крепко держали в руках власть и руководили борьбой масс. И в час великого подведения итогов огромная разница между ходом русской революции и ходом революции в Германии заставила Клару Цеткин, ученицу Маркса и Энгельса, прийти к исключительно важному убеждению, что Ленин — великий наследник ее великих учителей. Клара перешагнула уже порог старости, но это ей, однако, не помешало так же основательно изучить произведения Ленина, как некогда в юности сочинения Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Несколько позже, в марте 1919 года, Клара Цеткин порвала с

НСДПГ. Перед своим выходом из партии она сурово свела счеты с руководителями НСДПГ. Почему они отказались от поставок продовольствия, предложенных молодой Республикой Советов? Те пытались объяснить свое поведение ссылкой на голод и нищету русского пролетариата. Клара не признавала избитых и пустых отговорок и дала этим горе-руководителям урок международной солидарности.

— Взять у терпящего нужду брата последний кусок хлеба, которым он готов поделиться, и в лучшие времена воздать ему за его дар — тоже проявление международной солидарности, — сказала Клара.

Эта речь была началом вызвавшего сенсацию разрыва Клары Цеткин с НСДПГ. В своем публичном заявлении она писала: «Положение вещей таково, что я открыто заявляю: дальнейшее пребывание вместе с правыми в НСДПГ для меня невозможно. Я поставлена перед необходимостью самым резким образом провести разграничительную линию между ними и мною. Почти сорок лет борюсь я за осуществление социалистических идей. Какой бы старой я ни была, — а мне, вероятно, осталось жить недолго, — я все же хочу это время, пока у меня есть еще силы, сражаться на той стороне, где чувствуется живая жизнь, а не там, откуда на меня глядят бессилие и разложение. Я не хочу, чтобы на меня, пока я жива, веяло дыханием политической смерти…»

Клара Цеткин сдержала свое слово. До последнего дыхания стояла она в боевых рядах партии, которая борется за счастливое будущее человечества: в рядах молодой Коммунистической партии Германии и в рядах Коммунистического Интернационала.

МНОГОЕ НАДО НАЧИНАТЬ СНАЧАЛА

Сразу же после вступления в Коммунистическую партию Клара Цеткин, испытанный борец «Союза Спартака», была избрана в состав Центрального Комитета.

Еще совсем молоденькой девушкой она без всяких колебаний «сожгла корабли своего буржуазного прошлого».

А теперь, уже в преклонном возрасте, Клара Цеткин так же решительно и безоговорочно порвала с социал-демократией. В юности ей помогли правильно ориентироваться на новом поприще работы Маркса и Энгельса, в старости ей помогают найти верный путь произведения Ленина. И она, не жалея трудов, упорно и неустанно изучала сочинения Ленина. Клара поняла, насколько никчемными становятся все самые прославленные теоретики II Интернационала, когда сравнишь их с Лениным. Из работ Ленина она узнала, что капитализм не находится больше в стадии расцвета. Обуреваемый безумной жаждой завоеваний и добычи, он прогнил до основания и достиг в империализме своей последней стадии.

Новые взгляды оказали плодотворное влияние на неутомимую деятельность Клары в рядах КПГ. Она опять занималась работой среди женщин. Кларе тяжело было сознавать, что ей не осталось ничего иного, как начинать сначала то, чему она отдала всю свою жизнь. Перед тем как выйти из НСДПГ, она беседовала с очень многими социалистками, разоблачала предательскую роль лидеров социал-демократии, вскрывала допущенные ими ошибки и указывала на несостоятельность этой партии. Однако в новую, Коммунистическую партию вместе с Кларой вступило лишь небольшое число женщин. Но Клара не потеряла мужества. Не зная передышки, она агитировала и проводила большую работу, чтобы организовать в рядах только что созданной партии надежные и активные женские группы. Она ездила по всей Германии, разъясняя пролетаркам цели коммунистического движения и вскрывая недостатки Веймарской республики[39]. Клара всегда показывала своим слушательницам сомнительную ценность преподнесенного им подарка — «равноправия» женщин. Это «равноправие» было таким же формальным, как и вообще вся демократия в буржуазной республике.

Правда, для Клары Цеткин новые законы о женском «равноправии» имели, несомненно, одну положительную сторону: наконец-то и ее кандидатуру можно было выставить на выборах в

рейхстаг. В возрасте шестидесяти трех лет она впервые выступила как кандидат на собраниях избирателей. В своих предвыборных речах Клара все время настойчиво и убедительно показывала немецким рабочим, что Великая Октябрьская революция всегда должна служить им ярким примером в их борьбе. Бичуя вождей германской социал-демократии, она обвиняла их в том, что они то и дело всаживают нож в спину революции. Рабочие тоже видели это каждый день собственными глазами. Кайзер сбежал в Голландию, однако его подручные — генералы и помещики, хозяева биржи и рудников — по-прежнему держали в руках бразды правления. Изменилась только вывеска, а сущность осталась та же.

Обстановка, сложившаяся в Германии, внушала многим настоящим коммунистам отвращение к их собственной родине. Они признавались Кларе, что хотели бы отправиться в Россию, чтобы принять участие в социалистическом строительстве и в борьбе с интервентами. Клара Цеткин не любила распространяться о своих личных переживаниях. Но когда таких высказываний становилось все больше и больше, она на III партийном съезде обратила свою речь в адрес этих товарищей; «…Поверьте мне, что я хотела бы давно быть в России, меня тянет туда всей душой. Почему же я остаюсь здесь? Я стыдилась бы бежать из Германии, где революционное движение развивается недостаточно быстрым темпом. Именно здесь нужно с удвоенной, удесятеренной энергией бороться за революцию….» Клара остается на родине, хотя уже многие годы, «душой стремясь в желанную страну», она обращала взоры на восток Европы. Сперва надо в Германии выполнить свой долг!

Как только Клара Цеткин и еще один товарищ с мандатами первых депутатов КПГ вступили в рейхстаг Веймарской республики, тотчас же его зал стал трибуной убеленной сединами коммунистки. Первую свою речь она обратила к широким массам, через границы стран, к людям всех национальностей — вдохновенная поборница и глашатай тех «десяти дней, которые потрясли мир»

Наконец наступил день, когда Клара, как делегат Коммунистической партии Германии, смогла отправиться в желанную страну — страну Великой Октябрьской революции, — чтобы принять участие в работе конгресса Коммунистического Интернационала. Правда, там еще продолжались жестокие бои Красной Армии с русскими и иностранными контрреволюционерами. Это не испугало Клару. Она была очень рада, что будет вместе с русским народом в тяжелое для него время, в самый разгар борьбы. В августе 1920 года Клара

отважилась на сопряженную с большими трудностями поездку. Она испытывала такое нетерпеливое и радостное чувство, словно ехала на родину.

В Гатчине Клару Цеткин окружили красноармейцы, которых молодая Советская республика послала навстречу своему верному другу. Они были из числа тех, кто отбил от Петрограда белогвардейские орды Юденича. Среди них находились и старики с развевающимися бородами и юноши, почти еще дети, в самых невероятных одеждах. Они бурно приветствовали Клару Цеткин. Многие уже слышали ее имя и хотели пожать ей руку. С такой замечательной охраной Клара Цеткин в бронированной дрезине поехала в Москву. Во время поездки она спала крепким и спокойным сном: в этой стране под защитой таких надежных людей она чувствовала себя в полной безопасности.

Сразу же после приезда она отправилась в Кремль. Ленин как раз вел заседание в Свердловском зале. При появлении Клары он встал, пошел навстречу и радостно ее обнял. Позже, во время заседания, Клара озабоченно и испытующе вглядывалась в лицо Владимира Ильича. Это было в Штутгарте в 1907 году, когда она его видела в первый и единственный раз. Ленин был так же деятелен и энергичен, как и прежде, однако его лицо, ставшее более суровым, говорило о многих бессонных ночах. Одно показалось Кларе совершенно не изменившимся, и она могла бы поклясться в этом: вождь и руководитель Великой Октябрьской социалистической революции носил тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, что и тринадцать лет тому назад.

Недолго пробыла Клара в России, но она сумела многое увидеть. Она посещала крупные промышленные предприятия, в гигантских цехах выступала перед их собственниками — русскими рабочими. Повсюду она встречала энтузиазм и упорное желание, несмотря на голод и лишения, отстоять и построить государство рабочих и крестьян, одновременно действуя ружьем, кельней строителя и лемехом плуга. Свое самое сокровенное желание, то, за что она боролась всю свою жизнь, Клара на каждом шагу видела воплощенным в действительность: на предприятиях, в учреждениях, в новом государственном аппарате — повсюду женщина стоит в первых рядах строителей новой жизни. Впервые в истории она обладает равными с мужчиной правами! Клара увезла домой богатые, незабываемые впечатления.

Возвратившись на родину, Клара Цеткин стала рассказывать женщинам-коммунисткам об увиденном в Советской России. На объединительном партийном съезде НСДПГ и КПГ она передала им привет от девятисот беспартийных московских работниц.

«После моего рассказа об обстановке в Германии и борьбе немецких коммунисток, — описывала Клара делегатам московское собрание, — из среды этих женщин, переносящих тяжелые лишения и не покладая рук работающих для обороны и дальнейшего развития Советской России, был задан вопрос: «Что могли бы сделать русские пролетарки, чтобы помочь своим сестрам в Германии в их борьбе с капитализмом?» Я, товарищи, должна сказать, что никогда не видела более волнующего и трогательного проявления международной солидарности трудящихся, чем эта готовность беспартийных русских работниц оказать помощь немецкому пролетариату».

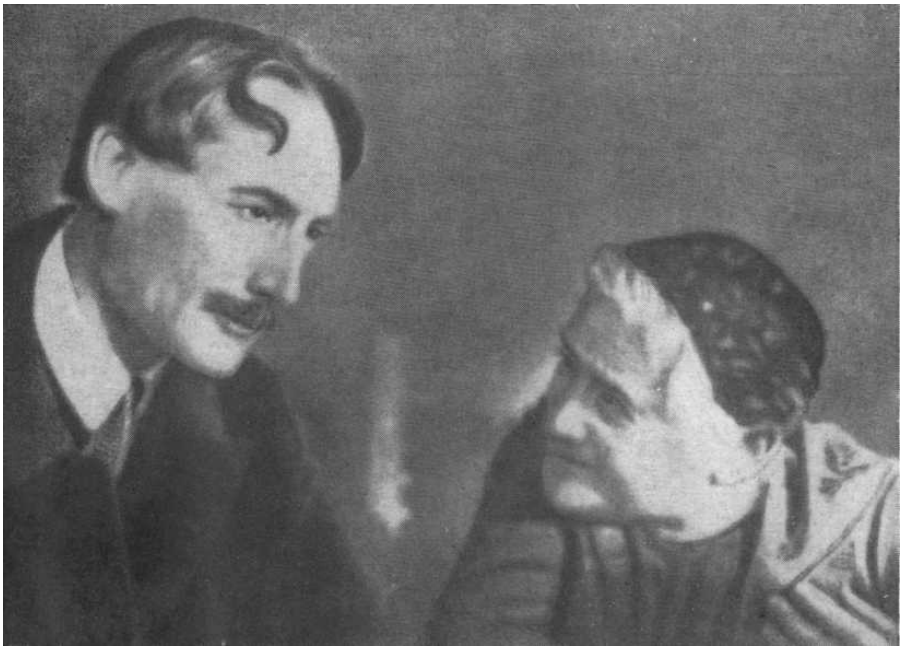
Клара на съезде прославляла большевиков за их мужество и упорство, неутомимость и личную непритязательность в бою и в труде. Она прямо заявила немецким коммунистам: «Быть коммунистом — ко многому обязывает. Обязывает не только к борьбе с силами капитализма в обществе. Обязывает также к повседневной, ежечасной борьбе с пережитками капиталистической морали в собственном сознании. Быть коммунистом — значит быть новым человеком, лучшим человеком, более самоотверженным, более энергичным, более отважным человеком, чем тот, которого создала капиталистическая мораль».

Каждый день и каждый час Клара Цеткин помогала воспитанию этого нового человека, никогда не забывая, что прежде всего надо начинать с себя.

ПО ЗАДАНИЮ КОМИНТЕРНА

Русские рабочие и работницы, красноармейцы и крестьяне были очень рады, что Клара Цеткин, соратница Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля, безоговорочно встала на их сторону и на сторону недавно завоеванной ими свободы. Руководимый Лениным Коминтерн относился с огромным доверием к Кларе, которая после целых десятилетий борьбы в первых рядах II Интернационала раз и навсегда порвала с ним. Клара за время своей долгой политической деятельности впадала иногда в заблуждения — такова уж она! — но всегда быстро распознавала и исправляла свои ошибки. Жизнь и борьба Клары Цеткин были прямолинейны. Она всегда отдавала все свои силы делу пролетариата и никогда не щадила себя. Поэтому такой примерной коммунистке Ленин и руководители Коминтерна дали очень почетное задание. Она, как делегат II Интернационала, должна была в декабре 1920 года принять участие в работе учредительного съезда Французской коммунистической партии. Ленин поручил ей расправиться в Туре с теми французскими социалистами, которые, подобно предателям из немецкой социал-демократии, изменили рабочему классу и заделались прислужниками буржуазии.

Торжественная встреча Клары Цеткин на берлинском вокзале 31 августа 1927 года. Справа — Вильгельм Пик.



Клара Цеткин и Анри Барбюс.

Во время войны среди французского народа искусственно насаждался шовинизм. Часть населения до сих пор охвачена им. Даже среди делегатов съезда было немало людей, которые относились с одобрением к лозунгу: «За все заплатят боши!» В этой среде, отравленной шовинизмом, Клара заявила:

— Пролетариат Германии не ждет пересмотра Версальского договора ни от немецких капиталистов, ни от капиталистов Франции, Англии или других стран. Он не ждет пересмотра этого договора и путем реванша и войны, о которой мечтают кое-какие глупцы. Только могучая рука революционного пролетариата, будь то во Франции или в Германии, аннулирует этот навязанный силой договор и создаст между обоими народами союз человечности, братства и революционной солидарности.

Клара Цеткин рассказала в Туре об ожесточенных и героических боях русских рабочих, рассказала увлекательно и правдиво Когда она потребовала от пролетариев Франции, чтобы они всегда, всеми силами поддерживали Советское государство, навеянные шовинизмом настроения сменились настоящей бурей воодушевления и братской солидарности.

Для многих французских пролетариев неожиданное появление Клары на съезде было настоящим событием. «Французы, участвовавшие в работе съезда, во время короткого выступления Клары Цеткин могли убедиться, — писала

«Юманите», — что она, несмотря на жизнь, проведенную в непрерывной борьбе, сохранила свою молодость души, свое мужество, свое воодушевление и силу своего ясного ума. Не забывайте, что эта женщина с ее неукротимой энергией была в течение долгих лет соратницей и другом Розы Люксембург — такой же, как она, вдохновенной и готовой пожертвовать жизнью ради дела революции… Партия может гордиться, что в ее рядах находятся такие люди. На глазах многих слушателей появились слезы, когда Клара обратилась к пролетариату с призывом бороться за победу мировой революции. Каким хорошим уроком было это для мужчин, собравшихся в зале, где проходил съезд, когда эта убеленная сединами женщина словами, в которых мы чувствовали дыхание пламенного воодушевления, напомнила нам о нашем долге!»

Так Клара Цеткин краткой речью внесла свою долю в создание могучей теперь Французской коммунистической партии.

Переход французской границы и поездка в Тур в декабре 1920 года были сопряжены с большими трудностями. Клара должна была считаться с опасностью ареста. Незадолго до поездки во Францию ей попалась на глаза заметка в газете «Матэн»: «Если Клара Цеткин будет обнаружена, ее арестуют… Правосудие отнесется к ней со всей строгостью…» Подобные угрозы не в состоянии были запугать Клару. Уже в следующем году ей опять, как уполномоченной Коминтерна, удалось совершить еще более опасный переход границы и тайком приехать в Италию. В Милане, на конгрессе социал-демократической партии, тоже нужно было как следует расправиться с реформистскими элементами, погрязшими в болоте предательства. Итальянские власти узнали о намеченной поездке Клары. Питая честолюбивые мечты схватить прямо на границе эту «красную агентшу», они подняли на ноги самых испытанных сыщиков, а те пустились на свои изощренные хитрости. Но тщетно! Никакая Клара Цеткин не переходила границы.

Перед открытием Миланского конгресса сильные наряды полиции заняли все входы. Полицейские и даже рабочие, собравшиеся в зале, уже решили, что Клара отказалась от трудной и опасной поездки. И вдруг совершенно неожиданно в зале появилась седая женщина. Участники конгресса несколько секунд не могли прийти в себя от изумления, вслед за тем разразилась буря аплодисментов. Итальянские товарищи приветствовали Клару с неистовым ликованием. У Клары стало тепло на душе от этой восторженной встречи, но это не помешало ей тотчас же со всей определенностью заявить:

— Я прошу вас адресовать ваши рукоплескания не мне, а Коммунистическому Интернационалу. Я прибыла не для того, чтобы пожинать здесь аплодисменты, а для того, чтобы исполнить довольно серьезную обязанность.

И она, не медля ни минуты, принялась расправляться с реформистами на чистейшем итальянском языке, так что каждое ее слово было понятно рабочим. Оппортунистические вожди, которые еще за несколько минут до этого приветствовали Клару своими рукоплесканиями, заволновались. Они стали перебивать ее каждую минуту. Но Клара не потеряла самообладания. Она провела параллель между итальянскими и немецкими реформистами, которые убили из-за угла Розу Люксембург и Карла Либкнехта и на совести которых была смерть семнадцати тысяч пролетариев. В Милане так же, как и в Туре, она закончила свою речь призывом под знаком революционной солидарности поддерживать и защищать Советскую республику.

Полиция, которой не удалось арестовать Клару при въезде в Италию, готовилась схватить ее после окончания конгресса. Но не так-то просто было это сделать! Группы рабочих, охраняя Клару, окружили ее кольцом, проводили до ждущего на улице автомобиля, создали вокруг нее живую стену. Полиция предпочла, во избежание драки с рабочими, следовать по пятам за автомобилем Клары и схватить ее, когда она будет выходить из машины. Один полицейский автомобиль следовал за машиной Клары, другой перегнал ее. Когда машина, в которой ехала Клара, остановилась у миланского отеля, там ее уже ждали полицейские. Из автомобиля, приветливо улыбаясь, вышла грациозная молодая женщина с каштановыми кудрями. Одураченные сыщики с удивлением и злостью заглянули в машину. Там они нашли белый парик и палку…

А в это время другой автомобиль доставил Клару Цеткин к ближайшей границе. Днем по дороге, в Милан в ярком солнечном свете, а теперь при свете автомобильных фар она видела на стенах многих домов и церквей начертанные мелом или выведенные краской слова: «Да здравствует Ленин!» Этими словами итальянские рабочие выражали свою надежду и глубокую веру в лучшее будущее, воплощение которого они видели в Ленине и в Октябрьской революции…

Клара беспрепятственно перебралась через грани-цу. Ее личность и ее слова надолго остались в памяти итальянских рабочих. Неделями по всей стране — на рисовых полях, в селитряных рудниках и в цехах заводов — продолжались споры о речи старой немецкой коммунистки. В сердцах многих итальянских рабочих пробудилось доверие к молодой

Коммунистической партии[40] и к III Интернационалу.

ПЕРЕД ВЫСШИМ СУДОМ

Всю жизнь Клара чувствовала себя ответственной за все свои действия и упущения только перед одним судом — судом своей совести. Эта чистая, неподкупная совесть настоящей марксистки явилась причиной избрания Клары еще в 1901 году в контрольную комиссию правления партии и принесла ей почетное звание «Совести партии». Стойко и мужественно боролась Клара во многих боях.

Теперь она входит в состав Центрального Комитета Коммунистической партии Германии. Здесь тоже часто возникают сильные разногласия. Клара Цеткин, умудренная большим опытом, видит в них лучшее доказательство здорового роста недавно созданной партии. Она посильно словом и делом способствует этому росту. В разногласиях по поводу тактических вопросов сталкиваются противоположные взгляды. Мнение Клары не находит одобрения. Она считает, что после всех «за» и «против» необходимо прийти к единодушному решению. Когда, однако, единодушия не достигнуто и все спорные вопросы по-прежнему остаются неразрешенными, Клара чувствует, что дальше она не может перед своей совестью нести ответственность за политику, проводимую высшей партийной инстанцией. Поэтому она, старая коммунистка, совершенно неожиданно и демонстративно выходит из состава Центрального Комитета. Клара Цеткин прекрасно понимает, что такой поступок — тягчайшее нарушение дисциплины. Может ли она оправдать этот шаг перед своей совестью? Она думает, что может: по ее мнению, слишком затянувшиеся разногласия товарищей по тактическим вопросам приносят партии вред. Поэтому-то она и отказывается от дальнейшей совместной работы с ними.

Летом 1921 года в Москве был созван конгресс III Интернационала. На повестке дня стояли важные политические вопросы, в том числе и вопрос о разногласиях в Коммунистической партии Германии по тактическим-проблемам, разногласиям, которые повели к внезапному выходу Клары Цеткин из Центрального Комитета. На этот раз Клара поехала в страну, где осуществляются ее мечты, в подавленном состоянии. «Тяжело, очень тяжело угнетало меня сознание, — писала она позже, — что таким «нарушением дисциплины» я оказалась в резкой оппозиции к тем, кто и политически и лично стоял ко мне ближе всего, то есть к русским друзьям. Я знала, что меня ожидают очень жаркие бои, и твердо решила принять этот бой,

безразлично, одержу ли я победу или потерплю неудачу».

«Я, как и многие приезжавшие в то время из западных стран, — рассказывала Клара много лет спустя, — должна была уплатить дань перемене образа жизни и слегла. Ленин навестил меня. Заботливо, как самая нежная мать, осведомился он, имеется ли за мной надлежащий медицинский уход, получаю ли я соответствующее питание, допытывался, в чем я нуждаюсь, и т. д. Ленин усомнился, все ли так хорошо, так великолепно, как мне казалось. Особенно он выходил из себя по поводу того, что я жила на четвертом этаже одного советского дома, в котором, правда, в теории имелся лифт, но на практике он не функционировал. «Точь-в-точь, как любовь и стремление к революции у сторонников Каутского», — заметил Ленин саркастически…»

В тот раз, когда Ленин со своей женой Крупской навестил Клару[41], которую нужно было щадить, он ни единым словом не обмолвился по поводу «грехов» Клары. Но она чувствовала себя очень стесненно. Она была убеждена, что после ее выздоровления разразится изрядная гроза и не последнюю роль в этом сыграет ее выход из Центрального Комитета партии.

Предположения Клары оказались правильными. Сразу же после того, как она стала выходить, Ленин пригласил ее в Кремль для беседы. Он встретил ее крепким сердечным рукопожатием в своей рабочей комнате, у письменного стола, который, не нося следов «гениального беспорядка», свидетельствовал о неутомимой деятельности[42]. Ленин тотчас же потребовал от Клары Цеткин доклада о положении в Германии и в партии. Он внимательно прислушивался к словам старой коммунистки.

Клара кончает свой рассказ. И Ленин откровенно, убедительно и обстоятельно говорит с ней о спорных вопросах тактики, упоминает о ее внезапном выходе из Центрального Комитета. Он хочет помочь коммунистке, которую так высоко ценит, занять в спорном вопросе правильную позицию. Ленин, правда, соглашается, что ее противники вели себя ошибочно. Клара прерывает Ленина:

— Думаете ли вы, может быть, дорогой товарищ Ленин, что вы должны мне также преподнести несколько крох в утешение, так как мне предстоит проглотить этот компромисс, но я обойдусь без утешения и без бальзама.

— Нет, — возразил Ленин, — я об этом не думал. В доказательство я вам сейчас же дам хорошую трепку. Скажите, как могли вы совершить такую капитальную глупость, именно капитальную глупость, — убежать из ЦК? Куда девался ваш разум? Я был возмущен этим, крайне возмущен. Можно ли было действовать так безрассудно, не считаясь с последствиями такого

шага, не поставив нас в известность об этом, не запросив нашего мнения;

Ленин не соглашался с доводами Клары.

— Вот еще! — восклицает Ленин с живостью. — Вы не имели права отказаться от оказанного вам доверия…

Несмотря на суровую критику со стороны Ленина, Клара остается «нераскаявшейся». Ленин переводит разговор на другую тему. И прощание Ленина с Кларой проходит так же сердечно, как и встреча. Они слишком хорошо знают, что эта личная беседа является только прологом к решающим дням суда.

Эти дни не заставляют себя долго ждать. Вскоре после разговора в Кремле начинается III Всемирный конгресс Коминтерна.

«Атмосфера крайнего напряжения наполняет огромный высокий кремлевский зал, в котором ярко-красный цвет народного коммунистического дома скрадывает у сверкающего золотом царского дворца оттенок холодности и чопорности.

В сильнейшем нервном напряжении следили за ходом заседаний сотни делегатов и густая толпа слушателей».

На повестке дня III Всемирного конгресса стоят вопросы, имеющие огромное значение для партий, входящих в состав Коминтерна. Во время многодневных обсуждений делегаты ищут правильных решений. Клара Цеткин часто подвергается сильным нападкам за ошибочные взгляды и за выход из Центрального Комитета.

Нелегко ей, старой, заслуженной коммунистке, выслушивать резкие упреки и выговоры русских друзей и товарищей из других стран. Но на ее лице не видно выражения оскорбленного самолюбия. Она воспринимает суровую критику без всякой заносчивости. Постепенно Клара, всегда требовавшая самокритики от других и от самой себя, начинает понимать ошибочность своего поведения. Неужели ее совесть не является больше надежным компасом? Она соглашается с резолюциями III Интернационала и по собственному побуждению торжественно обещает всеми силами содействовать проведению этих решений в жизнь.

И раньше, когда она была моложе, партийные съезды требовали от Клары всех ее сил, а этот Всемирный конгресс стоит ей в несколько раз большего напряжения. Да и русский климат для нее непривычен. Каждый вечер она ложится в постель смертельно усталой. Накануне своего дня рождения, когда ей исполнится шестьдесят четыре года, она с оттенком сарказма думает о том, что ей нечего подвергать себя суду, как она привыкла это делать. Ведь на этот раз товарищи взяли на себя ее

обязанность и притом сделали это очень основательно!

На следующее утро, оживленно беседуя с французским делегатом, Клара приходит в Кремль. Она быстро идет на свое место в зале заседаний — и вдруг останавливается в изумлении. Преследуют ее галлюцинации? Нет! Место, на котором она обычно сидит, действительно убрано великолепными цветами! Она пытается подавить охватившее ее волнение. Ей трудно понять, как это товарищи среди серьезной и напряженной работы не забыли о дне рождения «дряхлой старухи» (как Клара часто себя называет), которая только еще и может, что скромно и честно служить делу. Но это не все! В том же самом зале, где только вчера она получила «самую сильную в жизни трепку», сегодня ей устраивают торжественное чествование. Видные коммунисты воздают должное заслугам Клары, ее борьбе против оппортунизма и империалистической войны, ее мужественной защите Октябрьской революции, ее неподкупности и боевому духу. Ей преподносят цветы, букет за букетом, пока их не становится целая гора. Это самые яркие, самые роскошные по краскам и самые великолепные цветы, какими только богата русская земля.

— Вы лишаете меня силы, — отвечает Клара Цеткин, глубоко взволнованная этим чествованием, — когда обращаетесь ко мне со словами признания и похвалы. Когда же вы нападаете на меня, я чувствую себя вполне хорошо. Меня утешает мысль, что даже этим приношу я пользу — помогаю достичь ясности для дальнейшего развертывания революции. А когда вы меня хвалите, я чувствую себя подавленной: я вспоминаю все, чего я хотела и не смогла добиться; думаю о всем том, что дала мне жизнь и идея революции, и сознаю, что, к сожалению, останусь в долгу перед революцией, потому что силы мои ограничены.

Посреди речи Клару вдруг охватывают воспоминания о Розе Люксембург:

— Все, чем я была и что совершила, было нашим общим с Розой Люксембург делом… Все эти цветы здесь я мысленно возлагаю на ее могилу…

Старая Клара с волнением закончила свою краткую речь словами:

— Признаюсь, что у меня есть только одно сокровенное желание, исполнению которого вы все можете содействовать. А именно — работать и бороться ради того, чтобы я не отправилась в могилу, прежде чем не увижу революции в Германии и по возможности в других странах…

Когда после окончания III Всемирного конгресса Коминтерна Клара собиралась возвращаться в Германию, Ленин напутствовал

ее еще одним указанием:

— Вы должны, несмотря на ваше нежелание и нерасположение, безусловно войти в ЦК партии. И вы не должны больше оттуда убегать, даже если вам лично покажется, что вы имеете на это право, или что вы даже обязаны это сделать. У вас нет никакого права, кроме права в тяжелое время служить партии и пролетариату…

Этот конгресс научил Клару тому, что для коммунистки есть только один высший суд: III Интернационал, я что коммунистка обязана в интересах партии соблюдать дисциплину. Только партия является совестью коммунистки.

21 января 1924 года под Москвой, в Горках, умер Владимир Ильич Ленин. Его смерть потрясла пролетариат всего мира. Сердце самого мужественного и прозорливого друга рабочих перестало биться.

Смерть Ленина, которого Клара Цеткин как непревзойденного великого вождя мирового пролетариата ставила в один ряд с Марксом и Энгельсом, причинила ей глубокое горе.

После кончины Ленина Клара взвалила на себя огромную работу. Она до предела напрягала все свои силы: как секретарь Женского секретариата Коминтерна руководила из Москвы коммунистическим женским движением, выступала в германском рейхстаге и на массовых митингах. В своих речах она разоблачала врагов рабочего класса: предпринимателей, помещиков, офицеров и предателей из числа вождей социал-демократии.

Однако летом 1924 года Клара Цеткин была настолько больной и изнуренной, что консилиум врачей категорически запретил ей какую-либо работу и предписал на многие недели, даже, может быть, и на месяцы полнейший покой. Клара подчинилась этому требованию и уехала на Северный Кавказ, в маленькое местечко, лежавшее среди гигантских лиственных лесов. Голые каменные громады круто вздымались б южное небо. Ясени, дубы и клены, окружавшие домик, где жила Клара, своим шелестом напоминали ей родину. Царящий здесь покой и целебные источники должны были облегчить ее страдания.

Но такому привыкшему к борьбе человеку, как Клара Цеткин, очень трудно было переносить вынужденное безделье и оторванность от мировых событий, тем более на длительный срок. «Что-то в моей груди, — писала она в книге «На освобожденном Кавказе», — не может мириться ни с тишиной, нет с отрешенностью от мира. Я постоянно слышу крик бедствия миллионов людей и мысленно вижу широкое чистое поле последней, решительной битвы, в результате которой

торжествующее человечество освободится, наконец, от закрепощающего проклятия золота».

Каждое утро Клара с огромным нетерпением ждала газет. Первым делом она бралась за немецкую прессу. И однажды в издаваемых реформистами газетах она с удивлением прочла новость: «Великое восстание всего грузинского народа против невыносимого хозяйничанья и тирании Советского государства и его большевистского правительства!» Клара гневно отбросила в сторону газеты: она слишком хорошо знала изощренные козни мировой политики! Восстание в Грузии? И как раз в тот момент, когда немецкая и французская социал-демократия рука об руку с заправилами американских трестов повергает к стопам мирового капитала, словно колонию, такую, нельзя сказать, чтобы маленькую и незначительную, страну, как Германия? Клара Цеткин ни минуты не сомневалась, что сообщения о событиях в Грузии являются грубой ложью.

Ее намерение отдохнуть бесследно исчезло. В прошлом году грузинские товарищи неоднократно приглашали ее посетить их прекрасную страну. Давно уже Клара страстно желала проехать вдоль и поперек какую-нибудь из советских республик, чтобы посмотреть, как зарождается и растет новая жизнь. Ей не терпелось поговорить с рабочими и крестьянами, осмотреть детские дома, больницы, школы, совхозы и промышленные предприятия. Она хотела увидеть собственными глазами, как идет социалистическое строительство.

Клара Цеткин приняла решение: невзирая на преклонный возраст и слабое здоровье, она посетит именно Грузию — страну, где будто бы бушует пламя «мощного народного восстания» против советской власти.

Задумано — сделано! Клара отказалась от опеки врачей и отправилась в Закавказье навстречу работе — своему испытаннейшему целебному источнику. Ее взоры упивались красочным великолепием предгорий Северного Кавказа, чередованием круч и долин, обрывистыми массивами скал, лесами, лугами, полями… Она наслаждалась очарованием благоухающей степи, чье дыхание было насыщено пряным ароматом умирающего тмина. С удовольствием прислушивалась она, как пела степь, как непрерывное стрекотание мириадов кузнечиков сливалось в единый звук, заглушить который не мог ни стук лошадиных копыт, ни грохот автомобиля.

Клара не только наслаждалась несравненными красотами природы — во время поездки она напряженно искала следы «могучего народного восстания», но не могла их найти. Чтобы лучше изучить обстановку, она часть пути ехала по стране в

легкой кавказской повозке. На полях еще были видны засохшие растения — следы недавнего неурожая. Палящая жара и беспрерывно льющие дожди уничтожили надежды крестьян. Теперь крестьяне снова прилежно трудились на полях и дружелюбно кивали проезжавшим мимо путникам.

Разнообразно по своему составу было население больших городов: помимо местного населения, там жили армяне и турки, — но нигде Клара не видела той «душераздирающей нищеты», о которой сочиняли басни вражеские газеты. На вокзалах продавались горячие лепешки и прекраснейший виноград: одни люди наслаждались им молча, другие — оживленно разговаривая и жестикулируя. Нигде Клара не нашла ничего похожего на повстанческие настроения.

С Северного Кавказа автомобиль доставил путешественницу в Грузию. Каждый день десять, а то и больше часов ехала Клара в автомобиле по стране. Но и здесь, несмотря на величайшую внимательность, она не обнаружила ничего, что указывало бы на «восстание и возмущение народных масс», на «кровавый режим террора» и «настроения ненависти и отчаяния». Крестьянские повозки, груженные кукурузой, соломой, овощами или дровами, катились одна за другой в ближайший город. Местные жители, крестьяне, спокойно шли своей дорогой и занимались обычными делами. Вооруженные с ног до головы всадники в живописных костюмах грузинских горцев миролюбиво трусили рысью вдоль по улицам — в горах Кавказа пистолеты и кинжалы были такой же неотъемлемой частью одеяния мужчины, как где-нибудь в другом месте галстук. Даже на мосту через Терек никто не остановил путешественников.

Автомобиль направился к Тифлису. В городе машина проехала по широким, тщательно убранным улицам, заполненным веселыми, оживленно разговаривавшими людьми. Их одежда отличалась яркостью красок; мужчины носили алые, голубые, зеленые или белые блузы. Темноволосые женщины закрывали головы и часть лица тонкими разноцветными шелковыми платками.

Тифлис — чудесная столица Грузии — с давних пор был цитаделью грузинского пролетариата. Здесь в конце прошлого века Сталин, ученик Ленина, проводил революционную работу. Здесь он боролся в подполье, когда за социал-демократическую деятельность был исключен из Тифлисской духовной семинарии. Здесь с ленинских позиций редактировал он рабочую газету.

Тифлис — это сильно пульсирующее сердце Грузии. Но почему здесь не видно восставших народных масс? Где им еще и быть, если не в этом городе? Клара вспомнила заголовки

издаваемых реформистами газет: «Советское правительство в Тифлисе низвергнуто!» «Во внешнем облике города, во всей городской жизни, — записывала Клара Цеткин свои впечатления, — не видно ни малейшего признака хотя бы самого кратковременного общего беспокойства или волнения…»

Но одних внешних признаков еще недостаточно, чтобы Клара составила свое мнение. Если она хочет полностью разоблачить лживые сообщения социал-демократических газет, она должна разобраться во всем по существу. Ради этой цели она готова перенести трудности любого путешествия и принять участие в любой беседе.

Клара Цеткин расспрашивала не только руководителей Коммунистической партии о так называемом восстании в Грузии, но и выслушивала рассказы о происшедших событиях из уст скромных беспартийных рабочих и крестьян, которых она встречала на предприятиях или во время поездок по окрестностям. А результат?

Буржуазные газеты Англии, Франции и Германии, а также социал-демократическая пресса всех стран мололи вздор о «героическом восстании несчастного порабощенного народа, поднявшегося против своих угнетателей». Из единодушных рассказов грузинских рабочих и крестьян Клара узнала, что кое-где ничтожные искорки должны были быть искусственно раздуты в пламя. Нити заговора вели за границу, к изгнанным царским офицерам и грузинским аристократам. Но самыми верными и услужливыми пособниками этих разбитых вздребезги элементов были грузинские меньшевики, собратья Носке и Шейдемана. Они подстрекали народ и распускали по свету слухи, будто английские корабли прибудут в Батум, чтобы оказать помощь мятежникам! Значит, заговор готовился давно! Зачинщиков этого «народного восстания» и мотивы, которыми они руководствовались, Клара охарактеризовала словами: «Если бы мятеж получил более широкий размах, то империализм под пацифистско-демократическим флагом мог бы захватить господство над нефтью и одновременно обеспечить себе позиции для наступления против советской власти».

«Контрреволюционный мятеж готовился давно, — рассказывала Клара, — но, несмотря на стекавшиеся в Грузию турецкие фунты и американские доллары, он с самого начала был обречен на провал, потому что народ никогда бы не поддержал его. С инсценировкой «народного восстания» нигде ничего не получилось. Пламя мятежа, раздуваемое провокаторами, должно было одновременно вспыхнуть в различных районах страны, в важнейших промышленных центрах и прежде всего среди

крестьянства. Но никакого пламени вообще не разгорелось. Только кое-где возникли небольшие вспышки, которые были быстро потушены самими рабочими и крестьянами».

Грузинские рабочие и крестьяне не позволили уничтожить свое государство, которое стоило им бесчисленных человеческих жертв, лишений и трудов. Они самоотверженно боролись за свой новый строй. С какой силой, скромностью и упорством они это делали, Клара узнала уже на первом после мятежа собрании тифлисских железнодорожников. Она отправилась на это собрание, считая, что оно, словно барометр, покажет настроения грузинских масс. Будут рабочие молчаливы или подавлены? Будут ли они враждебно молчать? Ничего подобного! Когда Клара приблизилась к ремонтным мастерским, ей навстречу побежали сияющие от радости рабочие и работницы. Все снова и снова пожимая ей руки, они заботливо повели ее через железнодорожные пути к цеху.

В помещении, где должно было начаться собрание, не было ни красных знамен, ни украшенной трибуны: «Собрание проходило в обстановке величайшей простоты и деловитости… Но эти люди были вчера готовы собственным телом защищать советский строй в своей стране от кого бы то ни было. Серьезно и торжественно, как клятва, прозвучал «Интернационал»… «Клара закончила свой рассказ словами: «Советский строй и национальная независимость Грузии обеспечены, пока революционные отряды пролетариата проникнуты решимостью жить и умереть за них».

НА ОСВОБОЖДЕННОМ КАВКАЗЕ

Клара Цеткин не считала единственной целью своей поездки разоблачение перед всем миром истинных зачинщиков контрреволюционного мятежа в Грузии. Она в то же самое время наблюдала, как в горах и селах Кавказа зарождается и растет новая жизнь. Повсюду в стране цветущие поселки и хорошо возделанные поля красноречиво говорили о том, как прилежные «руки людей преобразуют природу и заставляют ее служить удовлетворению человеческих потребностей». Во время своего путешествия Клара всегда смотрела на эту страну с любовью и восхищением.

В селах, которые посещала Клара, она разговаривала с крестьянами и крестьянками не только о политике, но и о качестве почвы, о лошадях, коровах и свиньях. То же самое делала она и в Германии, Она принадлежала к числу тех немногих товарищей, которые всегда стараются приобщить батраков и мелких крестьян к социалистическим идеям. Клара с радостью слышала о доверии крестьян к Советскому правительству. Разве правительство прошлой осенью не предоставило им точно в срок и в достаточном количестве семена для посева? Они говорили седовласой женщине из Германии:

— В Москве знают, в чем мы нуждаемся, и достаточно сильны, чтобы нам помочь.

Эти беседы показывали Кларе, как растет сознательность крестьян, которые с незапамятных времен были тяжело порабощены и в большинстве своем обречены на неграмотность. Они очень быстро поняли, кто является их истинным другом. Еще вчера они, как и прадеды, бились на своих полях с деревянной сохой, а сегодня Советское правительство посылает им железные плуги и тракторы — поистине чудесные машины, с помощью которых они могут легко обработать свои поля. В Чиатури Кларе рассказали, что крестьяне сами подавили попытку поднять восстание. Уже через двадцать четыре часа советская власть была восстановлена. «В деревне, где я живу, — рассказал, к великому удовольствию Клары, один беспартийный рабочий, — отдельные крестьяне вначале готовы были последовать за подстрекателями. Когда они пришли домой, жены им основательно намылили шею. «Что вы за дураки, — говорили они, — выступать заодно с аристократами? Неужели вы ничего умнее не можете сделать?»

Правда, крестьяне еще не умели писать и читать, но они не были лишены здравого смысла и могли немного считать. Разве

новая власть не давала им семян для посева и машин? Все большее число крестьян вступало в сельскохозяйственные производственные товарищества. Потому что только кооперативы «могут уменьшить хлопоты и заботы крестьян, — констатировала Клара, — и постепенно принести достаток их хижинам… Самые умные из них высчитывают это преимущество на пальцах».

Надежда Константиновна Крупская и Клара Цеткин.

Клара Цеткин в последние годы жизни.

Во время своей продолжительной, часто очень трудной и утомительной поездки Клара Цеткин встречала множество людей, как беспартийных, так и членов партии, которые заботливо, со знанием дела помогали сельскому населению советами и занимались его политическим просвещением. Какого прекрасного крестьянского политика встретила- она в лице руководителя и

вождя маленькой Аджарской республики! «Наука, — с восхищением писала Клара, — не отдалила этого профессора восточных языков от крестьянского населения, а политика самым тесным образом связала его с ними. Во дворе крестьянского дома нет ни одного крестьянина, молодого или старого, которого он не знал бы по имени. Вместе с каким-нибудь своим другом он залезает под полотняный навес телеги и со знанием дела осматривает и ощупывает груз, будь это кукуруза, яблоки или древесный уголь. Он заходит с крестьянами в конюшни, чтобы поглядеть, хорошо ли содержится и хорошо ли обеспечен тягловый скот». Прощаясь с этим ученым, другом крестьян, Клара спросила себя с оттенком горечи, когда же, наконец, и в Германии наступит время, когда профессора философии или математики будут так же поступать, как этот ученый на Кавказе.

Из крестьянского мира Клара поехала в Баку, город нефтяных источников и буровых вышек, лежащий на Каспийском море. Здесь в прошлом, поддерживая тесную связь с Лениным, действовал среди рабочих Сталин и подготавливал их к социалистической революции. Бакинские рабочие в конце 1904 года своей забастовкой дали сигнал русской революции 1905 года. Они всегда шли в авангарде борющихся. Молодой бакинский пролетариат имел славную историю.

Когда Клара прибыла в город, встречающих еще не было на месте. Некоторое время она ждала на вокзале и наблюдала за толпой кавказских горцев, армян, русских. Несмотря на большие различия, в них было очень много общего: работа в тяжелой промышленности наложила такой отпечаток на черты их лица, на походку и манеру держаться, что они стали похожи на пролетариев Бохума[43] или Гельзенкирхена[44], Манчестера[45] или Боринажа.

Здесь, в Баку, русские и иностранные капиталисты рядом со старым татарским «белым городом» с невероятной быстротой построили «черный город». Высоко в небо, наполненное испарениями, вздымаются над нефтяными источниками сотни буровых вышек. Их стальные силуэты составляют отличительную черту Баку. Воздух, отравленный ядовитыми испарениями и газами, затрудняет дыхание. «Капитализм создал в Баку хорошую экономическую почву для коммунизма», — объяснил Кларе представитель местного Совета, который с делегацией встречающих появился на вокзале. Он добавил: «Буржуи заставляли рабочих извлекать для себя из нефтяных источников золото и за это обрекали их на адские условия существования…»

Во время поездки по городу Клара заметила, что листья на деревьях висят безжизненно и вяло. В Баку плохо росли кусты и

деревья: пары нефти отравляли их. Клара с беспокойством подумала о людях, которые здесь не только живут, но и работают изо дня в день. Спутник Клары, кажется, угадал ее мысли. Он сказал ей, как тяжело сохранять здоровье нефтяников. Но советская власть, для которой человек дороже самой драгоценной нефти, не жалеет ни усилий, ни средств: она заботится о наилучших защитных приспособлениях, о вентиляционных устройствах, кислородных аппаратах и противогазах.

Рабочие рассказали Кларе Цеткин о своей жизни, о своей тяжелой профессии. Они знали, что очистка и переработка нефти могут принести вред их здоровью, знали о той большой опасности, которая грозит им при вводе в эксплуатацию каждой новой нефтяной скважины. «Однако они каждый раз испытывают чувство радости, — писала Клара о своих беседах с рабочими. — когда начинает бить новый нефтяной фонтан, и рвутся к работе. Их погоняет не кнут капиталиста, — их вдохновляет сознание огромного значения своего труда…»

Потом Клара участвовала в грандиозном волнующем собрании в бакинском цирке. «На трибуне красные, вышитые золотом знамена и эмблемы, яркие, великолепные цветы… Среди участников собрания — люди самых различных наций, их озаряет блеск Востока…» Но не роскошная обстановка, не блеск и краски сделали это собрание таким значительным и незабываемым для Клары, а единодушная воля трудящихся Азербайджана упорной работой преодолеть все затруднения и добиться лучшей жизни. Один из самых любимых вождей бакинского пролетариата высказал мысли рабочих, когда, обращаясь к массам, заявил с трибуны:

— Много еще трудностей лежит на нашем пути, много справедливых пожеланий еще не выполнено. Новая жизнь только еще зарождается и всходит, и мы сами должны заботиться о том, чтобы с помощью наших трудов она выросла здоровой и прекрасной. Наши многочисленные враги сильны. Они жаждут захватить наше богатство — нефть — и мечтают эксплуатировать рабочих, извлекающих нефть из недр и перерабатывающих ее в «черном городе». Не все, кто должен вместе с нами бороться против капиталистов, стоят еще в наших рядах. В этом — горькая истина. Но, товарищи, разве нас было недостаточно, чтобы бороться и победить? Кровь наших мучеников не прошла англичанам даром. Эти лицемеры цивилизации были вынуждены воздержаться от разбоя. Так будет и впредь со всеми империалистами, которые хотят нас обратить в рабов и эксплуатировать. Они вооружаются против нас. А мы строим. Все большее число народа из «черного города» участвует в нашей

стройке солнечного города коммунизма, и все лучше строим мы его. И для строительства, как и для победы, нас достаточно. Нам принадлежит свобода! Нам принадлежит будущее!

Клара Цеткин простилась с Кавказом в непоколебимой уверенности, что в Грузии и Азербайджане революция горит в сердцах масс. «Здесь текут и журчат источники новой жизни».

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Октябрьская революция на одной шестой части земного шара возвратила миллионам трудящихся их собственность: землю с ее неисчислимыми богатствами, огромные леса, фабрики и рудники. Еще более широкие врата к свободе открыли новые законы: они освободили женщину от угнетения, сделали ее сразу из рабыни свободным человеком. Для женщин советских республик Кавказа и Средней Азии это было огромным волнующим подарком, на который они никогда и не надеялись. Вчера они еще мало чем отличались от товара, который по своему усмотрению мог покупать и перепродавать мужчина, а сегодня обладают равными с ними правами!

— Первая пролетарская диктатура, — сказал уже за несколько лет до этого Ленин Кларе Цеткин в своем рабочем кабинете в Кремле, — по-настоящему пробивает дорогу к полному общественному равноправию женщин.

Его слова полностью оправдались. В результате Октябрьской революции сбылось и все то, ради чего всю свою жизнь боролась Клара Цеткин, но одновременно перед ней, старым борцом, встали новые великие задачи.

Еще во время ее первого посещения Москвы Ленин поручил ей укрепить и расширить международное женское коммунистическое движение. Без участия женщин не может быть достигнуто окончательной победы! — такова точка зрения Ленина. Руководительница международного коммунистического женского движения всем сердцем разделяла эту точку зрения. Ведь именно она еще в 1889 году в Париже на Учредительном конгрессе II Интернационала защищала этот принцип. В Советском Союзе она тысячу раз убеждалась, что точка зрения Ленина — это не только теория, но и живая практика. И Клара очень высоко ценила деятельность женщин в рядах большевистской партии. В разговоре с Ленины̂ она с большой похвалой отозвалась о работе, проводимой партией среди женщин: «Здесь партия является прямо-таки образцовой. Она одна дает международному коммунистическому женскому движению ценные, обученные и испытанные силы, служа одновременно великим историческим примером».

С тех пор Клара неутомимо трудилась, чтобы создать во всех странах женское движение Коминтерна. Во время своих поездок по поручению Коминтерна в Тур и Милан она и там давала женщинам указания и советы о создании коммунистических

женских групп. Но больше всего заботы Клара по-прежнему уделяла Германии.

— Мы, женщины, должны особенно учиться у наших русских сестер, — откровенно заявила она немецким коммунисткам. — Советские республики не смогли бы устоять на фронтах и внутри страны против контрреволюции, если бы женщины самоотверженно не несли своей доли всех страданий, трудов и борьбы. Было бы невозможно начать в России построение коммунизма, если бы женщины сознательно, со страстным рвением не отдавали бы всех своих сил, чтобы создать новый, более совершенный общественный строй.

Терпеливо ведя будничную работу, Клара Цеткин старалась преисполнить и немецких коммунисток таким же страстным желанием социалистической революции, какое вдохновляло их русских сестер. Но время Клары, как и ее силы, было ограничено. Она тяжело переживала, что не могла все время руководить немецкими коммунистками на месте, а вынуждена делать это издалека. Но она никогда не порывала связи с ними, всегда поддерживала оживленную переписку, невзирая на обязанности, которые требовали ее присутствия в Москве, или на заболевания, вынуждающие ее сделать передышку. Только в исключительных случаях эта престарелая женщина позволяла себе более продолжительный отдых. Но все-таки она нередко упрекала себя в том, что ведет «жизнь трутня», потому что не могла больше работать беспрерывно, как в прежние годы. Но возраст и слабость все же не мешали ей самой изучать повсюду в Советском Союзе, особенно во время поездки по Кавказу, как происходит раскрепощение женщин.

Голова Клары стала седой, но сердце ее и дух молоды! Всегда и повсюду, используя любую возможность, она с. интересом и воодушевлением разговаривала с крестьянками, работницами, служащими, домашними хозяйками и слушала их рассказы о дом, как после Октябрьской революции изменилась их жизнь. На собраниях и конференциях женщин Клара Цеткин, зачинательница и руководительница международного социалистического женского движения, произносила волнующие, полные огня речи. Куда бы она ни приезжала, даже в самые отдаленные местности, везде знали ее имя. Повсюду с ликованием и чувством благодарности приветствовали ее женщины. Они приходили, чтобы рассказать ей о новой жизни. В одном селении ее даже посетила делегация женщин-горянок; некоторые из них в соответствии с древним обычаем все еще закрывали лицо чадрой. Но их речи показывали, что они уже готовы отказаться от старых, унаследованных от предков

взглядов. Они жаловались на своих мужей, которые взваливали на них все труды и все заботы: и обработку полей, и уход за скотом, и присмотр за детьми, и обязанности по дому. «Наши мужья, — говорили они, — желают только корчить из себя господ. Если это им не сходит, то начинаются ссоры и побои. Но с тех пор, как появились Советы, положение становится лучше. Коммунисты помогают нам и учат нас, что мы не должны все спускать. Кроме того, они заботятся о наших детях. Вот почему мы за Советы и за коммунистов. Мы хотим стать хорошими коммунистками».

И действительно, советская власть образцово заботится о детях трудящихся женщин. Сколько одних только детских садов и детдомов осмотрела Клара во время своих поездок! Все они организованы с любовью и заботливостью, хотя нередко на очень скромные средства. Детдом во Владикавказе вызвал у Клары Цеткин особенный интерес, потому что его основали красноармейцы, которые говорили: «Как могут женщины помогать нам в социалистическом строительстве, если мы не будем проявлять заботу об их детях?» И они содержали детдом за счет своего более чем скромного жалованья и своих скудных продовольственных пайков. «Никогда, — писала с восхищением Клара, — я не видела группы маленьких девочек и мальчиков, которые были бы физически и духовно лучше развиты и казались бы более счастливыми… Они с любовью и доверием относятся ко всем мужчинам и женщинам, работающим в. этом учреждении. Красноармейцы приходят сюда, как старшие братья. Этот дом похож на большую, счастливую семью».

Клара во время своей поездки повсеместно наблюдала ростки новой жизни. Однажды она присутствовала на митинге, где собралось пять тысяч женщин. Армянки, татарки, еврейки, хотя и безграмотные, страстно говорили о своем желании «создать человечеству новый мир и защищать социальную свободу и национальную независимость». Одна из женщин правильно выразила их подчас еще неясные мысли, когда под восторженные аплодисменты, то и дело прерывающие ее речь, заявила:

— Мы ценим мирную созидательную работу, которую изо дня в день проводит Советское правительство и благодаря которой ему удается изживать старую вражду между народностями. Пролетарки и крестьянки, со своей стороны, хотят' упорным трудом и вдохновенным самопожертвованием внести свою долю в эту работу. Но в то же время они готовы сегодня и завтра, как они были готовы вчера, сменить орудия труда на боевое оружие, если опасность начнет угрожать советскому строю, который освобождает как женщин, так и мужчин и обеспечивает права всех

национальностей.

Бурная овация наградила оратора. «Это было нечто неизмеримо большее, чем одобрение, — писала Клара, — это было биение сердца, это была клятва…»

К удивлению Клары, именно на Кавказе она стала свидетельницей того, как часто прямо из гущи собравшихся женщины шли к трибуне и брали слово. Никто не поручал им говорить. Они не клали перед собой на кафедру никаких рукописей, даже самой маленькой записочки. Речь свободно лилась из их уст, потому что их сердца были полны новой жизнью и чувством недавно обретенной воли. Им чужд был тот страх перед публичными выступлениями, который когда-то перед своей первой речью испытывала Клара.

— Мы были бессловесными рабынями! — воскликнула, обращаясь к толпе, одна из таких женщин. — Мы должны были прятаться в своих комнатах и дрожать перед нашими мужьями, которые были нашими господами. Теперь мы свободны и равноправны и вместе с ними заседаем в Советах, народных судах, школьных советах, повсюду, где работают во имя лучшей жизни для всех. Да здравствует советская власть, защищающая права женщин!

Престарелая Клара чувствовала себя счастливой, когда слушала такие речи. С какой поразительной быстротой большевики научили политграмоте этих женщин, которые долгое время были угнетены! Даже мусульманок обучают они в специально устроенных для них женских клубах. Здесь в женщинах пробуждается чувство человеческого достоинства и они учатся бороться за свои права. Клара посетила несколько таких клубов, и ни один из них не был, как она подчеркивала, «питомником нежных феминистских тенденций Нет, он — сборный пункт и школа революционных сил».

— В связи со своеобразными задачами клуба, — рассказывала Клара Цеткин, — в нем собираются исключительно женщины, женщины различных горных и степных народов Закавказья, исповедующих ислам. Яркий электрический свет падает на разноцветные, богато расшитые одежды и прозрачные покрывала, не скрывающие лица…

Когда Клара через переводчицу попросила собравшихся в клубе женщин рассказать о своей прошлой жизни, одна из мусульманок горячо воскликнула:

— Какова была наша жизнь до революции? Отец продавал нас, словно молодых ягнят, едва мы достигали десяти, двенадцати лет, а то и раньше. Муж избивал нас палкой или кнутом, когда ему вздумается… Ему хотелось морить нас голодом

— и мы голодали. Он отнимал у нас возлюбленнейшую дочь, которая была утешением наших взоров и поддержкой для наших слабеющих рук. Он продавал ее, как некогда покупал нас самих… У какого судьи мы могли искать правосудия? Но как все изменилось теперь! Как благодатная гроза, пришла революция! Советская власть издала новые законы. В них записано, что мы являемся такими же людьми, как и мужчины, и что мы так же свободны и обладаем всеми правами, как и они. Никто нас не спрашивает, кому из великих пророков мы поклоняемся: Магомету, Моисею или Христу. Вечная благодарность советской власти!

Это говорили в клубах мусульманки Кларе Цеткин. Правда, еще только единицы из них осмеливались нарушить восточные обычаи и прийти на публичное собрание. В Батуме на огромном митинге Клара заметила много женщин в чадрах. Один оратор за другим горячо и страстно говорили об успехах, достигнутых советской властью, но среди выступающих не было ни одной женщины. Потом все же какая-то мусульманка с закрытым чадрой лицом вышла из толпы и пробралась вперед к трибуне. Она попросила слова. Поднявшись на кафедру, она решительным движением сбросила чадру. В зале раздались крики удивления и возмущения. «Впервые, — писала Клара Цеткин, — в Батуме, в общественном месте появляется женщина без чадры… Это производит невероятное, неописуемое впечатление… Многие из носящих чадру женщин срывают ее. Каждый чувствует, что выступление этой женщины является актом открытого восстания против обычаев и догм, порабощающих восточную женщину». Клара Цеткин повсюду наблюдала, как вчерашние рабыни уже сегодня «собираются под знамена Советов и Коминтерна». И она испытывала огромную радость и чувствовала себя счастливой. Здесь, в Стране Советов, больше никто не будет оспаривать у женщин их прав. Они представляют собой большую силу, на них тоже опирается новое государство.

На обратном пути в Москву, когда за окном вагона блестело море и мелькали темные силуэты пальм, Клара Цеткин позволила себе немного помечтать. Ее мысли устремились к тому, теперь уже недалекому, времени, когда в советских республиках воплотятся в жизнь прекрасные слова Ленина о равноправии женщин: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством».

ПРОТИВ КОРИЧНЕВОЙ ОПАСНОСТИ

Все чаще возраст и болезни препятствовали Кларе Цеткин целиком и полностью справляться с многочисленными задачами, стоявшими перед ней в Германии. Нередко полный упадок сил вынуждал ее по целым месяцам оставаться в Советском Союзе, а на восьмом десятке жизни великого борца за социализм Советская страна стала ее второй родиной.

Клара не давала недугу окончательно свалить себя. Она принимала активное участие в работе президиума исполкома Коминтерна, по-прежнему выполняла функции генерального секретаря Международного женского секретариата, неутомимо работала в Международном обществе помощи революционерам (МОПР), председателем которого она была, писала многочисленные статьи для пролетарской печати. Но, несмотря на эти разнообразные задачи, она всегда помнила о своем долге немецкой коммунистки. Она постоянно, как только позволяло ей здоровье, предпринимала стоившие много сил поездки из Советского Союза в Германию, чтобы выполнить обязанности депутата рейхстага и на огромных предвыборных собраниях наглядно показать рабочим всю опасность фашизма и призвать их под знамена партии.

Клара никогда не забывала о пролетарской молодежи. В 1926 году, в день десятилетней годовщины Иенской молодежной конференции, старая коммунистка приветствовала молодежь и одновременно указала ей на ее обязанности.

Тогда, весной 1916 года, молодые революционеры окончательно порвали с социал-демократией и уже несколько дней спустя, 1 мая, под руководством Карла Либкнехта вышли на демонстрацию против империалистической войны. Именно они составили потом ядро Коммунистического Союза Молодежи.

На огромных собраниях в Рурской области и в берлинском Люстгартене[46] Клара Цеткин предупреждала немецких рабочих о коричневой опасности. Теперь она призывала и молодежь встать сплоченными рядами против всех врагов рабочего класса, и прежде всего против фашистов.

Это не первые предупреждения, с которыми Клара Цеткин обратилась к рабочему классу своей родины. Еще в 1922 году в Москве, на Всемирном конгрессе Коминтерна она, характеризуя политическое положение, сказала: «Только революционная борьба немецких пролетариев может помешать тому, что Германия будет втянута в кровавый вихрь империалистической войны Антанты

против Советской России».

Клара своевременно распознала зловещую роль, которую играл фашизм в угрозе всеобщему миру.

С озабоченностью и тревогой наблюдала она, как надвигался фашизм в Италии и в Германии, и называла его «последним арьергардом» помещиков и биржевых магнатов. По всей Германии устремились в ряды фашистов не только разные потерпевшие банкротство субъекты, проходимцы, авантюристы, но и рабочие, обманутые позорным предательством лидеров социал-демократии. С тех пор как на полях сражений отзвучал последний выстрел, фашистские главари только и мечтали о войне и реванше, точно так же, как и немецкие помещики, стальные короли н биржевые магнаты, которые видели в фашистах самый подходящий Инструмент для осуществления своих гнусных планов. Поэтому-то они огромными денежными суммами и вскармливали «германскую национал-социалистическую рабочую партию». Еще в апреле 1923 года на конференции фабрично-заводских комитетов Рейнланд-Вестфалии раздался громкий предостерегающий голос Клары Цеткин. Она заклинала всех рабочих отбросить в сторону все различий мировоззрения и партийной принадлежности и совместно бороться против грозящей беды:

«Фашизм означает опасность для человечества быть втянутым в новую мировую войну, которая по своим размерам и своему варварству оставит далеко позади жестокости, мерзости и преступления, пережитые нами во время мировой империалистической войны.

Никаких проявлений слабости, никаких уступок! Надо с самого начала повести решительную борьбу с фашизмом. Дело идет не только о скромных достижениях, добытых в результате упорной и долгой борьбы, дело идет о самой жизни. Борьба с фашизмом крайне необходима. Если вы не сразите врага, то враг сразит вас, сразит насмерть. Мужчины и женщины всех профессий, всех политических и профсоюзных течений, всех социальных и религиозных убеждений, объединяйтесь на борьбу с фашизмом и опасностью войны!»

Рабочие, женщины, молодежь — все они хорошо слышали клич Клары, но еще не понимали всей серьезности ее предостережений и ее призыва к единодушной борьбе всех трудящихся против фашизма.

Тем временем в буржуазной Веймарской республике одно правительство сменялось другим. Каждая новая избирательная кампания стоила громадных денег. Кто же оплачивал столь дорогостоящий предвыборный ажиотаж еще немногочисленной и

лишенной каких-либо средств фашистской партии? Этот вопрос Клара неустанно задавала рабочим. И сознательные пролетарии находили правильный ответ: капиталисты финансируют нацистскую партию и этим создают себе в Гитлере, «фюрере» фашистов, услужливого ставленника! Невзирая ни на что, Клара разоблачала перед общественностью истинную задачу коричневых банд, которая заключалась в том, чтобы «самыми крайними средствами» защищать капитализм от коммунистов и революции, потому что Коммунистическая партия под руководством Эрнста Тельмана крепла с поразительной быстротой и оказывала все большее влияние на немецких рабочих. Они с каждым годом видели все отчетливей, что руководители социал-демократии, вступив в сговор с классовым врагом, предали германскую революцию за иудино вознаграждение в виде министерских кресел и почетных титулов. А германский парламент? Смехотворная говорильня — не больше! Даже неопытные в политическом отношении люди не принимали его всерьез. По всей Германии множились зловещие предзнаменования, возвещавшие о приближении смертельной опасности. Но, несмотря на это, трудящиеся еще не прониклись призывом Клары к созданию единого фронта, о чем беспрестанно, даже будучи тяжело больной, писала она в пламенных статьях и брошюрах.

Все новые и новые слои населения попадали на удочку фашистских главарей, поддавались их лжеучениям, ловко приправленным социальной демагогией. Под покровительством круппов и стиннесов[47] нацисты позволяли себе самые наглые провокации по отношению к приверженцам обеих рабочих партий. Залы для собраний и помещения, принадлежащие этим партиям, подвергались разгрому разнузданных банд СА и СС; рабочие, социал-демократы и коммунисты, зверски избивались убийцами, одетыми в коричневую или черную униформу. А как карала эти преступления покорная властям юстиция? Она проявляла предписанную ей свыше снисходительность, когда, чтобы соблюсти видимость правосудия, время от времени привлекала фашистский сброд к судебной ответственности.

Большую часть этих постыдных событий престарелая Клара переживала вдали от родины, находясь в Советском Союзе. По сообщениям печати и по личным рассказам товарищей она знала и о лживых лозунгах, выброшенных немецкими фашистами перед выборами в рейхстаг, назначенными на 31 июля 1932 года. Они клялись рабочим, что ликвидируют безработицу и уменьшат налоги, — одним словом, обещали им рай на земле. Во время тяжелой болезни Клара в часы, когда несколько утихали боли,

часто спрашивала себя, почему такое множество немцев бежит с завязанными глазами прямо в руки своих палачей? Разве ни у кого из них не вызывает удивление, что нацисты в этой предвыборной борьбе получили возможность оказывать влияние на массы посредством радиовещания и многочисленных «нейтральных» газет, что в их распоряжении внезапно оказались лучшие типографии и самые огромные и прекрасные залы для собраний? А предвыборная кампания такого огромного размаха поглощала миллионы. Кто их пожертвовал? Только часть немецкого народа задумывалась над тем, из каких источников могут черпать эти огромные суммы такие не имеющие средств авантюристы, как Гитлер, Геббельс и Геринг.

Только немногие, и прежде всего коммунисты, правильно отгадывали загадку: Гитлера финансируют воротилы тяжелой промышленности! Коммунисты повсюду говорили об этом, предупреждая о коричневой опасности, как с давних пор это делала старая Клара Цеткин, прикованная болезнью к постели. И все же 31 июля 1932 года фашистам удалось заполучить голоса миллионов избирателей. Катастрофа надвигалась.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ

Кларе Цеткин только что исполнилось семьдесят пять лет. Казалось, что ее тяжелая, напряженная жизнь постепенно затухает. Клара уже не вставала. Здесь, на своей второй родине, в Советском Союзе, она получила потрясающее известие об успехе фашистов на выборах в рейхстаг.

Кларе отказали глаза, она почти ослепла. Пищу она могла принимать только в жидком виде. Но ум ее по-прежнему был живым и деятельным. Будучи прикованной к постели, она каждый день просила, чтобы ей читали газеты.

Ее особенно интересовали известия о происках фашистов в Германии. Успех, одержанный коричневыми ордами на выборах, причинил ей огромную горечь и очень тяжело ее обеспокоил. Ей рассказали, как мужественно боролись немецкие коммунисты под руководством своего «Тедди»[48]. Но, к сожалению, все еще не была ликвидирована пропасть, существовавшая между ними и рабочими — социал-демократами, беспартийными рабочими и трудящимися-католиками, и все еще не был создан единый фронт немецкого пролетариата. Немецким рабочим угрожают страшные бедствия, если они, ослабленные отсутствием единства, позволят фашизму захватить власть!

Внутреннее беспокойство из-за событий, разыгрывающихся на ее родине, не позволяет Кларе больше оставаться в постели. Она встает. Но какой слабой и дряхлой она стала!.. И именно теперь время возложило на нее очень тяжелое, может быть последнее в ее жизни, великое испытание во имя служения пролетариату. 30 августа 1932 года собирается вновь избранный германский рейхстаг. Согласно традиции на старейшего депутата, — а им была Клара Цеткин, — возлагалась обязанность открыть заседание парламента. Она озабоченно спрашивала себя, хватит ли у нее сил на это трудное путешествие. Сможет ли она справиться с обязанностями председателя? Одно для престарелой женщины было несомненно: ни за что на свете она не откажется от исполнения своего долга при официальном открытии рейхстага. Она должна открыть его… Это для Клары означало от имени обладающего классовым сознанием пролетариата объявить беспощадную борьбу национал-социалистам и предостеречь немецкий народ и весь мир о фашизме и об опасности второй, неописуемо ужасной мировой войны, которая следует за ним по пятам!

Клара была настолько слаба, что врачи считали поездку в

Германию губительной для ее здоровья. Не только врачи, но и друзья пытались ее отговорить. «Но перед ней стояла задача, — писал Фриц Геккерт[49] в своих воспоминаниях о Кларе Цеткин, — сорвать маску с буржуазного парламента, который только кое-как прикрывал перед массами фашистскую диктатуру, и бросить ему в лицо объявление борьбы революционным пролетариатом и нашей партией, стоящей в его авангарде». Задача такого исключительно огромного значения должна быть выполнена, чего бы это ни стоило, даже жизни. Это для Клары было совершенно ясно. Поэтому она, долго не раздумывая, оставила без внимания все, даже самые благие, предостережения. Ведь еще бьется сердце, еще пульсирует кровь в ее жилах — значит, она должна выполнить свою клятву: «до последнего дыхания» служить своему делу.

В Германии буржуазные и социал-демократические газеты начали дикую травлю Клары Цеткин. Что? Эта «платная агентша Москвы» имеет наглость открывать германский рейхстаг? Газеты не стеснялись осыпать Клару самыми гнусными ругательствами и клеветой, они даже не останавливались перед тем, чтобы угрожать старой коммунистке убийством.

30 августа 1932 года отряды полиции сосредоточились перед огромным зданием рейхстага. Они окружили его со всех сторон. На улицах были видны группы возбужденно спорящих людей. Какие партии составят новое правительство? Сколько времени оно продержится у власти? Дойдет ли дело до восстаний и до боев? Тесными толпами стояли на улицах рабочие и работницы. Многие из них надеялись еще раз, может быть в последний, увидеть знакомое лицо «своей Клары». Еще неизвестно, нашла ли она в себе силы совершить эту поездку. Но кому, как не рабочим, знать свою Клару! Они клялись, что она откроет рейхстаг и как следует расправится с коричневым сбродом.

Постепенно заполнились все ряды огромного и высокого зала заседаний. Не осталось ни одного пустого места. Всю правую сторону зала занимали депутаты-нацисты. Они вошли в зал в коричневой форме, маршируя, как солдаты.

В три часа в просторном помещении гул голосов затих. Воцарилась напряженная тишина. Придет ли Клара Цеткин?.. Этого не знали даже коммунисты, находившиеся в зале. Но вот за креслом председательствующего раздвинулись тяжелые портьеры. Опираясь на двух женщин, Клара с трудом подошла к трибуне. Мертвую тишину прервали угрожающие крики фашистов. Коммунисты же приветствовали своего старого товарища троекратным возгласом «рот фронт!». Она заняла место председателя. Лица всех депутатов, кроме коммунистов, были

угрюмы, недовольны или подчеркнуто безразличны. Клара Цеткин открыла заседание, выполнила все формальности. Некоторые депутаты — социал-демократы чувствовали себя в этот момент совсем не в своей тарелке: Клара Цеткин, председательствующая по праву старшинства, казалась им воплощением совести. Весь рейхстаг, за исключением коммунистической фракции, все еще тешил себя мыслью, что Клара ограничится одними лишь формальностями по открытию парламента.

Жестокое заблуждение! Старая женщина поднялась с председательского кресла. Перед ней лежала рукопись, на случай если она потеряет нить речи. Но так как она больше не могла различать букв — она ведь была почти совершенно слепа, — рядом с ней стоял товарищ, чтобы помочь ей, когда в этом возникнет необходимость. Клара набрала в легкие воздуха…

Своими потухшими глазами смотрела она, старая, седая, изможденная женщина, на аудиторию, в большинстве своем состоявшую из врагов. Она подавила в себе внутреннее волнение, которое сегодня овладело ею сильнее, чем обычно, перед большими выступлениями. Затем она начала говорить.

Ей часто отказывало дыхание — сердце едва билось, — но Клара владела собой: она рассчитывала каждый вздох. Сил ее должно хватить до конца речи. И ее воля восторжествовала над немощью тела. Как и в прежние времена, голос ее звучал молодо и страстно. Она так хорошо владела им, что он наполнял весь огромный зал. Это был голос человека, привыкшего говорить перед большой аудиторией. В рейхстаге царила глубокая тишина. Молчали даже коричневые бандиты, хотя только несколько минут тому назад они собирались буянить. Лишь один нацист, пьяница Лей, в начале ее речи нарушил дурацкой репликой напряженную тишину, в которой мужчины и женщины слушали Клару. Реплика утонула в ней, как маленький камешек в глубоких водах. Остались только предостерегающие слова старой женщины…

Теперь, когда насквозь прогнившая Веймарская республика вот-вот готова была рухнуть, Клара Цеткин еще раз заклинала немецких рабочих покончить с фашизмом и установить свой собственный строй. Она указала на врагов: они уже сидят в рейхстаге в сапогах и при шпорах и, язвительно ухмыляясь, готовятся ввергнуть в погибель немецкий народ и весь мир. Им в лицо бросила Клара Цеткин слова, которые Вильгельм Пик в своей брошюре о Великой революционерке называет незабываемыми:

«Требование момента — это единый фронт всех трудящихся для того, чтобы свалить фашизм и тем самым сохранить силу и

мощь организаций, порабощенных и эксплуатируемых, и даже само их физическое существование. Перед этой настоятельной исторической необходимостью должны отступить на задний план все волнующие и жгучие разногласия — политические, профсоюзные, религиозные и мировоззренческие. Все, кому угрожает опасность, все, кто терпит притеснения от фашизма, все, кто стремится к освобождению, — в единый фронт против фашизма и его доверенных лиц в правительстве! Организация, ясное осознание своих целей трудящимися в борьбе против фашизма — вот ближайшая необходимая предпосылка единого фронта в борьбе против кризисов, империалистических войн и причины их возникновения — капиталистического способа производства»

В заключение своей речи Клара Цеткин заявила присутствующим, что она больше всего хочет дожить до того дня, когда ей будет предоставлена возможность открыть по праву старшинства первый представительный орган рабочих и крестьянских депутатов Германии… Этими словами Клара закончила свою речь, свою последнюю большую речь. Только временами она немного запиналась каждый раз, когда сердце давало перебои. Помощи стоявшего рядом с ней товарища так и не потребовалось. «Это была, — писал позже Фриц Геккерт, — чудесная речь, подлинный шедевр железной логики и революционной страстности».

После волнующего выступления Клары Цеткин и тех обвиняющих слов, которые она бросила в лицо социал-демократам, многие из них подавленно и пристыженно сидели на своих местах. Даже нацисты, пришедшие в рейхстаг при полном параде, не нарушали тишины. И тем громче загремели аплодисменты депутатов — коммунистов и рабочих, занимавших гостевые трибуны. Они сотрясали весь рейхстаг. Раздалось торжественное пение «Интернационала». Оно прозвучало как клятва депутатов-коммунистов и всех тех, кто отдал за них свои голоса, не прекращать борьбы, пока фашистские бандиты не будут изгнаны из рейхстага и пока они за свои чудовищные преступления не предстанут перед судом рабочих и крестьян.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

У Клары Цеткин хватило еще сил вернуться в Советский Союз, но она чувствовала, что слабость ее растет. Только ум ее сохранял ясность и живость. Она снова, лежа в постели, работала, все еще пытаясь выполнить все задачи, вытекавшие из ее многочисленных обязанностей. Как только Клара хоть на короткое время могла встать, она тотчас же еще активнее принималась участвовать в общественной жизни и посещала даже такие собрания, которые не имели непосредственного отношения к ее работе.

Несколько недель спустя после речи Клары в рейхстаге, в октябре 1932 года, столица Советской страны чествовала известного французского писателя Анри Барбюса по случаю его пребывания в Москве. Союз советских писателей устроил в честь гостя прием. «Переводчик надрывается, — рассказывал Михаил Кольцов, — излагая парижскому гостю суждения москвичей, москвичам — ответы Барбюса. И вдруг в дверях — знакомое, милое лицо. Похудевшая, седая Клара, тяжело опираясь на трость, медленно идет к столу. Ее подхватывают, усаживают, кладут перед ней цветы, радуются ее приходу, изумляются неутомимости… Нет, этого всего мало! Едва передохнув, Клара просит слова, она поднимается — говорить надо стоя! — поднимается и на чудесном французском языке произносит речь, бурную, горячую речь о значении литературы для классовой борьбы, о роли писателей в революции, о французских писателях-материалистах». Ее неутомимый дух заставил ее, не обращая внимания на тяжелую болезнь, выступить с речью перед писателями о стоящих перед ними задачах.

Последний раз публично Клара выступала в Архангельском — подмосковном санатории, где она жила. Это произошло 8 марта 1933 года, по особенно торжественному и радостному случаю. Советское правительство уже однажды, в 1927 году, высоко почтило великого борца за дело пролетариата: Климент Ефремович Ворошилов прикрепил к ее скромному платью орден Красного Знамени. Теперь, 8 марта, в Международный женский день, она получила еще одну высокую награду: орден Ленина.

Ее мысли возвратились к Копенгагенской конференции, где было решено считать 8 марта Международным женским днем.

Много событий произошло с тех пор — в Германии рабочие не могли похвастаться успехами, а их братья в Советском Союзе достигли всего, чего хотели. В Германии торжествовал фашизм.

Языки пламени, поднявшиеся ввысь из горящего рейхстага, возвестили миру о наступлении эры чудовищных преступлений. Немецкому пролетариату предстояли тяжелые и кровопролитные бои. Но Клара верила в революционную силу рабочих. Они выстоят, они победят — тем более, что теперь они не одиноки: советский народ окажет им помощь.

Последние месяцы своей жизни Клара провела в Архангельском, в санатории под Москвой. Смотря по погоде, она лежала либо в комнате, либо на террасе. Она по-прежнему была неутомима: просила, чтобы ей читали, диктовала статьи. Сама она больше не видела. Как-то с ней даже случилось, что она исписала много страниц, не заметив, что ее «вечная ручка» была без чернил. Друзья должны были сказать ей о бесполезности ее труда. «Я совсем стала плоха», — жаловалась она иногда. Но в часы, когда утихали боли, она снова была бодра и требовала, чтобы ее подробно информировали обо всех политических событиях. Ее память все еще вызывала восхищение. Лежа в постели, она часто для собственного удовольствия читала наизусть отрывки из произведений великих писателей — Гёте, Шекспира, Вольтера — каждого на том языке, на котором он писал. А если из Германии приезжали друзья, то они должны были тотчас же рассказывать, как обстоят дела на родине. Об одном из таких посещений вспоминал ее старый боевой соратник Фриц Геккерт:

«…Когда я пришел, она была занята работой и диктовала. Мне пришлось немного подождать. Но вскоре она велела меня позвать, и едва я успел как следует поздороваться, как должен был сразу же прочесть ее только что законченную работу, все ли в ней верно и хорошо. Речь шла о воззвании для Недели сбора средств в пользу МОПРа… Несколько дополнений, которые были ей предложены, Клара сразу же приняла и, что было для нее характерно, сердечно поблагодарила за советы. Но некоторые замечания она упрямо отклонила как ненужные и нарушающие ход мыслей воззвания… Клара хотела, чтобы то, что она писала и говорила, было бы целостным произведением». Весь свой гнев она обратила на вождей социал-демократии. Она назвала их подлецами и сказала Геккерту: «Преступники, что они делают с немецкими рабочими!»

Однако больше всего тревожилась она о партии. Достаточно ли партия сильна, чтобы устоять против фашистского террора? Думая об этом, она задала Фрицу Геккерту вопрос: «Будете ли вы друг с другом ладить теперь, когда они засадили в тюрьму нашего дорогого Тедди?» И Клара была счастлива, когда Геккерт заверил ее, что внутренне партия здорова и едина.

Это заверение совершенно успокоило Клару, но она хотела и должна сама выполнять полезную для дела работу! Тяжелобольная Клара продиктовала воззвание: «Эрнст Тельман с 3 марта 1933 года томится в фашистских застенках!» Этого не должен больше терпеть трудовой народ всего мира. Она требовала свободы для Тельмана и всех заключенных в тюрьмах жертв фашизма. Свою последнюю статью она заключила словами: «Посмотрите на Германию, где умирающий капитализм ищет в фашизме спасения от надвигающейся бури. Фашизм установил режим, зверства которого превзошли даже ужасы средневековья».

Так, в работе, превозмогая слабость и боль, Клара приблизилась к часу своей последней борьбы — смертному часу. 19 июня 1933 года оба сына и невестки стояли у ее постели. Чувствовала ли Клара, что теперь дело шло об «отправке в могилу», как она часто называла свой конец? Она страдала от удушья и жаловалась на недостаток воздуха. Ее вынесли в парк. Здесь ей стало легче дышать, и она захотела опять диктовать. Но у нее не было уже больше сил…

Ночью разразилась сильная гроза. Тяжелая, давящая атмосфера еще более затруднила дыхание Клары. В ее меркнущем сознании воскресло прошлое: она думала о своей самой любимой подруге и вернейшей соратнице, о Розе Люксембург. С ее именем на устах утром 20 июня Клара Цеткин тихо скончалась.

ПОХОРОНЫ

21 июня 1933 года необозримые толпы народа медленно и торжественно двигались к Колонному залу московского Дома союзов, чтобы проститься с покойной. Более четырехсот тысяч мужчин и женщин хотели еще раз увидеть прекрасное старческое лицо, которое так часто светилось им доброй материнской улыбкой. Со всех концов Советского Союза прибыли делегации, особенно многочисленные из рабочих центров. Вперемежку звучало множество иностранных языков: коммунисты различных стран съехались в Москву, чтобы отдать последний долг великому борцу за социализм.

22 июня 1933 года у изголовья возвышения, на котором находилась урна с прахом Клары Цеткин стояли в почетном карауле члены президиума Исполкома Коминтерна. Немецких коммунистов представлял Фриц Геккерт.

Раздался траурный марш. Товарищи подняли носилки, и процессия двинулась на Красную площадь. Сотни тысяч советских людей и многочисленные иностранные коммунисты в скорбном молчании следовали за прахом Клары Цеткин. Многолетний соратник Клары, японский коммунист[50], открыл траурный митинг. От имени немецких рабочих Фриц Геккерт произнес прощальную речь. Выступавшая вслед за ним товарищ Крупская сказала замечательные слова о том, что Ленин «любил поговорить с Кларой «по душам». Коммунисты многих стран говорили о боевом духе Клары Цеткин и ее прекрасных качествах подлинной революционерки.

Скромно одетая женщина произнесла последние слова приветствия неутомимой поборнице женского равноправия:

— Мы, работницы, пришли сюда, чтобы проводить тебя в твой последний путь… Спи спокойно, дорогая товарищ Клара, мы доведем твое дело до победоносного завершения… Ты показала нам дорогу счастья, дорогу социализма. Мы окажем помощь нашим сестрам, зарубежным работницам. Мы готовы в любую минуту взять винтовки в руки и помочь им в борьбе за дело освобождения рабочего класса… Мы поняли цель твоей многолетней борьбы, мы бесстрашно брались за оружие и шли на фронт. Спи спокойно, дорогая товарищ Клара!

Так говорила товарищ Боброва, ткачиха, ставшая благодаря хорошему знанию дела и упорной учебе директором шелкоткацкой артели.

«Дело, за которое ты боролась, находится в надежных руках

— спи спокойно, дорогая товарищ Клара!» Казалось, что эти слова взлетали ввысь вместе с волнующим траурным маршем, под звуки которого урну с прахом покойной отнесли к Кремлевской стене.

На мраморной плите была выбита скромная надпись: имя и даты жизни. Надпись гласила, что здесь, рядом с заслуженнейшими борцами за дело рабочего класса, покоится Клара Цеткин.

Траурный марш замолк. Мощно и захватывающе раздался «Интернационал». И под звуки этого гимна, который всю жизнь сопровождал Клару Цеткин, шестьсот тысяч человек прошли мимо места, где покоится ее прах, и молчаливо клялись, что боевой дух и верность делу рабочего класса, которыми отличалась великая социалистка, будут служить им примером.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ [51]

I. Основные издания произведений Клары Цеткин

а) Книги и брошюры

«Начало женского рабочего движения в Германии». СПб., 1906.

«Избирательное право женщин». М., 1907.

«Школьный вопрос и рабочий класс». Пг., 1918.

«За большевиков». Пг., 1918.

«Женщина и ее экономическое положение*. Пг., 1919.

«Борьба за свободу и мир в России». Харьков, 1919.

«Борцы революции». Пг., Госиздат, 1920.

«Карл Маркс и дело его жизни». М., Госиздат, 1922.

«Борьба коммунистических партий против войны и военной опасности». М., «Красная новь», 1923.

«Наступление фашизма и задачи пролетариата». М., «Красная-новь», 1923.

«Роза Люксембург и русская революция». М. — Пг., Госиздат, 1924.

«Революционные бои 1919 года и борцы революции». М., «Красная новь», 1924.

«Октябрьская революция». Харьков, 1925.

«Женский вопрос». Гомель. «Гомельский рабочий», 1925.

«Ленин и освобождение женщины». М., изд-во «Московский рабочий», 1925.

«Восьмое марта — шаг к мировой революции». М.—Л., Госиздат, 1927.

«Искусство и пролетариат». М., изд-во «Московский рабочий», 1927.

«Ленин и трудящаяся женщина». М.—Л., Госиздат, 1927.

«Что увидели германские работницы в Советском Союзе». М., Госиздат, 1927.

«Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии». М., 1929.

«Письмо к студентам факультета советского права I МГУ». М., 1929.

«Десятилетие МОПР». М., изд. ЦК МОПРа СССР, 1932. «На освобожденном Кавказе». М., «Старый большевик», 1935.

«Заветы Ленина женщинам всего мира». М., Госполитиздат, 1Э38.

«Воспоминания о Ленине». М., Госполитиздат, 1955.

«Die Bedeutung der Aufbauenden Sowjetunion für die deutsche Arbeiterklasse». Berlin, 1926.

«Hungermai — Blutmai — Roter Mai». Hamburg — Berlin, 1932.

«Ich will dort kämpfen, wo das Leben ist». Berlin, 1955. «Uber Literatur und Kunst». Berlin, 1955.

«Ausgewählte Reden und Schriften». B. I. Berlin, 1957. б) Статьи

«Да здравствует III Социалистический Интернационал!» «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3.

«Роза Люксембург». «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5.

«Карл Либкнехт». «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5.

«Революционные бои 1919 года и борцы революции». «Коммунистический Интернационал», 1920, № 9.

«От интернационала слов к интернационалу дела». «Коммунистический Интернационал», 1924, № 1.

«Всемирное поле деятельности Коминтерна». «Коммунистический Интернационал», 1924, № 3—4.

«Юлиан Мархлевский». «Коммунистический Интернационал». 1925, № 4.

«Борьба коммунистических партий против военной опасности и войны». «Коммунистический интернационал», 1927, № 28.

«Надежда Константиновна Крупская». «Коммунистическое просвещение», 1929, № 2.

«Отступничество II Интернационала в борьбе за освобождение женщин». «Коммунистический Интернационал», 1929, № 9—10.

«Империалистические войны против трудящихся, трудящиеся против империалистических войн». «Коммунистический Интернационал», 1932, № 21, 1933, № 19–20, 21.

«Речь Клары Цеткин на открытии рейхстага (30 августа 1932 г.)». «Коммунистический Интернационал», 1933, № 19–20. «Воззвание Клары Цеткин против фашизма». «Правда», 1933.

II. Литература о жизни и деятельности Клары Цеткин.

В. И. Ленин о Кларе Цеткин

Сочинения, т. 7, стр. 264 («Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей партии)»).

Т. 13, стр. 59–77 («Международный социалистический конгресс в Штутгарте»); стр. 143 («Предисловие к брошюре Воинова;А. В, Луначарского) об отношении партии к

профессиональным союзам»)-.

Т. 29, стр. 368 («Герои бернского Интернационала»)'.

Т. 30, стр. 67–68 («Письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Германии по поводу раскола. Товарищам Павлу Леви, Кларе Цеткиной, Эберлейну и всем членам Цека Коммунистической партии Германии»).

Т. 32, стр. 490–491 («Письмо к немецким коммунистам»).

Т. 35, стр. 148–149 («А. М. Коллонтай»); стр. 282 («К. Цеткин»).

* * *

«Клара Цеткин и Коминтерн». (К 70-летию Клары Цеткин.) «Коммунистический Интернационал», 1927, № 28.

П. Фрелих, Клара Цеткин. Из жизни борца. Л., изд-во «Прибой», 1927.

3. Боярская, Клара Цеткин. М.—Л., 1928.

«Клара Цеткин — борец за мировую пролетарскую революцию». «Коммунистический Интернационал», 1933, № 18.

«Памяти Клары Цеткин». Воззвание Международного женского секретариата. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 19–20.

Н. К. Крупская, Клара Цеткин. М., изд-во «Молодая гвардия», 1933.

Вильгельм Пик, Клара Цеткин. Жизнь и борьба. М., Госполитиздат, 1957.

Р. Я. Цирульник, Публицистическая деятельность Клары Цеткин в защиту Советской России в 1917–1918 гг. «Вопросы истории», 1957, № 5.

Alexander, G. G. L, Aus Clara Zetkins Leben und Werk. Berlin, 1927.

«Alles für die Revolution!» Aus Leben und Werk der Kampfenn Clara Zetkin. Berlin, 1927.

Dornemann.L, Clara Zetkin. Ein Lebensbild. Berlin, 1957.

notes

Примечания

1

Арнольд Винкельрид — герой швейцарского народа. В битве при Земнахе в 1386 году, пожертвовав жизнью, помог швейцарцам одержать победу.

2

Передавая в печать изложение происходившей в городе Эмсе беседы прусского короля Вильгельма I с французским послом, Бисмарк нарочно придал этой депеше (так называемой «Эмсской депеше») оскорбительный для французского правительства характер и тем спровоцировал Наполеона III на объявление войны Пруссии;

3

Бебель, Август (1840–1913) и Либкнехт, Вильгельм (1826–1900) — виднейшие деятели рабочего движения, основатели и руководители германском социал-демократической партии.

4

Северогерманский рейхстаг — парламент Северогерманского союза (1867–1871).

5

Отрывок из поэмы Г. Гейне «Германия». Собр. соч., т, II, ГИХЛ, 1957, стр. 269.

6

«Железный канцлер» — прозвище Бисмарка, который «методом крови и железа» провел объединение Германии и жестоко боролся против рабочего движения.

Этот закон запрещал социал-демократическую партию, массовые организации рабочих и рабочую печать. Социалистов высылали из страны и бросали в тюрьмы. Социал-демократическая партия ушла в подполье. В октябре 1890 года в результате общего подъема рабочего движения «исключительный закон» был отменен.

8

Иоганн Вольфганг Гёте, Прометей. Избранные произведения, 1950, стр. 79.

9

Бернштейн, Эдуард (1850–1932) — немецкий правый социал-демократ, ревизионист и реформист, один из вождей оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала.

10

Ливдау — город в Баварии, расположенный на берегу Боденского озера.

11

Фридрих Шиллер. Лагерь Валленштейна, Собр. соч., том II, ГИХЛ, Москва, 1955, стр. 325.

12

Гейзе, Пауль (1830–1914) — немецкий писатель, поэт и драматург. В 1910 году получил Нобелевскую премию.

13

Поссибилисты — оппортунистическое течение в рабочем движении Франции конца XIX века. Они проповедовали отказ от классовой борьбы и сотрудничество с буржуазией.

14

Третья республика — буржуазная республика, провозглашенная во Франции в 1870 году после свержения Наполеона III. Просуществовала до 1940 года.

15

Нейзеллерсгаузен — один из районов города Лейпцига.

16

Вайян (Вальян), Эдуар Мари (1840–1915) — французский социалист, видный деятель Парижской коммуны и I Интернационала, один из создателей социалистической партии Франции. В августе 1914 года встал на позиции социал-шовинистов.

17

II Интернационал — международное объединение социалистических партий. Был основан в 1889 году при участии Фридриха Энгельса. В первый период своей деятельности II Интернационал способствовал росту рабочего движения и распространению марксизма. После смерти Энгельса во II Интернационале ведущую роль стали играть ревизионисты и оппортунисты, вставшие на путь предательства интересов рабочего класса.

18

Шварцвальд — горный массив юго-западной Германии, проходящий по территории Бадена и Вюртемберга.

19

Ауэр, Игнатий (1846–1907) — немецкий социал-демократ, член правления партии и депутат рейхстага.

20

Гейне, Вольфганг — немецкий правый социал-демократ, депутат рейхстага. Ленин охарактеризовал Гейне как «типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли» (т. 7, стр. 367). В период германской революции Гейне занимал крайне реакционную позицию.

21

Серебряная палата — помещение императорского дворца, где хранилась драгоценная посуда.

22

Меринг, Франц (1846–1919) — выдающийся деятель германского рабочего движения, один из лидеров левых социал-демократов и основателей Коммунистической партии Германии.

23

В предвыборной кампании 1898 года ревизионисты пытались провести на практике теорию Бернштейна и требовали, чтобы социал-демократы дали согласие на новые военные кредиты, а за это в виде компенсации добились бы предоставления народу прав.

24

Дюнкер, Кете — заместительница главного редактора газеты «Равенство», видная деятельница пролетарского женского движения, одна из руководительниц «Союза Спартака» и основательниц Коммунистической партии Германии.

Гервег, Георг (1817–1875) — немецкий поэт. Его лучшие произведения относятся к периоду, предшествующему революции 1848 года.

25

Рауенские Альпы — часть расположенных в юго-западной Германии гор, носящих название «Швабская Юра».

26

Молох — бог солнца в Финикии и Карфагене, которому приносили человеческие жертвы. Здесь употреблено в переносном смысле — как символ жестокой и неумолимой силы, требующей жертв.

27

Иберия — старое название Испании.

28

Фридрих Вильгельм III (1770–1840) — король Пруссии, начал войну с Наполеоном I, который 14 октября 1806 года при Иене и Ауэрштедте нанес ему сокрушительное поражение. (Прим. автора.)

29

Жорес, Жан (1859–1914) — видный деятель международного социалистического движения, лидер правого крыла Французской социалистической партии, страстный борец против милитаризма и войны. В 1914 году был убит по наущению французских реакционеров.

30

Слова поэта Георга Гервега.

31

В статье «О борьбе с социал-шовинизмом» Ленин подверг Клару Цеткин суровой критике за позицию, занятую ею на Бернской конференции. «Надо было, — писал Ленин, — с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по этому пути мы не пойдем» (т. 21, стр. 180).

32

Пик, Вильгельм (род. в 1876 г.) — ветеран международного рабочего движения, один из основателей и руководителей «Союза Спартака» и КПГ. После смерти Эрнста Тельмана был избран председателем ЦК КПГ. С 1949 года — президент Германской Демократической Республики.

Вильгельм Пик, Клара Цеткин. М., 1957, стр. 20.

33

Циммервальд и Кинталь — деревни в Швейцарии, где происходили международные социалистические конференции «протестующих элементов меньшинства» ряда социалистических партий. Циммервальдская (5–8 сентября 1915 г.) и Кинтальская (24–30 апреля 1916 г.) конференции способствовали консолидации интернационалистов в рядах социал-демократии и имели положительное значение в развитии международного антивоенного движения.

34

«Союз Спартака» — нелегальная организация левых немецких социал-демократов, которые в период первой мировой войны боролись с предательской политикой оппортунистов и организовывали массовые антивоенные выступления. В 1917 году «Союз Спартака» примкнул к НСДПГ, а в декабре 1918 года преобразовался в Коммунистическую партию Германии.

35

Дюнкер, Герман (род. в 1874 г.) — видный деятель немецкого рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии.

36

Мейер, Конрад Фердинанд (1825–1898) — швейцарский писатель. В тексте цитируются слова из поэмы «Последние дни Гуттена».

37

Вначале тираж «Равенства» состоял из 2 тысяч экземпляров, а в 1913 году газета выходила уже тиражом в 112 тысяч.

38

Эберт, Фридрих (1871–1925), Шейдеман, Филипп (1865–1939), Носке, Густав (1868–1946) — немецкие правые социал-демократы, предатели интересов рабочего класса, вставшие на путь открытой борьбы с германской революцией.

39

Веймарская республика была провозглашена в 1919 году в Германии после подавления революции. Учредительное собрание, заседавшее в городе Веймаре, приняло конституцию, закрепившую экономическое и политическое господство буржуазии. Эта конституция просуществовала до захвата власти фашистами.

40

Итальянская коммунистическая партия была основана 21 января 1921 года на съезде в Ливорно.

41

Излагая подробности встреч и бесед Клары Цеткин с В И. Лениным, Г. Ильберг допускает ряд неточностей. Так, события, происходившие в 1920 году, она относит к 1921 году. Ленин навещал больную К. Цеткин не во второй ее приезд в Советскую Россию, а в первый, то есть осенью 1920 года. См. К Цеткин, «Воспоминания о Ленине», Москва, 1955, стр. 17 и 20

42

Как видно из воспоминаний К. Цеткин, эта беседа происходила не в кабинете Ленина, а в комнате, где жила К. Цеткин. См. «Воспоминания о Ленине», стр. 22–29.

43

Бохум — один из угольно-металлургических центров Рура.

44

Гельзенкирхен — крупный промышленный город Рурской области.

45

Манчестер — главнейший центр хлопчатобумажной промышленности Англии.

46

Люстгартен — сад в центре Берлина.

47

Крупп и Стиннес — крупнейшие германские промышленники. Их имена стали нарицательными для обозначения воротил тяжелой промышленности, наживающихся на войне.

СА и СС — фашистские штурмовые отряды.

49

Геккерт Фриц (1884–1936) — видный деятель Коммунистической партии Германии и один из ближайших соратников Эрнста Тельмана, член Исполкома Коминтерна.

50

Статья Клары Цеткин «II Интернационал у ног «вождя» была начата в Архангельском 18 июня 1933 года. Смерть помешала ее закончить.

Краткая библиография составлена переводчиком.